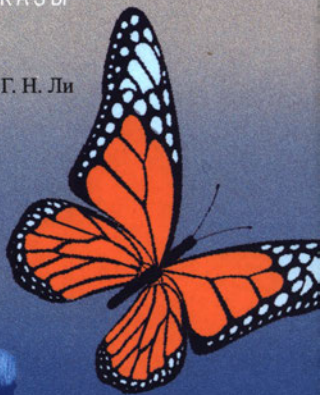

ПАК ВАНСО ОЧЕНЬ ОДИНОКИЙ ЧЕЛОВЕК

ПАК ВАНСО ОЧЕНЬ ОДИНОКИЙ ЧЕЛОВЕК

РАССКАЗЫ

Перевод Г. Н. Ли

ГИПЕРИОН

◎ 한영희 작가

Пак Вансо родилась в 1931 г. в провинции Кёнгидо в уезде Кэпхун. Окончила Высшую женскую среднюю школу Сукмён и в 1950 г. поступила в Сеульский национальный университет на филологический факультет. Из-за корейской войны 1950–1953 гг. вынуждена была оставить учебу и устроиться на работу в магазин при торговой базе Восьмой армии США. В 1970 г. начала писательскую деятельность, выиграв литературный конкурс «Женщины восточной Азии». Лауреат девяти престижных литературных премий. Умерла в январе 2011 г. в возрасте 80 лет.

В ее рассказах описывается жизнь старшего поколения. В современном мире уровень развития общества следует оценивать по тому, как оно относится к детям и пожилым людям. Первые — будущее страны, вторые — носители традиции, истории и культуры — вносят в общество гармонию и помогают ему спокойно развиваться.

ISBN 978-5-89332-327-6

9 785893 323276

СОВРЕМЕННАЯ КОРЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ПАК ВАНСО

ОЧЕНЬ
ОДИНОКИЙ
ЧЕЛОВЕК

РАССКАЗЫ

Перевод с корейского Г. Н. Ли

ГИПЕРИОН
Санкт-Петербург
2019

*This book is published under the support of
the Literature Translation Institute of Korea*

- Пак Вансо**
П13 Очень одинокий человек : рассказы / Пак Вансо : пер.
с кор. Г. Н. Ли. — СПб. : Издательский Дом «Гиперион»,
2019. — 304 с. — (Серия «Современная корейская литера-
тура». XXI).

ISBN 978-5-89332-327-6

В современном мире степень развития общества можно оце-
нить по тому, как в нем относятся к детям и пожилым людям.
Первые — будущее страны, а вторые — носители традиций, ис-
тории, культуры — вносят в общество гармонию и позволяют ему
спокойно развиваться. Сборник рассказов известной корейской пи-
сательницы Пак Вансо (1931–2011) посвящен сложным проблемам
взаимодействия поколений в современном корейском обществе,
в котором еще очень сильны традиционные ценности.

ББК 84(5Кор)

Для читателей старше 16 лет.

ISBN 978-5-89332-327-6

쓸쓸한 당신
Copyright © 1997 by Park Wan-suh
All rights reserved.
Originally published in Korea by Changbi
Publishers, Inc.
Russian Translation copyright © 2019 by
Hyperion Publishing House
Russian edition is published by arrangement
with Changbi Publishers, Inc.
© Г. Н. Ли, перевод, 2019
© Издательский Дом «Гиперион», 2019

ОЧЕНЬ ОДИНОКИЙ ЧЕЛОВЕК

РАССКАЗЫ

ВЫСОХШИЙ ЦВЕТOK

*В чувстве, которое я испытывала к доктору Чо,
не было безрассудной страсти.*

*Любовь была такая же, как и в молодости,
но без сексуального влечения.*

*Любовь, наполненная одними эмоциями, красива лишь
внешне.*

*Мы с ним не обращали внимания на отсутствие
между нами страсти.*

*Она не застила нам глаза, и, возможно, поэтому все
виделось очень хорошо.*

Сначала я не видела ничего, кроме его руки.

Руки с кольцом на пальце. В темно-синем камне, вставленном в платиновое кольцо, я сразу узнала акварин. Он не считается дорогим драгоценным камнем, но в природе встречается редко. То, что я сразу узнала его, вовсе не значит, что я хорошо разбираюсь в самоцветах. Честно говоря, я в них почти не разбираюсь. У меня была подруга. Сейчас она этим уже не занимается, но одно время держала маленький ювелирный магазинчик в подземном торговом центре, находившемся

под гостиницей с пятью цветами мугунхва¹. Я часто заходила к ней, привлеченная ее рассказами о ювелирных изделиях. Однако все наши разговоры тогда были вовсе не об их качестве и не о том, как на практике отличить оригинал от подделки. Слушая подругу, я думала: влияет ли ювелирное изделие на судьбу соблазненного его красотой человека в той же мере, в какой человеческая красота невольно определяет ценность личности? Подруга в основном сосредотачивалась на печальных или таинственных легендах о шедеврах ювелирного искусства или же повествовала о диких страстях, кипевших вокруг них. Она была великолепным рассказчиком, и я слушала ее истории, затаив дыхание. Порой мне даже казалось, что она держит магазин не ради заработка, а ради разговоров о ювелирных изделиях.

Однако рассказ об аквамарине, который я от нее услышала, несколько отличался от других — тоже увлекательных и интересных. Подруга сказала, что аквамарин хорошего качества имеет темно-синий цвет глубокого моря и в природе встречается крайне редко, и рассказала соответствующую легенду. Когда-то давным-давно жил юноша, потерявший в море свою искренне и нежно любимую девушку. И остаток жизни он тратил все заработанные им деньги на покупку прекрасных аквамарин со всего мира. Незадолго до смерти он уже владел огромным пеньковым мешком, полностью набитым этими камнями. Подруга равнодушно и вскользь заметила: этот юноша, вместо того чтобы умереть вслед за любимой, которую отняло у него море, все свои силы и даже душу отдал на то, чтобы собирать кристаллы морского цвета. Я подумала: он, возможно, считал, что именно так сможет лучше всего выразить свою любовь к погибшей девушке. Хотя я и слушала эту легенду с видимым спокойствием, но на самом деле, по-новому увиденный

¹ Национальный цветок Кореи, который называют или ги-бискусом, или розой Шарона, или нарциссом саронским. — *Здесь и далее — примеч. пер.*

темно-синий цвет, словно холодное острое лезвие бритвы, рассек мою грудь. Я задрожала от страха, и все мое тело покрылось гусиной кожей.

Я опоздала на последний поезд и, тяжело дыша, добралась до автовокзала, он был до отказа набит людьми — казалось, там яблоку негде упасть. К сожалению, и здесь все билеты на автобусы, включая последний рейс, были распроданы. С раздражением и некоторой долей отчаяния я подумала: «Как так вышло?.. В сторону Сеула автобусы отправляются каждые десять минут, и все равно билеты уже полностью распроданы? Ведь до отправления последнего автобуса еще целых два часа!» Была суббота, время близилось к вечеру. Но надежда умирает последней, и мне казалось, что на автобус-то билет еще можно купить — в отличие от поезда, на который я все равно опоздала.

Я возвращалась домой со свадьбы своего племянника. Будучи старейшиной рода, я была возмущена бестолковостью и недогадливостью племянника и его жены, которые пригласили меня на свадьбу, при этом не позаботившись о билете на обратную дорогу. Конечно, я тоже допустила ошибку, не взяв в Сеуле билет в оба конца, но тогда я не знала, что мне придется возвращаться домой сегодня же. Я вспомнила, что каждый раз, когда звонила старшему племяннику — сыну моего брата, который пять лет назад переехал в этот город по работе, — тот всегда приглашал меня в гости. Естественно, я рассчитывала, что, позвав меня, сестру своего отца, на свадьбу младшего брата, он предоставит мне ночлег на один-два дня. Младший племянник был коренным жителем Сеула, но после того, как оппа² с женой покинули этот мир, их четверо детей — мои племянники — разъехались по всей Корее и жили там, где находились фирмы, в которых они работали.

² Обращение к старшему брату со стороны младшей сестры. В последнее время это обращение приобрело новый смысл: так стали обращаться девушки к своим любимым.

Возможно, я бы не так возмущалась, если бы свадьба проходила в Сеуле, в конце концов, младший племянник был единственным из всех, кто смог найти работу в столице. Но он влюбился в девушку из города Тэгу, поэтому свадьбу было решено играть там. Или если бы семья невесты была богатой, то я бы не злилась на жену старшего племянника. Но мне приходилось себя сдерживать. Старший племянник со своей женой тоже жили в Тэгу, и я прекрасно понимала, что именно его жене удалось женить младшего племянника после его нескольких свиданий вслепую с девушками, к которым он не предъявлял особых требований.

В зале для свадебных церемоний громко звучал местный говор. Из-за жены старшего племянника, которая не знала, как подобает встречать старейшину рода, мне казалось, что моя и без того подавленная душа страдала еще сильнее. Я приехала, специально надев ханбок³, чтобы выглядеть торжественно при получении пхебэка⁴, однако жена старшего племянника попросила сообщить сватам, что ничего страшного не произойдет, если исключить вручение пхебэка из свадебной церемонии: мол, никто из старейшин рода из-за этого не расстроится. Так она оправдывалась передо мной, объясняя отсутствие пхебэка на свадебной церемонии. Да как она посмела сказать, что никто из старейшин не расстроится? Или я, родная сестра отца ее мужа, не старейшина рода?! Оскорбленная и униженная таким отношением на глазах у всех, я невольно стала оглядываться по сторонам в поисках поддержки.

Боже мой, если невеста даже не собирается преподнести пхебэк, то зачем тогда она вообще надела свадебную фату?! Жили бы просто вместе, как до этого, без всякой свадебной церемонии. Честно говоря, впервые в своей жизни я столкнулась с таким пренебрежением к народ-

³ Национальный традиционный костюм жителей Кореи, часто сшитый из ярких однотонных тканей.

⁴ Обряд подношения даров невесткой родителям мужа.

ному обычаю. До сих пор в нашем роду, где строго соблюдались традиции, не было ни одного такого случая. Любой, посмотрев на эту ситуацию со стороны, решил бы, что семья невесты очень бедна. Что это за семья, которая нарушает старинные традиции лишь потому, что кто-то сказал, что можно их не соблюдать? Разве это не говорит о недостатке семьи? Вручение пхэбэка — старинный красивый корейский обычай, и никто не имеет права нарушать его по своему усмотрению.

Я искала такого же пожилого человека, как я, кто бы мог вместе со мной возмутиться такому пренебрежительному отношению, но вокруг были лишь одни незнакомцы. Да и кто я такая для невестки? Разве я для нее не всего лишь замужняя дочь? Я подумала, что причина столь холодного приема — не подготовила для меня соответствующего места и я не получила пхэбэк — заключилась именно в том, что она считала меня чужой для семьи. Потеряв уверенность в себе, я внезапно поняла, что и сама точно не знаю, правильно ли дарить мне пхэбэк, когда свекра и свекрови уже нет в живых. Что я могла с уверенностью сказать о народных традициях? Оттого что я, старейшина рода, которой в следующем году исполнится шестьдесят лет, не смогла получить соответствующий моему возрасту прием, на душе у меня стало неприятно и испортилось настроение.

Когда жених и невеста, стоя посреди тумана, исходящего из-под когтей ледяной скульптуры птицы Феникс, созданной специально для свадьбы, разрезали торт, раздался громкий хлопок шампанского и воздух сотрясли аплодисменты и радостные возгласы. Неприятный осадок от пренебрежительного отношения со стороны жены старшего племянника, непонятный местный выговор и оказанный мне холодный прием — из-за всего этого я чувствовала себя ужасно одиноко. Мне было неловко в широком розовом ханбоке, который я впервые надевала, когда выдавала дочь замуж; постоянно приподнимаемая волочащийся по земле подол, я выглядела жалко. Насколько же все это бессмысленно — не будучи даже

важным гостем на этой свадьбе, я нарядилась в бросающуюся в глаза яркую одежду, на которую люди взглянут-то от силы один-два раза. С каждым часом все острее осознавая, насколько же глупо поступила, я рассеянно ела, словно несла наказание, и почти не чувствовала вкуса еды.

— Кстати, комоним⁵, на который час вы купили билет? — глядя на меня ясными глазами, спросила жена второго племянника, которая до этого момента усердно кормила своего ребенка, притворяясь, будто не замечает меня.

Я не поняла ее столь неожиданно вспыхнувшего интереса ко мне и недоуменно переспросила:

— Билет? Какой билет?

— Обратный билет в Сеул. Ой, кажется, вы приехали, не купив заранее обратный билет, — сказала она, глядя на мое удивленное лицо. — А ведь сегодня суббота.

Вместо ответа я принялась искать глазами жену старшего племянника, которая в это время занималась встречей и размещением только что прибывших гостей. Однако жена второго племянника нашла ее намного быстрее. Она привела ее ко мне и, шумно суетясь, словно случилась большая беда, всем своим видом показывала, что беспокоится обо мне. Я же в это время, словно дурочка, медленно и скучно разрезала бифштекс, не беспокоясь о возвращении в Сеул.

— Нет, пока еще не поздно. Если поспешить сейчас, то... — проговорила жена старшего племянника, глядя на часы.

Едва я услышала эти слова, как осознала, что должна сегодня же вернуться домой. Я сильно огорчилась: мои надежды на то, что меня оставят ночевать хотя бы из-за негласных правил гостеприимства и попросят отправиться домой на следующий день, не оправдались. На мгновение мне показалось, что от обиды я вот-вот

⁵ Уважительное обращение в Корее племянников или их жен к сестре отца.

расплачусь. Я стала быстро запихивать в рот нарезанные куски бифштекса.

— Ешьте не спеша, — участливо заметила жена второго племянника. — Немного времени еще есть.

— Это не так, — возразила ей жена старшего племянника. — Отсюда еще надо доехать до железнодорожного вокзала, на это тоже требуется время.

— Мы подвезем ее до вокзала, — ответила жена второго племянника и добавила: — Хённим⁶, вы уж извините, что мы не сможем помочь вам здесь прибраться. С вашего разрешения мы уедем чуть пораньше.

— Вы отвезете ее на вокзал? — обрадовалась жена старшего племянника. — Спасибо! Да-да, конечно. Даже если вы останетесь, для вас все равно здесь нет работы. Если вы отвезете ее на железнодорожный вокзал, то этим очень мне поможете. Прошу вас позаботиться о ней.

Так разговаривали между собой жены старшего и второго племянников, стоя рядом со мной. Судя по всему, второй племянник с женой приехали из Ульсана на своем автомобиле. Это был подержанный «хюндай иксель». Племянники вместе с женами, за исключением жениха и невесты, проводили меня до дверей машины. Жена второго племянника вместе с сыном и дочкой уселись на заднее сиденье. Я села вперед рядом с племянником и пристально на него посмотрела.

— Почему вы так смотрите на меня? — смутившись, спросил он.

— Мне кажется, что ты очень похож на своего отца... — сказала я.

— А в детстве я слышал, что больше похож на родственников по материнской линии.

— Это не так, — не очень уверенно возразила я.

— Я давно не видел брата Хёнсока, — сказал племянник. — Я думал, что сегодня он привезет вас на своей машине...

⁶ Обращение к старшей невестке в Корее.

— Ты же знаешь: как назло, именно в это время его угораздило отправиться в заграничную командировку. Жена его тоже работает, — ответила я.

— А ты когда отправишься в заграничную командировку? — раздался с заднего сиденья нахальный голос жены второго племянника.

— Что, хочешь пожить одна, без мужа? — шутливо спросил племянник.

— Знаешь, мне бы тоже хотелось время от времени не участвовать в таких мероприятиях.

— Эй, послушай, разве можно сравнивать свадьбу родного брата и двоюродного? Думай, что говоришь... — Но, вопреки словам, на губах племянника заиграла улыбка.

— Ну-ка, скажи мне, и в чем же отличие? Даже пхлебэк не получила. Хённым сказала, что она сама попросила сватов исключить его из свадебной церемонии, видимо, исходя из положения их семьи. Помнится, когда я выходила за тебя замуж, она сделала все, чтобы получить его. Дорогой, посмотри на меня, ну чем я могла ей не угодить?

— Послушай, милая, хватит. Какая тебе разница? Ведь достаточно и того, что в моих глазах ты — красавица.

Так, подтрунивая друг над другом, они ехали до самого вокзала и больше не давали мне возможности включиться в разговор. Добравшись до автостоянки на железнодорожном вокзале в городе Тэгу, они сослались на то, что парковка стоит десять тысяч вон и въезд на нее закрыт, оставили меня на дороге, словно тюк, и, резко просигналив, быстро уехали. Не зря говорят, что муж и жена — одна сатана; мне показалось, что я услышала их радостный возглас: «Ольсигу!»⁷ Впрочем, я тоже не была расстроена. Напротив, мне как будто стало легче дышать. В тот момент меня больше волновало, куплю ли

⁷ Восклицание, в переводе на русский означающее: «Как хорошо!», «Как здорово!».

я билет, или нет, и я радовалась, что наконец-то избавилась порядком надоевших мне молодых людей, которые, забыв о приличиях, подтрунивали друг над другом в присутствии старшего. Мои сыновья Хёнгук и Хёнсок и их жёны никогда не вели себя так невоспитанно по отношению ко мне или к другим старейшинам рода. От этой мысли я улыбнулась. Я гордилась ими — они приносили мне только радость.

Когда я добралась до кассы, оказалось, что все билеты на поезд Сэмаыльхо — Сеул уже распроданы, а на поезд Мугунхва — Сеул, к сожалению, остались только стоячие места. Приподняв и собрав в кулаке широкий подол своей шелковой юбки — такой широченный, что, если его раскинуть на полу, на нем свободно могли бы уместиться пять-шесть человек, — я резво побежала в сторону междугороднего автовокзала. К счастью, он находился поблизости от железнодорожного. Но когда я прибежала туда и увидела, что и там все билеты полностью распроданы, упала духом.

Самым невыносимым для меня — больше, чем кишащий людьми автовокзал с его наполненным дымом и неприятным запахом плесени воздухом, шумом и громкими криками на непонятном местном диалекте, — был мой розовый ханбок. Я решила, что уже только ради того, чтобы сбросить с себя эту до нелепости пышную одежду, я должна была сегодня же уехать домой. Видимо, отчаяние ясно читалось на моем лице. Кто-то участливо спросил меня, одна ли я. В ответ я лишь кивнула. Тогда незнакомец сказал, что не стоит напрасно стоять у кассы, он посоветовал идти на платформу к автобусам и подождать там. Раз уж я одна, мне будет легче встретить там заранее купившего билет пассажира, которому, возможно, в силу каких-то обстоятельств не подойдет время отправления. Перекупив у него билет, я смогу занять его место. Да, не зря люди говорят: нет такого закона, согласно которому человек должен умереть; оказалось, что даже из такого бедственного положения есть выход. Не зная, как отблагодарить того, кто

дал мне столь ценный совет, я быстро зашагала к автобусам.

Но не одна я была в числе опоздавших на последний рейс в Сеул. Люди, которые также надеялись, что в отправляющемся автобусе случайно появится свободное место, образовали длинную очередь, чему я очень обрадовалась. Ведь лучше будет, если мне повезет, купить билет и уехать, постояв в такой очереди, нежели приобрести его с оглядкой на кого-то или вступив с кем-нибудь в перебранку. Когда ждешь и тревожишься, интервал отправления в десять минут кажется вечностью, но всякий раз, когда трогался очередной автобус, один-два человека из очереди уезжали, найдя в салоне свободные места. И все же при взгляде на длинную очередь надежда на то, что я смогу сегодня уехать, постепенно таяла. Преимущество отдавалось тем пассажирам, кто сумел забронировать билет, но опоздал ко времени отправления своего автобуса, а не безбилетникам, которые ждали в этой очереди. Мое терпение было на исходе; к тому же из-за неопределенности и этой проклятой шелковой юбки и куртки я не могла спокойно стоять. Я слышала, что сделанный в древности шелк мягко и нежно обволакивал тело, но современный шелк (неизвестно, как и из чего он сделан) был настолько тонким, что даже от легкого дуновения ветра поднимался вверх, и мне то и дело приходилось ловить подол. К тому же автобусная платформа, как назло, находилась под открытым небом. Зимнее солнце с течением времени тускнело, и я кожей ощущала, как понижается температура воздуха.

Я попросила стоящую за мной девушку покараулить мое место в очереди, пока я схожу в туалет. Мне казалось, что если и есть хоть малейший шанс уехать, он появится только тогда, когда я войду в зал ожидания. Если бы у директора автобусной фирмы была совесть, думала я, то в субботу во второй половине дня он мог бы запустить несколько дополнительных рейсов в столицу. Мне пришла в голову мысль: если я объединю свой голос

с голосами тех, кто находился в такой же ситуации, что и я, мы сможем заставить директора фирмы так поступить. Однако не успела я, воодушевленная своей идеей и размахивающая широким подолом юбки, словно флагом, войти в зал ожидания, как мне улыбнулась удача. Я увидела пожилого человека, который стремительно вошел с противоположной стороны, держа высоко над головой два возжеленных билета. Я сразу поняла, что он идет возвращать их обратно в кассу. Не успел он подойти к кассе, как я молниеносно преградила ему путь и спросила, куда можно доехать с этими билетами. Билеты оказались на автобус, который через полчаса отправляется в Сеул.

— Харабоди⁸, продайте мне билет. Сколько вы за него хотите?

— Мне сказали, что, если я верну билеты, мне возместят их полную стоимость...

Насколько же суетливой и наглой я выглядела, когда вот так вот грубо преградила ему путь и сразу же распахнула кошелек, даже не узнав цены билетов, что старик с опаской крепко сжал билеты в руке. И это при том, что по мне видно было: я даже готова переплатить. Когда я сказала ему, что возьму полную стоимость билета, он ответил, что продаст его только при условии, что я куплю оба. Я поняла, что ему не хочется идти к кассе ради того, чтобы вернуть только один билет. Мне было не трудно купить оба — ненужный второй я могла бы сама вернуть в кассу. Я сказала: «Хорошо» — и уже было собралась заплатить за оба билета, как из-за спины старика возникла рука, и мужской голос произнес: «Давайте мы с вами возьмем каждый по билету». Это и была та самая рука, с аквамаринovým перстнем на пальце. В тот момент я не успела разглядеть мужчину как следует — не было ни времени, ни желания. Мысль, что я завладела билетом на автобус, заставила мое сер-

⁸ Обращение к пожилым мужчинам, в переводе на русский язык означает «дедушка, дед, старик».

дце взволнованно биться от счастья, словно я выиграла в лотерею.

Чтобы в полной мере насладиться этим чувством, я купила в автомате кофе. Тридцать минут, оставшиеся до отправления автобуса, уже не казались мне ни слишком коротким, ни слишком длинным промежутком. Медленно обедя взглядом зал ожидания, я поняла, что бесполезно искать здесь свободное место. Однако пить горячий кофе, прислонившись к стене, доставляло мне не меньшее наслаждение, чем если бы я пила его сидя. Меня совсем не напрягало, что вот так расслабленно прихлебывать кофе, прислонившись к стене в зале ожидания, было так же неловко, как надевать неподходящую одежду. Когда я отпила глоток, кофе необычно приятно обволок язык. Возможно, из-за того, что я оценивала не кофе, а незаметно проскользнувшие в мое сознание воспоминания об аквамарине.

Примерно пять минут назад я вошла в салон автобуса и села у окна. Мужчина же вошел в автобус прямо перед отправлением, но я даже не взглянула на него. Когда он интеллигентно снял тренчкот⁹ цвета хаки и, аккуратно сложив, неспешно уложил его на полку, в слегка приоткрывшихся полах плаща на миг показалась этикетка известной американской фирмы «London Fog». Мне понравилась его интеллигентность. В поезде или междугороднем автобусе меня всегда больше всего раздражало то, что сидящие рядом люди бесконечно пили молоко и жевали хлеб или мандарины и настойчиво предлагали мне угоститься. Но я знала, что на самом деле в этих предложениях не было ни капли заботы обо мне.

До этого момента кольцо с аквамарином и этикетка фирмы «London Fog» существовали в моем сознании отдельно друг от друга. Туманные сумерки за окном автобуса вскоре приобрели цвет бледной туши. Оста-

⁹ Модель двубортного дождевого плаща с погонами, отложным воротником, манжетами, кокеткой и разрезом сзади.

вив позади погрузившийся в туман город Тэгу, автобус наконец выехал на скоростную автостраду. Мужчина раскрыл газету, при этом слегка задев мое плечо. «Извините», — мягко и обходительно произнес он. Не глядя на него, я лишь кивнула, тем самым показывая, что извиняться не стоит. Хоть я и не смотрела на него, кольцо на развернувшей газету руке все равно бросалось в глаза. Мне нравилось это простое и внушительное кольцо с аквамарином, которое так хорошо подходило крупной мужской руке. Для меня было немного неожиданно интересоваться одеждой и украшениями другого человека, да еще и чувствовать при этом странное волнение в груди. Я не хотела больше думать о нем. Откинув спинку сиденья, я закрыла глаза. То проваливаясь в сладкий легкий сон, то просыпаясь, я, несмотря на то, что за день очень устала, никак не могла нормально уснуть. Мне было очень любопытно узнать, кто же этот мужчина.

Намеренно приподняв бюст и выпрямившись, словно я только что проснулась после крепкого сна, я хотела посмотреть в окно, но стекло запотело. Когда я собралась протереть его нижним краем занавески, мужчина вежливо протянул мне пачку салфеток. Взяв салфетки и кивнув в знак благодарности, я протерла стекло и увидела, что автобус проезжает мимо широких полей. На обочине дороги за окном через каждые пятьсот метров мелькали дорожные указатели, на которых было указано расстояние до Сеула. Мне захотелось узнать, сколько часов еще нам ехать, я попыталась в уме рассчитать время. Вскоре за окном окончательно стемнело — перевести расстояние в часы стало бессмысленно.

— Скоро прибудем в зону отдыха «Кымган», — первым завел непринужденный разговор мужчина.

— А, да, — коротко ответила я, все так же не глядя на него и этим давая ему понять, что не хочу разговаривать.

— В «Кымгане» автобус простоит двадцать минут, — добавил он.

После того как автобус въехал в зону отдыха «Кымган» и остановился, мужчина вышел. Немного погодя и я вышла вслед за ним и направилась в туалет. Там хоть и было чисто, но пол залило водой. Пока я разглядывала себя в зеркале, снаружи доносился шум разбрызгиваемой воды. Видимо, сейчас самый разгар уборки — поверхность кафельного пола в туалете была похожа на воды реки Ханган. Из-за того, что мне все время приходилось поддерживать подол ханбока, а это создавало неудобство, я была сильно раздражена. Когда я вышла из туалета и стала искать глазами свой автобус, мужчина, стоявший с чашкой чая неподалеку, под светом уличного фонаря, увидел меня и мягко улыбнулся. Его улыбка, казалось, проникала в самую душу — я быстро отвела взгляд. Стоя, словно щеголь в последней сцене хорошего фильма, он выглядел очень эффектно. Свитер виноградного цвета с V-образным вырезом и небрежно наброшенный на шею бледно-зеленый шерстяной шарф поверх голубой гавайской рубашки были красивы до вульгарности и очень хорошо подходили к отливавшим серебром волосам мужчины. Если бы кто-то сказал мне, что он певец нового поколения, я бы в это поверила. Приспустив подол юбки — я держала ее на весу, и она до колен открывала мои шаровары, — я с недовольным видом торопливо засеменила в сторону автобуса. Но даже шагая по асфальту, я все равно вынуждена была приподнимать юбку, словно переходила лужи. Это заставляло меня чувствовать ужасный стыд и раздражение.

Войдя в автобус, я через окно принялась наблюдать за тем мужчиной. Он, видимо, не только щеголь, но и хорошо следит за собой. У него были плоский живот, длинные ноги, а шаги легки и пружинисты. Я подняла голову и посмотрела на его аккуратно сложенный на полке тренкот. Хотя логотипы не совпадали, у меня тоже имелось красивое пальто известной британской компании «Burberry». Мне вдруг в голову пришла мысль, что, если бы не этот несчастный пхебэк, возможно, я бы при-

ехала на свадьбу в пальто и выглядела бы как минимум лет на десять моложе.

Неожиданно для себя я представила, как мы с этим мужчиной входим в какой-нибудь приличный бар в развешивающихся от холодного ветра тренчкоте от «London Fog» и пальто «Burberry» и, часто чокаясь, выпиваем там по бокалу хорошего европейского вина. Не знаю, что пробудило во мне эти давно забытые чувства: он или его кольцо с аквамарином. В то время, когда я часто без особой причины заходила в ювелирный магазин подруги в подземном торговом центре под отелем, я была намного моложе, чем сейчас. Впрочем, честно говоря, я и тогда уже была немолода. Когда я оглянулась на прошлое, на то время, когда, забыв о себе, целиком и полностью отдавалась лишь заботе о детях и муже, отчасти удовлетворяясь этим положением, отчасти нет, мне уже было далеко за сорок. От мысли, что все эти годы прошли напрасно, что дети, выросшие хорошими людьми, и муж, получивший признание своих способностей и ставший членом руководства фирмы, перестали доставлять мне прежнюю радость, а забота о них больше не приносила удовлетворения, у меня начинало неметь и покалывать все тело — от кончиков пальцев на руках до пяток. В такие минуты я чувствовала себя бесконечно уставшей и одинокой. Возможно, причиной, по которой я, ничего не покупая, так часто посещала ювелирный магазин, внезапно открытый подружкой, которая до этого, как она говорила, едва сводила концы с концами, были именно усталость и одиночество. В то время мы с ней больше смерти боялись возраста и времени, когда нам останется лишь стареть.

Тогда на углу улицы с многочисленными ресторанчиками, где в подземном торговом центре отеля располагался ее ювелирный магазин, находился бар с броским названием «Казанова». Мы с подружкой иногда с удовольствием проводили в нем время, пропуская по бокалу хорошего европейского вина или коктейля. Однако мы ходили туда не из-за выпивки, а из-за приятной атмо-

сферы. Поначалу из-за того, что нам, женщинам, было стыдно ходить в бар только вдвоем и из-за того, что нам казалось, будто мы поступаем нехорошо по отношению к своим мужьям, мы приглашали их, иногда они составляли нам компанию. Наши мужья окончили тот же университет, что и мы; кокетливые слова вроде: «Знаешь, сегодня вечером мне что-то одиноко — не угостишь ли меня бокалом вина?» не действовали на них. Если бы мы упрекали их в отсутствии романтичности, они, скорее всего, спокойно встали бы и ушли домой. У них вечно были какие-то предварительные договоренности, поэтому они великодушно разрешали нам в одиночку, без них, посидеть за выпивкой. В среднем возрасте наши мужья выглядели гораздо менее одинокими, чем мы, отчего наше собственное одиночество, казалось, усиливалось в разы. Из-за того, что они не уделяли нам так много внимания, как раньше, мы теряли уверенность в себе, и это делало наш возраст еще более бессмысленным. То, что с таким настроением благодаря богатой подруге я могла наслаждаться вкусом хорошего европейского вина и прекрасной атмосферой в том замечательном баре, было для меня грустным, но незабываемым утешением, словно я посетила роскошную вечеринку, нацепив на себя взятые напрокат украшения.

Тогда больше, чем вкус виски или хорошего европейского вина, и даже больше, чем атмосфера бара, нам с подругой нравилась одна пожилая пара постоянных клиентов. Это были солидный, представительного вида мужчина и его элегантно одетая спутница; они всегда садились за стойку напротив бармена с таким видом, будто у них полно свободного времени. Высокие стулья без спинки, на длинных ножках, словно дорогие аксесуары, хорошо подходили им. В баре было много уединенных, тускло освещенных мест для влюбленных, но вот что странно: именно место за барной стойкой, где всегда сидела та пара, несмотря на то, что оно ярко освещалось со всех сторон, в такие минуты выглядело наиболее укромным. Когда они устраивались там рань-

ше других, даже те, кто постоянно торчал на этом месте, вежливо обходили его стороной. В исходившей от них таинственности ощущался мир, который нам хотелось охранять. Однако, глядя на них, мы не считали их стариками-супругами, нам хотелось думать, что они — пожилые влюбленные. Естественно, это было всего лишь наше предположение, мы все время говорили о них, хоть и не знали, какие на самом деле между ними отношения. Нам просто нравилось наблюдать за ними из темного уголка. Мы, словно перед нами разворачивались кадры из фильма, с восхищением смотрели, как красавец-бармен вежливо подавал им в небольшом количестве закуски, сыр или пикули, или тыквенного цвета виски в хрустальном бокале, ловко закинув туда несколько кубиков льда. Мы не знали, о чем и с каким выражением лица они говорили; их отношения вызывали зависть и утешали нас, потому что, несмотря на свой преклонный возраст, они выглядели счастливыми. Они медленно, маленькими глотками, с наслаждением пили виски и часто чокались. Когда я видела, как они слегка соприкасаются бокалами, мне в голову приходила мысль, ранее не посещавшая меня: только в таком возрасте и возможно искреннее примирение между людьми.

В то время я чувствовала себя очень жалкой и несчастной; моя жизнь в какой-то степени устоялась, но отношения между мной и мужем, сыновьями и родственниками «скрипели», словно преждевременный ревматизм. Всякий раз, оглядываясь на свое прошлое, я чувствовала себя очень несчастной, хотя никакой видимой причины для этого не было. Подруга тоже часто жаловалась мне, что она не знает, зачем и для чего живет. Тяжело вздыхая, я соглашалась с ней. Возможно, то, что мы с ней так идеализировали пожилую пару и смотрели на них с таким искренним восхищением, было одним из способов заполнить возникшую внутри нас пустоту и уменьшить ужас перед приближающейся старостью и ее внешним уродством.

Когда семья подружки внезапно разорилась и ювелирный магазин закрылся, наше прекрасное времяпровождение закончилось. Я думала, что обычно разоряются постепенно, но оказалось, что для разорения богатого человека требуется неправдоподобно мало времени. Муж подружки, обанкротившись, скрылся за границей, а она, у которой в счет долга отняли ювелирный магазин, осталась в одиночестве. Некоторое время она притворялась нищей, а потом внезапно уехала вслед за мужем, даже не попрощавшись со мной. Я, естественно, вернулась к своей прежней жизни и была бесконечно благодарна тому, что пока мои мысли были заняты другими вещами, в моей семье все обстояло по-прежнему благополучно; как и раньше, я снова стала хорошей хозяйкой, заботливой женой и матерью.

Сколько же лет прошло с тех пор, как я перестала ходить в тот бар? Временами мне казалось, что это было в далеком прошлом, временами — что вчера или позавчера. Интересно, бар «Казанова» по-прежнему находится на старом месте? Даже если мне скажут, что со временем исчезли и бар, и та пожилая пара влюбленных, мои фантазии никуда не денутся. Я мечтала о том, что когда-нибудь в каком-нибудь роскошном иностранном баре буду чокаться с возлюбленным красивыми хрустальными бокалами и пить хорошее европейское вино. Я долгое время мечтала о таком дне и чувствовала, что не могла сделать этого раньше лишь потому, что у меня не было партнера.

Он протянул мне бумажный стаканчик с юмольча¹⁰. Я впервые увидела его вблизи и поблагодарила за чай. Кожа на его красивом мужественном лице была гладкой, без бородавок и лишнего жира, взгляд — мягким и теплым. В этот момент сердце гулко застучало, и меня

¹⁰ Чай, заваренный из молотых сушеных плодов слезы Иова (известное по Библии растение, более знакомое любителям природы как слёзы Богородицы, богородицны слёзки, коикс, слеза Юпитера, бусенник, слезник).

бросило в жар. Кто поверит в то, что в моем возрасте можно испытать подобное чувство?

Покинув зону отдыха «Кымган», автобус постепенно набирал скорость. Водитель, не спросив согласия пассажиров, по своему желанию сошел со скоростной автострады — исчезли придорожные указатели, показывающие расстояние до Сеула. Автобус все время ехал в темноте; я не знала, государственная ли это автострада или какая-нибудь кратчайшая дорога, известная только водителю. Но порой, когда мы проезжали мимо небольшого городка или поселка, за окном, вспыхивая, мелькали огоньки магазинов и вывески. Когда я, желая выяснить, где мы находимся, выглядывала в окно, мой спутник неизменно протягивал мне салфетки, чтобы я могла протереть ими запотевшее стекло. Но даже если на улице рядом с сельскими магазинами появлялись вывески: «Соуль миванчжом»¹¹, «Мёндон янбокчжом»¹², «Тогиль панчжом»¹³, «Ыйчжонбу сокоциге», «Ёнчжэ доксосиль»¹⁴, — невозможно было догадаться, где мы находимся. Каждый раз, когда после поля или глухой горной дороги возникал такой магазин, я не знала, радоваться этому или нет, — настолько все вокруг казалось нереальным. Только я с беспокойством подумала, что мы едем не в Сеул (по времени мы уже должны быть в столице), что водитель сбился с пути и заблудился, как автобус въехал в какой-то оживленный многолюдный город. Я выглянула в окно и по номерным знакам на автомобилях поняла, что мы находимся в Тэчжоне. На часах было около десяти часов вечера.

— Это Тэчжон. Слава богу, наш автобус все-таки едет в Сеул. — На сей раз я первая начала разговор.

— А вы думали, что он едет в другое место? — не без иронии с улыбкой спросил он.

¹¹ Сеульская парикмахерская.

¹² Мёндонский магазин европейской одежды.

¹³ Немецкий хлебный дом.

¹⁴ Читальный зал для одаренных детей.

— Мы же съехали со скоростной автострады, — серьезно ответила я. — Теперь я вижу, что волновалась напрасно. Просто подумала, что даже если будем ехать всю ночь, то можем никуда не приехать.

— Автобус, который никуда не сможет доехать... Интересно. Ваше воображение гораздо поэтичнее моего... — В его голосе продолжала звучать ирония.

— А вы о чем подумали? — спросила я, немного раздраженная его тоном.

— Я подумал, что в этом автобусе едут невинные люди, которых, возможно, похитили вместе с человеком, выполняющим важную миссию или везущим колоссальную сумму денег, — снова улыбнулся он, но уже без иронии: видимо, почувствовал мое раздражение.

— Если бы водитель услышал наш разговор, он бы подумал, что мы особенно ужасные пассажиры. Он же старается как можно быстрее добраться, поэтому плутает по незнакомой дороге, а вы... — упрекнула его я, но мысленно повеселилась его фантазии.

— То, что мы с вами бодрствуем, — разве это не ужасный поступок? Смотрите — все вокруг спят крепким сном! Если бы вы уснули, как они... — Он кивнул головой в сторону спящих людей в автобусе. — Если бы вы положились на водителя и твердо верили, что он довезет нас до Сеула, вам вряд ли в голову пришли бы такие бредовые мысли.

Я окинула взглядом салон автобуса — действительно, все пассажиры спали крепким сном, кроме нас двоих не было никого, кто бы бодрствовал. К своему удивлению, я почему-то обрадовалась этому обстоятельству.

— Вы живете в Сеуле или в Тэгу? — вежливо спросил он.

— Я ездила в Тэгу на свадьбу младшего племянника и теперь возвращаюсь обратно.

— А-а-а, понятно, почему вы так нарядно одеты! — кивнул он, оглядев мой ханбок.

— Да, я подумала, что в ханбоке будет удобнее получать пхебэк и выполнять различные обязанности старейшины рода.

Я нарочно не сказала ему о том, что не получила пхэбэк. Но несмотря на это у меня на душе стало легче оттого, что я смогла оправдаться за ханбок. В глубине души я понимала, что в такой одежде в автобусе я выглядела довольно легкомысленно.

Начиная с Тэчжона автобус сильно выбился из графика и прибыл в Сеул далеко за полночь. Все это время пассажиры продолжали крепко спать, только мы вдвоем, словно дети, всю дорогу вели ни к чему не обязывающие разговоры. Мы не говорили с ним о банальных вещах: сколько было нам лет во время Корейской войны¹⁵, какие страдания пережили в то время, куда эвакуировались. Мы всю дорогу обсуждали фильмы, полюбившихся нам актеров, музыку, рестораны с хорошим интерьером, вкусной едой и атмосферой; рассуждали о том, как протекает жизнь в мире. Я впервые получала удовольствие от беседы с другим человеком. Я поняла, насколько люблю говорить, насколько же я жизнерадостный, эрудированный и, не побоюсь этого слова, одаренный человек. Но это вовсе не означало, что по всем обсуждаемым вопросам у нас с ним были одинаковые мнения. Я охотно соглашалась с ним насчет того, какие сильные унижение и стыд испытывали наши соотечественники в период реформ или правления хунты. Но стоило ему завести разговор о собаке породы джиндо¹⁶, о которой он говорил как о члене семьи, я шумно выражала неприязнь к ней, словно человек, у которого аллергия появляется лишь от одного собачьего лая. Естественно, все те разговоры, которые мы вели, не могли быть одинаково интересными, но несмотря на это, хоть и было уже за полночь, я все равно почувствовала сожаление, когда мы все-таки прибыли в Сеул.

Городские автобусы еще изредка проезжали мимо, но метро уже не работало. Почти все пассажиры, сошедшие

¹⁵ Имеется в виду война между Северной и Южной Кореей в 1950–1953 годах.

¹⁶ Порода собак, выведенная в Корее.

с междугороднего автобуса, встали в очередь на стоянке такси. Ночной воздух был холодным. Мой спутник снял тренкот и накинул мне на плечи. Я не стала отказываться, покорно позволив ему сделать это, и съежилась внутри плаща от холода. Находясь рядом с ним, я на время забыла о таком понятии, как возраст.

— Где вы живете? — тихо спросил он, глядя на меня и улыбаясь.

— В деревне Кодок, — ответила я, отведя взгляд.

В это трудно было поверить, но он сказал, что живет в той же деревне! До встречи с ним я считала, что это обычная неприметная деревушка. Но сейчас я подумала: «Как она может быть неприметной, если в ней живет Он?» Сердце прыгало в груди, словно неугомонная маленькая девочка. В памяти всплыли густой красивый лес, окружающий деревню со всех сторон, и великолепная дорожка для прогулок. Не сговариваясь, мы непридуманно, словно старые знакомые, сели в одно такси. Хотя мы и жили в одной деревне, расстояние между многоэтажкой, в которой жил он, и моим домом оказалось достаточно большим. Высаживая меня из такси, он на прощание улыбнулся и протянул мне свою визитную карточку.

Я обрадовалась включенному свету на втором этаже в комнате, которую арендовала ученица выпускного класса. Я попыталась вспомнить, как та выглядит, но не смогла. Может быть, из-за того, что я казалась добродушной и мягкой, ученица нахально попросила меня, чтобы я сама ходила в банк оплачивать налоги или счета за коммунальные расходы на арендуемую комнату. Я несколько раз слышала, как она ворчала, сравнивая суммы счетов за электричество за мой дом и свою комнату. Разница была большой из-за того, что, будучи ученицей выпускного класса, она много занималась по ночам...

Мой дом с самого начала был построен в три этажа — чтобы сдавать комнаты в аренду. Я как хозяйка дома жила на третьем, который был спроектирован для одной семьи, в отличие от двух других этажей, на каж-

дом из которых могло жить по две семьи. Хотя я и жила одна, мне совершенно не было одиноко в жилище площадью в примерно сто квадратных метров — наоборот, я чувствовала себя в нем уютно, даже когда возвращалась поздно ночью из гостей или после встреч с подругами. В гостиной висела фотография с четырнадцатью членами некогда большой семьи. Эта огромная, размером в половину створки двери, фотография была сделана еще до того, как старший сын уехал в американский филиал своей фирмы. На ней были запечатлены я с супругом, два сына (в семье каждого из них было по четыре человека) и две дочери с мужьями. Первым покинул этот мир мой муж, но вскоре родился еще один внук — сын старшего сына, поэтому в нашей семье по-прежнему оставалось четырнадцать человек. Я еще не видела новорожденного внука — тот появился на свет уже в США. Старший сын, не жалея денег на телефонные разговоры, обязательно звонил раз в неделю и подолгу разговаривал со мной, иногда давал послушать лепет младенца. Дочь, живущая неподалеку, и второй сын, проживающий в районе Бундан, тоже каждый день звонили справиться о моем здоровье. Частые и регулярные звонки моих детей придавали мне силы жить.

Когда я открыла дверь, в прихожей автоматически включился свет. Прежде, чем он погас, я быстро прошла в гостиную и, включив свет там, по привычке глянула на семейную фотографию. Вдыхая знакомый влажный, словно только что снятая одежда, воздух родного дома, я посмотрела на визитную карточку. Визитка была лаконичной — указаны только его имя — Сокчжа — и номера домашнего и офисного телефонов, должности не было. Я тогда ничего не знала о нем, но его визитная карточка показалась мне красивой; я почувствовала, что во мне просыпается новый интерес к нему. В этот момент меня совершенно не волновало, чем он занимается и в какой фирме работает.

В течение последующих нескольких дней наступающая осень стала ощущаться сильнее — с третьего этажа

было видно, как в близлежащем лесу листья кленов стремительно меняли зеленый цвет на желто-красный. Люди говорили, что в районе горы Сораксан листья кленов уже полностью окрасились. Я подумала: «Интересно, а в какое время дня он прогуливается вместе со своей красивой джиндо?» Он говорил, что держать собаку в квартире многоэтажного дома незаметно для соседей очень трудно из-за ее крупного размера, поэтому он вынужден заботиться о ней по очереди со вторым сыном, который живет в отдельном частном доме. Он сказал, что до сих пор никогда не нарушал законов, независимо от того, плохие они или хорошие, но из-за собаки ему пришлось сделать это; он не смеет даже повысить голос перед соседями. Однако в моих глазах он оставался порядочным и добрым человеком, которого хорошо иметь в соседях. Того, что он о себе рассказал, мне было достаточно, чтобы знать о нем все, что хотелось на первое время. Его визитная карточка лежала возле стационарного телефона. Я вспомнила, что не давала ему свой домашний номер, но порой, когда раздавался звонок, я, поднимая трубку, ловила себя на мысли: «А не он ли это?» Я хорошо понимала, что первой позвонить следовало бы мне, поскольку моего номера он не знал, — но у меня не хватало духу сделать это. Иногда у меня возникало желание увидеть его, но я колебалась: звонить ему или нет? Он знал, где я живу, но это никак не помогало мне в моем желании увидеть его снова. Я сразу же отбросила мысль о том, что он может внезапно прийти ко мне домой — это совершенно не соответствовало его благородному образу. Так уж сложилось у меня с самого рождения: если я сама что-нибудь не предпринимаю, то ничего и не случается.

Шанс увидеться с ним появился неожиданно быстро.

Мать моей второй невестки, которая жила одна в родительском доме и охраняла его, покинула этот мир. Все члены семьи, кроме меня, уехали на похороны, оставив на мое попечение маленького щенка, которого растили внуки. Они, кажется, сказали, что это щенок пуделя, но

он был настолько крошечным, что больше походил на мягкую игрушку, которая помещалась на ладони. Каждый раз, когда он ерзал, мне казалось, что он двигается благодаря невидимой заводной пружинке, спрятанной в шерсти. Может быть, из-за того, что щенок не был похож на собаку, я спокойно согласилась присмотреть за ним, не выразив ни неприязни, ни радости. Они уехали, всучив мне щенка и не обмолвившись ни единым словом о том, что он ест, где справляет нужду и как за ним ухаживать. От внезапно свалившегося на меня дела я невольно растерялась. Я подумала: «А вдруг пуделек уже научен?» — и открыла дверь туалета. Я удивилась, увидев, что он сам справляет нужду. Но хоть пудель и умел справлять нужду, он ничего не ел: убегал, даже не принявшись ни к молоку, ни к жидкой каше, ни к бисквиту, который я настойчиво предлагала ему, суя под нос. Мне казалось, если я оставлю щенка в покое, то потом вынуждена буду выслушивать, что заморила его голодом. Перепробовав все способы и ничего не добившись, я решила посоветоваться с матерью живущей на втором этаже школьницы. Она спокойно выслушала меня и сказала, что щенок, вероятно, ест специальный собачий корм. За окном стоял вечер; я вспомнила, что завтра у меня есть дела в городе, и решила зайти в зоомагазин, где, посоветовавшись с продавцами, купить корм для собаки. Я добавила бульон к остаткам собранной еды и поднесла эту смесь к морде щенка. Я думала, что он снова поднимет голову вверх и не станет кушать, но он резво бросился к чашке с едой и принялся лакать бульон, бешено работая красным языком. Глядя на него, я удовлетворенно улыбнулась и сказала: «То-то же, даже человек, царь природы, и тот, когда проголодается, преклоняет колени, а ты кто такой, щенок, чтобы различать, холодная еда или горячая, ты понимаешь меня?» Тут щенок внезапно упал набок и стал так жалобно пищать, беспомощно дрыгая лапками, что я подумала: уж не умирает ли он? У меня не было времени спокойно поразмыслить,

почему такое случилось. Представив, что еще немного — и я увижу мертвого щенка, я ужасно перепугалась. Как же я посмотрю в глаза сыну и невестке, если щенок умрет? Вспомнив о внучке, которая вела себя со щенком так, словно была его матерью, я чуть не сошла с ума. В тот момент единственным человеком, которого хотелось попросить о помощи, был Он. Дрожащей рукой я с трудом набрала его номер. Как только в трубке раздался его голос, я сразу же разрыдалась, не в силах нормально говорить. Он все понял и немедленно приехал на машине, благодаря чему мы очень быстро добрались до ближайшей ветеринарной клиники.

Увидев его, я снова разрыдалась. Я не могла понять, почему так сильно плакала. Он молча подошел ко мне, мягко обнял за плечи и нежно похлопал по спине. Затем, схватив щенка, быстро вышел из дома. Я выбежала вслед за ним и села в его машину. Он вел машину одной рукой, а другой все время слегка похлопывал меня по плечу, утешая. Я не помню, как мы доехали до ветеринара. Щенок, пока его осматривал ветеринар, повизгивал еще жалобнее, чем дома. Я стояла, заткнув уши, и всхлипывала в Его объятиях. Мой плач не был притворством или хитростью — я просто не могла прекратить рыдать в Его сладостных объятиях. Ветеринар показал рыбную кость, вытащенную из горла щенка, и с улыбкой сказал, что он много раз видел, как рядом с больной собакой плачут дети, а вот плачущую бабушку видит впервые.

Щенок пуделя выздоровел и через несколько дней вернулся в свой дом, о чем я, естественно, нисколько не жалела. Мы начали созваниваться с Сокчжа по телефону, чтобы обсудить здоровье щенка, пока тот находился еще у меня в доме; наше общение продолжилось и после того, как я отправила пуделя сыну — и в конце концов я пригласила его встретиться и выпить по чашке чая. Ради встречи с ним я даже начала гулять по утрам, а в день, когда выпал первый снег, мы наконец выпили

виски, без причины часто чокаясь, в одном роскошном баре, атмосфера которого напоминала мне бар «Казанова». Тогда платила я. В следующий раз — в традиционном корейском ресторанчике — он купил макколи¹⁷. Это был прекрасный уютный ресторанчик, его интерьер нисколько не уступал оформленному в европейском стиле роскошному бару «Казанова». Мы с ним посещали разные рестораны и платили по очереди: например, если я покупала блюда традиционной корейской кухни, то он — блюда европейской кухни; если я покупала дешевую еду, он — дорогую. У нас не было какого-то установленного порядка или особых правил, кроме одного, негласного: мы не должны доставлять друг другу неудобство. В общем, мы вели себя так, как нам вздумается. Я ближе познакомилась с его красивой собакой породы джиндо. Иногда, посадив ее в машину, мы вместе катались по окрестностям Сеула. В те дни я словно впервые узнала, что в этом городе так много красивых мест. Это было чудесное и сладкое время (если можно так выразиться), мне было так же хорошо, как в тот незабываемый день, когда из-за беспокойства о щенке я проливала слезы в его объятиях. И хотя все вокруг ощущалось совершенно по-новому, я вовсе не прыгала от восхищения, словно шестнадцатилетняя девушка. Как принято сегодня говорить о легкой игре нового поколения актеров, я чувствовала, что в последнее время мое тело приобрело «удивительную легкость, чувствительность и упругость», словно шарик для пинг-понга. И не только это: я не могла избавиться от ощущения, будто и впрямь играю некую роль, словно актриса. Легкомысленное веселье, которое овладевало мною рядом с ним, было похоже на радость от детской игры — не возникало чувства реальности происходящего. Тогда мне действительно казалось, что все происходит во сне, — настолько это было необычно.

¹⁷ Макколи — корейский традиционный слабоалкогольный напиток.

Как такое чудо могло случиться в подобном возрасте? Однажды, когда я принимала ванну, раздался телефонный звонок. В доме было два стационарных телефона: один в гостиной, другой — в спальне. То, что каждый раз в таких случаях я могла выбраться из ванной совершенно голой и смело идти поднимать трубку, я считала одним из преимуществ одинокой жизни. Ванна находилась рядом со спальней, телефон стоял на маленькой тумбочке с выдвижными ящиками для хранения документов. Я быстро подошла к телефону и подняла трубку. С тела на пол стекали крупные капли воды, и я постелила под ноги обмотанное вокруг тела полотенце. Я даже не дослушала до конца, что там говорили по телефону, и едва не вскрикнула: «Нет, кто эта старая кочерга?!» На туалетном столике, сбоку от небольшого томика, лежало маленькое зеркало — я принесла его с собой, когда вышла замуж. В нем отразилась нижняя часть моего обнаженного тела. Я была беременна три раза и родила трех сыновей и дочь, вырастила троих детей. В третий раз я была беременна близнецами, но младшего потеряла — он умер, не прожив и года. Вид моего тела ниже пупка был ужасен. Выпуклая нижняя часть живота, резко поднимавшаяся над лобком, была полностью покрыта морщинами, похожими на складки криво выжатого и высушенного шелкового белья. Хотя это уродство возникло не вчера и не сегодня, оно все равно неприятно поразило меня. Если смотреть на бюст в отражении запотевшего зеркала в ванной комнате, я все еще выглядела неплохо. Выходя из ванны, я не испытывала желания разглядывать в зеркале те части тела, вид которых не вызывал у меня радости. Быстро прикрывшись полотенцем, я твердо решила: «До самой смерти никому не покажу эти неприличные места. — И шутливо добавила: — Даже тебе, зеркальце!»

На Рождество я подарила ему шарф, а он мне — платок. Оба подарка были красивыми до вульгарности. Мы с ним были схожи: вместо практичной вещи выбрали такую, которая в какой-то мере могла бы удивить

и обрадовать. Впрочем, возможно, у нас было больше различий, чем сходства. Он, смущенно улыбаясь, сказал, что давно не дарил подарков женщине. Я ни о чем не спрашивала его, но он сам, как бы между прочим, упомянул о том, что потерял жену три года назад. За все то время, что мы достаточно близко общались, нам выпадало много шансов поговорить о себе как о вдове и вдовце. Однако до Рождества мы никогда по-настоящему серьезно не говорили об этом. Я быстро поменяла тему разговора. Я не думала, что нам следует обмениваться подробностями нашей личной жизни так же, как шарфом и платком.

В следующем году мне исполнилось шестьдесят. Есть ли какой-то смысл в том, что со дня рождения я прожила юккаб¹⁸ — один круг шестидесятилетнего цикла? В конце концов, в наше время празднование юккаб уже не звучит как похвала, в отличие от далекого прошлого, когда большинство людей не доживали до этого возраста, но делать было нечего — по обычаю я должна была отпраздновать его. Утром на Новый год по лунному календарю позвонил из США старший сын. Сказав, что делает по телефону мне поклон себя¹⁹ в честь моего шестидесятилетия, завел разговор на тему празднования юбилея. Он предложил мне вместо празднования хвангаб²⁰ приехать к нему и попутешествовать по США, а юбилейные торжества, если я не возражаю, перенести на семидесятилетие. Судя по его не терпящему возражений тону, он, скорее всего, уже все согласовал с младшим братом и сестрой.

— Мне надо подумать, — неохотно и с некоторым неудовольствием ответила я. — Сынок, вам с братом и сестрой не стоит беспокоиться об этом. Если вы не устроите мне юбилей, я совершенно не расстроюсь. И не

¹⁸ Шестидесятилетние со дня рождения.

¹⁹ Глубокий поклон в честь Нового года по лунному календарю старшим: детей — родителям, бабушке с бабушкой.

²⁰ Также означает шестидесятилетие со дня рождения.

думай, что обязательно надо сделать что-то взамен него! Знаешь, этот хвангаб наступил так внезапно, что я нахожусь в сильном душевном смятении...

Это был не вполне вежливый отказ с моей стороны. Но я не хотела доставлять детям неудобства и хлопоты — я на самом деле так чувствовала.

— Вот поэтому тебе и не стоит беспокоиться о юбилее — вместо этого я предлагаю попутешествовать. Я возьму длительный отпуск — давай заодно съездим и посмотрим Европу. Мне тоже осталось всего лишь год жить здесь. Если упустишь такой хороший шанс — будешь жалеть всю жизнь, — простодушно запугивал сын.

Он имел право так говорить. С тех пор как он уехал работать в американский филиал своей фирмы, он настойчиво уговаривал меня прилететь и посмотреть Америку. Во многом я не желала праздновать хвангаб потому, что мне не хотелось, чтобы работающий в США сын вынужден был лететь на мой юбилей с родными жены и со своей большой семьей, оплатив всем авиабилеты. Так ничего конкретно не ответив, я прервала разговор. Каждый раз, когда раздавался международный телефонный звонок, я, как обычно, прежде всего беспокоилась о стоимости разговора и по возможности старалась побыстрее его закончить.

Юбилей был в тягость не только мне — детям он тоже доставлял немало хлопот. Когда я не совсем вежливо отказалась от путешествия по Америке, сыновья и дочь спросили: не хочу ли я тогда все-таки отпраздновать юбилей? Услышав, что не хочу ни того ни другого, они стали волноваться и с пристрастием допытываться, что же у меня на душе. Как они могут узнать, что творится у меня на душе, когда я и сама этого не знаю? Хотя я и смеялась над их расспросами, все-таки их беспокойство было приятно. Разве есть на свете родители, которые не были бы довольны, видя, как их дети старательно выражают свое почтение? Нежная забота дочери возвышала меня, словно антенну. Она была старшим ребенком и по сравнению с братьями имела наименьшую разницу в возрасте со

мной. К тому же она была со мной одного пола. С самого ее рождения я вела себя с ней так, словно она моя близкая подруга, и привыкла обсуждать с ней все дела. Я не могла сдержаться и рассказала дочери о том, что случилось со мной во время поездки в родительский дом.

Видимо, то, что я вела себя с ней как с подругой, в конце концов привело к ее бесцеремонному вмешательству в мои отношения с мужчиной, с которым я познакомилась во время поездки на свадьбу младшего племянника. Дочь, почти ничего не зная о нем, отнеслась к нему с подозрением. Наша страна — общество, в котором (если ты, конечно, не упал с неба) все связаны невидимой паутиной достаточно близких отношений, словно члены первобытной общины. После того как дочь решила узнать о нем все, я, естественно, уже не могла отвертеться, и мне пришлось рассказать о нем даже то, я бы хотела скрыть, — она бы все равно выведала детали. Все, что я знала о нем, — это то, что до выхода на пенсию в прошлом году он работал профессором в провинциальном университете и вместе с профессором истории Кореи руководил небольшим исследовательским центром. Прошло уже три года с тех пор, как умерла его жена; они были гармоничной супружеской парой. Он, как и его сын, владел отдельным домом и участком земли в деревне. За ним ухаживала жена старшего сына — дочь богатых родителей, красивая и умная женщина. Она была ровесницей моей дочери, поэтому информация о ней у той была достаточно полной. Дочь говорила, что даже если бы начиная с начальной школы и до окончания университета они никогда не учились бы вместе — например, одна бы получала образование в Сеуле, а другая в деревне, — все равно так или иначе они были бы связаны друг с другом через какие-нибудь знакомства. Я не могу сказать, хорошо это или плохо, но таково наше корейское общество. Дочка, разузнав о нем и его семье, со строгим выражением лица спросила меня, как я собираюсь поступить с «тем старикашкой», сделав акцент на слове «старикашка». Это было похоже

на суровый надзор матери, желающей наставить на путь праведный легкомысленную дочь.

— Как ты можешь называть его «старикашкой»? — негодуя спросила я, недовольная ее тоном.

— А какие еще слова я могу найти для человека, соблазнившего мою мать?

Когда я увидела в ее глазах слезы, желание заступаться за него незаметно сменилось раскаянием. Действительно, даже если я расскажу детям об отношениях между ним и мной, что изменится в их жизни?

— Кто кого тут соблазнил? Вдруг кто-нибудь услышит! Это отвратительно!

— Хёнгук и Хёнсок пока еще не знают о нём?

— А если узнают — что тут такого?

— Мама, как ты можешь говорить «что такого», если они узнают? Неужели ты не понимаешь, что если они узнают, то когда ты сильно состаришься, из-за этого они будут пренебрежительно к тебе относиться?

— Если я им не скажу, то как они об этом узнают?

— Я тебя поняла. Я тоже буду молчать — так что будь осторожна. Да, и еще прошу тебя: не забывай о репутации своих детей!

Дочка снова вела себя дерзко, словно мать, которая, желая привести в чувство ветреную дочь, обещает ей, что так уж и быть не расскажет отцу о ее поведении.

Однако ее вмешательство этим не ограничилось. Ей нечего было сказать мне, кроме того, чтобы мы были осторожнее в своих поступках. Однако она не пыталась, как раньше, что-нибудь выведать о нем, — видимо, получала информацию непосредственно из его дома от невестки. Как я узнала позже, моя дочь и его невестка были лучшими подругами в средней школе и выпускницами одного и того же университета. К тому же обе жили в одном жилом комплексе. Они стали общаться настолько тесно, словно сватья, и в конце концов мы с ним больше не могли продолжать скрывать наши беззащитные отношения. Даже если считать, что информация, полученная от подруги дочери, была в некоторой

степени преувеличена, в тех условиях, которые дочь выдвигала мне одно за другим, я чувствовала скрытую враждебность. В таких обстоятельствах посредничество дочери уже не казалось мне столь бесполезным делом, как раньше. Она хитро поглядывала на меня, как-то даже неосторожно пошутила, что надо заново переоценить способность матери соблазнять мужчин. Однажды она, приняв очень строгий вид, спросила:

— Мама, ты любишь доктора Чо?

В этот момент я пила кофе. Услышав ее слова, я поперхнулась и чуть не пролила на себя чашку с горячим кофе из-за смеха. Меня рассмешило, что дочка перешла с презрительного «тот старикашка» на уважительное «доктор Чо». А еще я знала, как ему не нравится, когда к нему так обращаются. Когда-то в прошлом, случайно встретив своего ученика, который уже достиг среднего возраста, он дружески поздоровался с ним. Он сказал, что ему приятно, когда бывшие ученики узнают его и здороваются, обращаясь к нему «учитель». Однако, по его словам, он ничего не чувствует, когда нынешние ученики называют его «профессор» или «доктор». Об этой причудливой черте его натуры моя дочь, видимо, не знала.

— Что тут смешного? — недоуменно спросила дочь.

— Разве не забавно, что «тот старикашка» вдруг стал «доктором»? — Не сдержавшись, я снова рассмеялась.

— Судя по тому, как ты радуешься, я могу сделать вывод, что ты любишь его, верно? — с грустью произнесла дочка и скривила рот, но ее лицо вовсе не выражало отвращения.

Почувствовав ее грусть, я поняла, что скоро мне придется открыто объяснить ей свое отношение к нему. Я решила больше не затягивать с этой неопределенностью. Нынешняя грусть дочери могла стать в несколько раз сильнее, и к тому же нельзя же вечно избегать этого разговора.

Прошло не так много времени с тех пор, как «тот старикашка» превратился в уважаемого «доктора Чо», и вот дочка наконец-то решила познакомить меня с его

невесткой и разрешила мне дружить с ним. Когда я встрети-лась с невесткой, которая до сих пор стояла между ним и мной, то обнаружилось, что это моя знакомая, с кото-рой я иногда встречалась в супермаркете. После того как вмешивающееся третье лицо в виде его невестки исчезло, я почувствовала, что дочь стала более дружелюбно отно-ситься к их дому. Я видела, как с каждым днем меняется ее мнение, и мне становилось бесконечно грустно.

— Мама, ты, пожалуйста, не беспокойся о том, что Хёнгук или Хёнсок однажды обо всем догадаются и не примут это. Поверь: я заставлю их понять, что твое до-стоинство совершенно не пострадает.

Что же она задумала вместе с его невесткой, если высказывается столь безбоязненно, явно на что-то на-мекая? Конечно, я чувствовала, как они торопятся нас поженить, но это стремление вызывало у меня всего лишь жалость.

— Ты хочешь сказать, что собираешься выдать свою мать замуж?

— Мама, ты же сама сказала, что любишь его! Как же прекрасно выходить замуж повторно по любви, а не потому, что трудно жить в одиночестве или нет детей, которые могли бы ухаживать за тобой на старости лет! Мама, кто бы что ни говорил, я буду защищать тебя и гордиться тобой.

Я ничего не отвечала и лишь пристально смотрела на дочь, которая так увлеченно рассуждала о любви. Да что она может знать о любви? Разве любовь — не особое чувство? Я испытывала сильное давление, как будто все заключается лишь в одной любви. Ах, если бы все дей-ствительно заключалось в ней!

Естественно, что на какое-то время его невестка ста-ла предметом разговоров между мной и ним во время наших встреч. «Ух ты, раньше я не видела на тебе эту парку²¹. Она очень красивая и бросается в глаза», — по-

²¹ Одежда эскимосов. В настоящее время под ней подразуме-вают удлиненную и утепленную куртку с капюшоном.

хвалила я однажды его новую куртку. Он ответил, что ему ее купила невестка. В последнее время она упорно старается приодеть его так, чтобы он выглядел моложе. Не зная, почему она так поступает, он стыдливо почесал голову. Но я догадывалась, почему она так себя вела. Я поняла, что невестка — влиятельный человек в его семье и, вероятно, сильно на него давит. Когда спустя какое-то время он сказал, что невестка хочет пригласить меня в гости и попросила меня саму назначить удобное время, я рассердилась и едва сдержалась: мне хотелось попросить его поменьше говорить о ней. В этот момент он, хорошо одетый и пахнувший дорогим лосьоном, до сих пор никогда не требовавший от меня мгновенного ответа, выглядел в моих глазах жалким и трусливым. Невестка, не дождавшись ни да ни нет, передала предложение о встрече через мою дочь. Дочь же совершенно не прислушивалась к моему мнению и беспокоилась лишь о том, как меня приодеть, чтобы я не упала в глазах модницы-невестки.

— Наверное, она из тех почтительных невесток, каких нынче редко встретишь.

— Конечно, мама, ты даже не представляешь себе, как хорошо она заботится о нем! Но ты сама по своему опыту знаешь, что ухаживать за овдовевшим свекром — непростое дело. Говорят, что каждый раз, когда ей становится трудно, она обращается к волонтерам из службы помощи.

У меня внезапно защемило в груди. Однако ярость или жалость не помогут решить важную проблему. Отдышавшись, я медленно и отчетливо сказала дочери:

— Хёнсуга, дочка, внимательно выслушай меня. Твоя мать хочет, чтобы ее похоронили рядом с отцом.

Дочь, смущенная этими словами, больше ничего не сказала. Пусть это и не было могилой предков, но на разбитом в парке кладбище, рядом с могилой мужа, я уже возвела домашнюю молельню, а на стеле общего надгробного памятника, под которой меня похоронят после смерти, уже было вырезано мое имя рядом

с именем мужа. На стеле под датой моего рождения отсутствовала лишь дата моей смерти. Я любила посещать могилу мужа втайне от детей. Я даже общалась с ним — у меня абсолютно отсутствовало ощущение неловкости или вины перед ним. У меня не было намерения прекратить посещать могилу мужа даже после встречи с Сокчжа. Никакая большая радость или глубокая печаль повседневной жизни не могли сравниться с чувством глубокого спокойствия, которое я ощущала на кладбище, — они не проходили холодной рябью над его могилой. Нельзя было сказать, что на кладбище царил мертвый мир. Всегда, когда я посещала его, там все выглядело красиво: вечнозеленая трава, муравьи, неутомимо копошащиеся в ней, прыгающие зеленые кузнечики, даже медленно ползающие слизняки. Я не была уверена в существовании вечной души, но когда думала о том, как после смерти вместе с мужем буду заботиться о них, — в такие минуты я сочувствовала даже самым мелким насекомым. Я решила попросить детей после моей смерти сжечь остатки выращенной мною травы и насекомых, чтобы их пепел мог свободно летать над горами и реками. Никто на всем свете, даже Сокчжа, не смог бы соблазнить меня отказаться от этого мира, гарантирующего мне в будущем покой и вечную свободу.

В тот день дочь, вернувшись от его невестки (неизвестно, что именно она снова услышала от нее), сказала:

— Мама, даже если ты снова выйдешь замуж, не беспокойся: после смерти я похороню тебя рядом с отцом. Я знаю, что доктор Чо тоже будет похоронен рядом со своей покойной женой.

Как я могла объяснить ей, что вождеденный мною покой отличается от того жалкого спокойствия, которого она желала для меня? Я даже не чувствовала необходимости объяснять ей это.

— Хватит, — недовольно перебила я. — Это уже переходит все грани приличия. Разве такие слова дочь должна говорить своей матери?

— Что в этом неприличного? Разве ты не видела, как Жаклин Кеннеди²² похоронили рядом с мужем? Если я буду настаивать, то что бы ни говорили родственники отца или его братья, проблемы не возникнет. Ни у кого нет права оставлять отца одиноким.

— Я сказала — хватит! Слушать противно! Нет, правда, почему ты так себя ведешь?

— Почему ты, мама, так ведешь себя? Все знают, что ты страстная женщина. Учитывая твой темперамент в прошлом, тебе ведь ничто не мешает перескочить такую ничтожную проблему.

Я подумала, что если продолжу и дальше слушать ее, то неизвестно, что еще она может сказать. Однако благодаря откровенности дочери я была вынуждена пересмотреть наши с ним отношения. Дочка как старший ребенок много слышала о моих молодых годах. Из-за того, что она родилась в небольшом доме, где жило многочисленное семейство, у нее не было отдельной комнаты. Будучи уже школьницей, она видела, какими бедными мы были, — даже за коммунальные услуги каждый раз приходилось платить под давлением. Нередко она слышала сетования бабушки: мама, мол, ошиблась с выбором мужа. А с другой стороны, она соглашалась и с тем, что я не могла выбрать для себя другого мужчину. Сейчас-то положение обеих семей сравнялось. Но пока этого не случилось, бабушка вечно ворчала, что по сравнению с ее богатой семьей, члены которой были порядочными, образованными и утонченными людьми, небогатая семья мужа была грубой и невоспитанной. А может быть, она была недовольна тем, что никто из семьи мужа, за исключением него самого, не получил хорошего образования. Моя до крайности чувствительная дочь не могла не думать о том, что это странно. Ведь сетования бабушки по материнской линии могли стать

²² Жена президента США Джона Кеннеди после его смерти повторно вышла замуж, но завещала похоронить себя рядом с первым мужем.

надлежащим ответом на мучивший ее вопрос: за кого выйти замуж?

Когда мы с мужем только начали встречаться, моей матери нравился другой кандидат в зятя. Он так сильно приглянулся ей, что она утверждала: лучшего жениха мне не найти! Однако я решительно была против брака с тем человеком. Мать говорила, что вырваться из бедности можно, только если выйти замуж за того, кто из «грязи» выбился в «князи». Как ни старалась она заставить меня выйти за того мужчину, я видела в нем не «князя», а лишь «грязь». Надежды матери не оправдались: моя отчаянная борьба с «князем» длилась до тех пор, пока за него не выдали младшую золовку. А то, что матери виделось «грязью», для меня было смыслом жизни. Мой будущий муж был источником моей энергии. Кажется, сейчас моя дочь называет ту безрассудную энергию страстью, которая в то время сделала мои глаза слепыми и заставляла видеть лишь одного мужчину. Мне было все равно, как она это называет: страстью или сексуальным влечением.

Однако в чувстве, которое я испытывала к доктору Чо, не было той безрассудной страсти. Любовь была такая же, как и в молодости, но без сексуального влечения. Любовь, наполненная одними эмоциями, красива лишь внешне. Мы с ним не обращали внимания на отсутствие между нами страсти. Она не застилала нам глаза, и, возможно, поэтому все виделось очень ясно. Как бы хорошо он ни выглядел внешне, ничего нельзя было сделать с тем, что на его теле уже появились признаки приближающейся старости. Когда он переодевал нижнее белье, я хорошо видела сухую обвисшую кожу, видела падающую в большом количестве перхоть, слышала неуправляемое и заставляющее вздрагивать сопение, словно он переходил крутую вершину очень высокой горы; видела, как он где попало стряхивает пепел с сигареты, видела густую мокроту, которую он с напряжением сплевывал, вытягивая шею и издавая звуки типа «квак, тьфу!». Я видела, как он,

специально приподняв ягодицы, выпускал газы; чувствовала зловонным запах желудочного сока во время его отрыжки; видела эгоистичный ненасытный аппетит; бесконечное ворчание, болезненную ревность и забывчивость; слушала, как он с самодовольным видом высказывает множество пожеланий, словно собрался жить больше ста лет. Я хорошо понимала: чтобы терпеть все это в браке, одной только любви явно недостаточно. Такое можно вытерпеть, если вместе зачать ребенка, родить его, заботиться о нем и вырастить или проводить много времени в животной страсти, — и никак иначе. Только в этом возрасте я, кажется, поняла, насколько красива сексуальная страсть по сравнению с внешней красотой любви.

У меня не было никакой возможности еще раз обдумать слова дочери. Тем более у меня был не тот возраст и не то тело, когда можно мечтать о невозможном — о сексуальной страсти. Дочка высказала бредовые мысли, которые, видимо, не смогла сдержать в себе:

— Мама, если ты не примешь его предложение руки и сердца, будет очень жалко доктора Чо. Как ты поступишь? Его невестка говорит, что она, пожалуй, больше не сможет за ним ухаживать. Раз уж так получилось, она хотела бы передать уход за ним женщине, которую он любит. Но если ваш брак не сложится, придется попросить об этом любую другую женщину. Она сказала, что найдет много таких, кто захочет выйти замуж за него, чтобы не беспокоиться о еде и старости. Это похоже на правду. Кажется, невестка не хочет, чтобы это оказалась слишком молодая женщина. Скорее всего, она думает не только о том, что жить вместе с ней будет неудобно, но и о том, что ей придется длительное время ухаживать за ней, когда та состарится. Она, видимо, собирается привести откуда-то некрасивую голодную старуху. Мама, тебе будет приятно, если человек, которого ты любила, станет таким жалким?

Она говорила в той бестактной манере и тем шутливым тоном, каким разговаривают с подругой. К сожалению,

в этом была моя вина — я сама приучила ее к такому. Я пришла в ярость.

— А что плохого в том, что другая женщина будет некрасивой и голодной? Не относись к этому пренебрежительно. Уход за старым человеком — священное дело детей, это гораздо лучше волонтерства и намного важнее, чем внешность женщины, которая возьмет на себя заботу о нем, — довольно резко высказалась я.

Я посмотрела в лицо дочери, на которое словно наслоилось лицо его невестки, и облегченно вздохнула. Мне не хотелось, чтобы его невестка или моя дочь вмешивались в наши с ним отношения. В тот день, когда я встретила с ним в последний раз, я откровенно сказала ему, что если мне в ближайшее время удастся оформить документы для поездки в Америку, то я останусь там надолго. Затем, после некоторого молчания я мягко взяла его за руку — за ту самую руку, на которой было кольцо из аквамарина, — и сказала, что мне было обидно уже один раз остаться вдовой и не хочется овдоветь снова. Я украдкой посмотрела на него, желая узнать, не обидели ли его мои слишком уклончивые слова, но так и не смогла ничего прочитать в его глазах.

ВООБРАЖАЕМАЯ БАБОЧКА

*Скорее всего, Ёнчжу видела перед собой не реальность,
а иллюзию.*

Она не могла сделать и шага.

Местом, где она стояла, был реальный мир.

*Как бы близко ни соприкасались иллюзия
и реальность,*

*пересечь прозрачную границу между ними было
невозможно.*

1

Почему-то этот дом всегда вызывал у людей необъяснимый интерес.

Неизвестно, откуда он возник, этот интерес. Возможно, дело в материале, из которого построен дом, или в его размере, или в состоянии, в котором поддерживали его жильцы; а может быть, причина заключалась в том, что он отличался от обычных деревенских домов своей старинной архитектурой времен династии Чосон¹.

¹ Чосон — название Кореи с 1392 по 1897 год. В этот период страной правила династия Ли, но в переводной литературе часто используют понятие «династия Чосон».

Впечатление от дома было сравнимо с впечатлением, которое производит человек даже не своим характером, или воспитанием, или стилем одежды, а чем-то особенным, что спрятано в глубинах его души, чем-то неизменным, вечным... Может быть, именно это ощущение привлекало жителей деревни — они близко подходили к дому и подолгу смотрели на него. Дом одиноко стоял на краю деревни, на развилке двух дорог. Одна из них была кратчайшим путем к источнику минеральной воды, а другая — к железнодорожной станции.

Деревня входила в округ с административным центром в городе Y — городе-спутнике Сеула. Сами жители называли ее «деревней аборигенов», но, несмотря на такое название, в ней вовсе не осталось домов с соломенной или черепичной крышей времен династии Чосон — вместо них выросли популярные в шестидесятые дома с плоскими крышами. Так же, как и в прошлом, фасады были облицованы коричневым кафелем, но из-за того, что дома не ремонтировали и кафель не меняли, они частично разрушились и в узких грязных переулках выглядели невзрачно, гораздо старше своего возраста.

Возможно, поэтому дети из недавно построенных многоквартирных жилых комплексов в городе Y, услышав название «деревня аборигенов», которую никогда не видели, искренне считали ее чудом сохранившимся островом из южной части Тихого океана. Или каким-нибудь глухим африканским селением с первобытным племенем, которое с далеких доисторических времен и до сих пор проживает в пещерах или хижинах. На самом же деле эта деревня возникла чуть более тридцати лет тому назад, когда в результате сотрудничества государства с хозяином местных земель на пустыре выросли новые высотные многоквартирные дома и жилые комплексы. В то время деревенские жители занимались в основном земледелием и садоводством. Дома, построенные в тот период и выглядевшие как нарезанные куски соевого творога, с плоскими крышами, с ровными стенами, облицованными коричневым кафелем, вызывали у людей

удивление и зависть. Желая повысить свой статус, жители стали называть свой район «деревней с европейскими домами». Прошло около тридцати лет, прежде чем он превратился в «деревню аборигенов».

А этот одиноко стоящий дом существовал еще до появления «деревни с европейскими домами». И хотя некогда огромное селение исчезло, все эти годы рядом постоянно велась застройка территории многоквартирными жилыми комплексами. Постепенно облик самой деревни менялся, но ее прежний образ, засевший в памяти старожилов, оставался неизменным.

Дом был П-образной формы, с большим залом и деревянным полом. Колонны и стропила, поддерживающие крышу, были сделаны из сосны, а саму крышу покрывал шифер серого цвета. Казалось бы, части дома из сосны и шиферная крыша, входная дверь, на раме которой сильно отошла бумага, и новое стеклянное окно на двери, ведущей в зал, — все эти не совместимые между собой детали должны были создавать разительный диссонанс, но они, напротив, смотрелись удивительно гармонично. Старожилы «деревни аборигенов», возможно, помнили, что когда-то крыша этого дома была покрыта рифленным цинковым листом. Но сейчас найти очевидца, помнящего, как выглядела деревня не то что тридцать, а даже пять лет тому назад, было практически невозможно. Прозвище «деревня аборигенов» гораздо чаще употреблялось жителями самой деревни, нежели обитателями многоквартирных жилых комплексов. Согласно статистике города Y, время проживания в таком доме в среднем было на полгода короче, чем в квартире жилого комплекса. Что странно. Хотя, возможно, виной тому были махинации риелтора, который утверждал, что скоро дом будет перестроен. Однако если бы в конце концов кто-то действительно купил этот дом и стал бы в нем жить, то он бы на собственном опыте убедился, что перепланировка дома невозможна. Особенно для безынициативного человека, у которого находчивости хватило бы лишь на то, чтобы купить дом, а после выставить его

на продажу, осознав, что нет способа переделать хотя бы фасадную часть.

Тем не менее каждый арендатор, который думал, что сможет переделать этот дом, в конце концов оставлял эту затею. Когда люди узнавали, что единственное достоинство дома — перепланировка — невозможна, им только и оставалось, что разочарованно отказаться от покупки. Дом так и остался непроданным.

Если в городе Y «деревня аборигенов» была островом, то этот дом в ней был островком.

Дети из новых многоквартирных домов и из «деревни аборигенов» ходили в одну и ту же школу. Однако стоило первым узнать, что их одноклассник или одноклассница из «деревни аборигенов», как даже те, кто до вчерашнего дня играл с ними в компьютерные игры, недоверчиво говорили: мол, такого не может быть, — и начинали относиться к ним с неприязнью, ощущая при том тошнотворный привкус предательства. Если бы среди этих детей нашелся одноклассник из отдельно стоящего дома, отношение к нему, скорее всего, было бы столь же холодным, но, к сожалению (или к счастью), в школе не было ни одного ребенка, живущего в этом доме. Хотя, возможно, когда-то там и обитала крестьянская семья, и в ней имелся ребенок. Но даже если так и в самом деле было, никто не мог бы смело это утверждать, поскольку сейчас уже не найдется человека, который бы хорошо знал историю этого дома.

2

Хоть Ёнчжу и понимала, что в это время найти место на парковке нелегко, все же, ворча про себя, резко крутанула руль и поехала в сторону стоянки. Позади многоквартирного дома находились детская площадка и зеленая зона овальной формы, обрамленная асфальтированной дорогой, где дети катались на велосипедах и роликах. Парковаться там было запрещено. Когда Ёнчжу подъехала к линии, за которой парковка была

запрещена, она почувствовала, как вспотели ноги от долгой езды. Она-то думала, что все уже позади, но не прошло и пары дней, как все пошло не так, как она планировала. Ёнчжу тряхнула головой, отгоняя плохие мысли, и стала осматривать парковку. К счастью, вскоре ей удалось найти хорошее место, из которого можно будет спокойно выехать рано утром.

«Как же мне все надоело!» — укладывая лежащие рядом вещи, проворчала про себя Ёнчжу. Все вещи: снятая куртка, женская сумочка, похожая на корзину с крупными плетением, небольшая связка сложенных в стопку книг — были вполне привычными и не представляли никакой ценности. Однако сегодня рядом с ними лежали еще и две тыквы. Ёнчжу очень понравились эти спелые тыквы, поэтому она купила их. На обочине проселочной дороги из них была сложена целая пирамида. Продавец утверждал, что если из такой тыквы сварить жидкую кашу, то на вкус она будет как мед. Ёнчжу не вслушивалась в его слова: она знала, что мать наверняка сварит из этих тыкв густой кисель.

Ёнчжу хотелось, чтобы настроение матери улучшилось и она почувствовала радость, когда будет варить кисель из тыквы. Но в то же время засомневалась. «Интересно, — размышляла про себя Ёнчжу, — я ведь даже не задумалась о том, захочет ли мама варить кисель из тыквы!» Она не должна мучить ее, заставляя варить кисель. Ёнчжу понимала, что ее мать, которая более полувека ежедневно чистила зеленые овощи, готовила из них закуски и гарниры, которая скоблила рыбу, а потом варила или солила ее, которая пробовала на вкус суп или тушенное в соевом соусе мясо, вряд ли будет варить тыквенный кисель «с радостью и в приподнятом настроении». Хотя будет странно, если мама откажется. Но с другой стороны, разве можно считать странным нежелание мамы, обессиленной за долгие годы такой работы, готовить что-либо еще?

Ёнчжу отодвинула упакованные вещи в сторону и устало опустила голову на руль. Ее охватила неясная

тревога, которая относилась даже не к матери, а, скорее, к ней самой. Спустя три года после получения ученой степени Ёнчжу все-таки смогла найти работу. Это была ее первая работа на полную ставку. Мать же в течение последних шести лет торговала на улице с лотка. Ёнчжу окончила провинциальный университет, поэтому у нее практически не было возможности выбирать работу по собственному желанию. Ее совсем не тревожило, на что жить; сильнее всего Ёнчжу волновал ее возраст. Ездить на работу в город Тэджон² было непросто, но, к счастью, она получила в наследство подержанный автомобиль и тем самым решила проблему. К тому времени, когда у нее появилась работа, она уже была довольно хорошим водителем. Два года тому назад она самостоятельно купила новый автомобиль, который буквально стал частью ее самой. Теперь можно было не бояться дальних поездок — например, на работу в Тэджон. Ёнчжу исполнилось сорок лет, и она считала, что время летит слишком быстро: не успеешь оглянуться, как стукнет пятьдесят. То, что женщина, не окончившая столичный вуз, смогла найти работу, пусть даже в таком провинциальном университете, как тот, в котором работала Ёнчжу, — это чистой воды везение, за него стоит благодарить судьбу. Ёнчжу испытывала удовлетворение: в конце концов, она смогла провести первый учебный семестр! Но она еще не представляла, какие трудности ожидают ее в будущем. Постепенно она начала чувствовать себя неловко от одной только мысли о том, что не знала, насколько дешевой за последние годы стала стоимость труда доктора наук или профессора в университете. Интересно, почему такие мысли посетили ее именно сейчас? Ведь знай Ёнчжу об этом раньше, она бы так не страдала от отвращения к себе за то, что, несмотря на все усилия, вложенные в учебу, она, кажется, достигла своего предела. Это чувство возникло из-за того, что зарплата

² Тэджон — научно-техническая столица и пятый по величине город Южной Кореи.

совершенно не соответствовала потраченным в течение длительного времени усилиям. «Неужели ты училась, не жалея себя, лишь для того, чтобы, получив степень доктора наук, в конце концов пойти работать в заурядный провинциальный университет?» — с откровенной насмешкой говорили некоторые из ее друзей. «Конечно, вы с вашими знаниями можете всю жизнь беззаботно жить в Сеуле, держа себя с достоинством», — могла бы резко ответить им Ёнчжу, однако никогда так не делала. Выслушивая несправедливые слова, она была вынуждена сдерживать обиду, отчего ее душа нестерпимо болела. Обучение студентов оказалось не столь результативным, как она рассчитывала. Отсутствие с их стороны интереса к ее предмету она могла объяснить либо их скудоумием, либо собственным непрофессионализмом. Из-за того, что Ёнчжу не в силах была донести до студентов свои знания, ее мучили угрызения совести. В своем самобичевании она доходила до состояния полной апатии и даже впадала в депрессию. Одним словом, это было напрасное беспокойство.

Ёнчжу выбрала темой своей диссертации исследование творчества поэтессы Хо Нансольхон³, потому что ей нравились ее стихи, для постижения которых не требовалось обширных познаний. Конечно, Ёнчжу с ее уровнем знания ханмуна⁴ не могла читать стихи в оригинале. Но причина, по которой она была очарована поэзией Хо Нансольхон, заключалась не в великолепном стиле поэтессы, а в возможности легко вообразить те социальные нормы, по вине которых общество того времени не

³ Хо Нансольхон (1563–1589), настоящее имя Хо Чхохи — выдающаяся поэтесса династии Чосон. За свою жизнь написала свыше тысячи стихотворений. Ее поэзия посвящена боли утраты и страданиям женщины, вынужденной подчиняться воле мужа. Хо Нансольхон осталась в истории благодаря своему брату — литератору Хо Гюну (1569–1618), автору «Повести о Хон Гильдоне».

⁴ Ханмун — письменный язык Кореи до 1895 года, в основе которого лежал древнекитайский (*вэньян*).

могло услышать крик души женщин, умиравших молодыми из-за своего угнетенного положения. Однако пока Ёнчжу писала свою диссертацию, она часто слышала, что главное — не ее воображение и домыслы, а знания, опирающиеся на конкретный, проверенный источник.

Профессор, побудивший Ёнчжу оставить преподавание в средней школе и вернуться в аспирантуру, больше всех старался ограничить ее воображение. Именно от него Ёнчжу чаще всего слышала этот совет. Она всей душой противилась ему, но профессор настаивал: пусть Ёнчжу не заблуждается, написание диссертации отнюдь не похоже на сочинение романа. И пока Ёнчжу собирала материал о поэтессе Хо Нансольхон, незаметно исчезла очарованность ее стихами, а само имя поэтессы стало вызывать у нее отвращение. В конце концов совет профессора привел к тому, что, вместо того чтобы восхищаться творчеством Нансольхон, Ёнчжу просто написала диссертацию, представляющую собой кучу словесного мусора, который возник из-за беспощадного искажения смысла поэзии Нансольхон и раскола ее стихотворений на многочисленные обломки. Цельное представление о ее творчестве было полностью утрачено.

Ёнчжу не знала, сколько времени она провела в машине в таком состоянии, не поднимая головы, пока не пришел ее сын Чуну и не постучал в окно. Он был одет в потрепанный тренировочный костюм и домашние тапочки, которые издавали при ходьбе шаркающие звуки.

— Что случилось? — забеспокоилась Ёнчжу. — Почему ты вышел на прогулку в таком виде?

— Это не прогулка, я вышел искать бабушку, — как ни в чем не бывало ответил Чуну, но у Ёнчжу от его слов похолодело в груди.

— Как ты мог позволить ей выйти из дома одной? — воскликнула она. — Сколько раз я говорила тебе, чтобы ты не оставлял ее одну и хорошо присматривал за ней?

— Да она где-то здесь поблизости, чего ты так испугалась? Иди домой, отдыхай, я ее приведу, — сказал он и бодро зашагал, размахивая руками.

Ёнчжу торопливо собрала вещи, вышла из машины и посмотрела сыну вслед.

— Когда же она вышла, если ты только сейчас идешь ее искать? — внезапно разозлившись, крикнула она.

— Прошло не так много времени, — остановившись и повернувшись к матери, ответил Чуну. Но в его голосе не было уверенности.

Глядя на то, как нерешительно он отвечает, Ёнчжу не смогла сдержать злость:

— Когда именно, во сколько?

— Если бы я знал точно, во сколько она выйдет, то разве отпустил бы ее? — с вызовом ответил сын.

— Значит, ты не видел, когда она вышла из дома? Чем же ты был занят?

— Она исчезла, пока я разговаривал по телефону.

— С кем? Ты разговаривал с девушкой? И не следил за ней, так?

Ничего не ответив, сын резко развернулся и вновь зашагал прочь. Ёнчжу сделала несколько быстрых шагов, словно собиралась преследовать его, но передумала и направилась домой. Она уже пожалела, что обращалась с сыном, как с невоспитанным мальчишкой, словно у него была привычка поступать плохо. Ёнчжу не понимала, что с ней происходит. Не понимала, почему в последнее время постоянно теряет самообладание. Она чувствовала, что подходит к какому-то критически опасному краю и вот-вот сорвется. Как-то раз в зеркале кабины лифта она разглядела безжалостное отражение пряди белых волос у себя на голове — словно мискантус пурпурный. Нутром Ёнчжу чувствовала, что полученная ею степень доктора философии вызывает у нее лишь досаду, словно поношенная одежда. В отличие от зеркала на туалетном столике или карманного зеркальца, зеркало в лифте не знало пощады — особенно когда Ёнчжу возвращалась домой. В нем отражались опущенные плечи, стареющая кожа на щеках, недавно появившиеся морщины на шее и возле глаз, и эта прядь белых волос, которые предательски выглядывали из-под тщательно

уложенной феном прически. При каждом удобном случае сестра Ёнчжун, Ёнсук, намекая на седые волосы, подтрунивала над ней: «Сестра, это знак твоей учености». Даже не имея Ёнчжу ученой степени, к пятидесяти годам, как и у большинства людей, ее волосы все равно бы начали седеть. И все равно сестра говорила подобные слова всякий раз, когда видела ее, обижая Ёнчжу.

Входная дверь была открыта, но в квартире никого не было. На миг ей показалось, что дом наполнен тревогой.

Нужно постараться вернуть мать, не создавая при этом такого переполоха, как в прошлый раз. Прогрессирующая с каждым днем забывчивость матери тревожила Ёнчжу. Они переехали в этот дом в прошлом году, но болезнь началась раньше. Отправившись в супермаркет, мама иногда забывала номер своего дома и долго блуждала по району, но так как они уже достаточно долго прожили здесь, кто-нибудь узнавал ее и отводил к вахтеру, а тот звонил по домофону в их квартиру. Конечно, так было не всегда. Иной раз, придя в себя, мать не могла поверить в то, что с ней произошло, даже сердилась и обижалась. Ёнчжу заметила, что после переезда в этот дом, который в то время еще не был до конца обустроен, отлучки матери совершенно отличались от тех, что были раньше. Однажды мать сбежала рано утром, пока все еще спали, и когда Ёнчжу наконец-то ее нашла, было уже далеко за полночь. Ёнчжу удивило то, что в руке мать держала небольшой узелок и скомканные купюры карманных денег, которые, видимо, все это время где-то прятала. Но еще больше шокировало Ёнчжу то обстоятельство, что контролировавший скоростную магистраль дорожный патруль обнаружил ее мать на автовокзале Ёйван. А многоквартирный дом, куда переехала их семья, находился в микрорайоне Дунчхон. Ёнчжу считала, что для матери вспомнить дорогу и дойти до дома пешком или проехать туда на транспорте было делом невозможным. Когда Ёнчжу приехала за матерью на автовокзал, та несла какую-то чепуху. Получив сооб-

щение от Ёнчжу о том, что мама нашлась, вся семья на радостях со всех ног примчалась к ней. Дочь Ёнчжу, Кёна, будучи самой эмоциональной из всех, прильнула к груди бабушки и горько заплакала. Прижав к себе узелок, та равнодушно смотрела на свою семью. Чуну обнял бабушку со спины, а муж снял пиджак и накрыл им мелко дрожащие от осеннего холода плечи матери, затем несколько раз поклонился сотрудникам дорожно-го патруля, искренне их поблагодарив.

Ёнчжу немного отошла в сторону и стояла, не двигаясь. У нее болела душа, и она не могла избавиться от этой боли. Когда дети прильнули к бабушке, на ее равнодушном лице появилось осмысленное выражение. «Ой, детки мои, куда это вы ходили? Только сейчас пришли?» — недовольно проворчала она и нежно их обняла. Ее лицо постепенно ожило и стало таким же красивым, как и прежде. Чуну и Кёна с самого детства, словно приклеенные, росли под ее присмотром. Ёнчжу постоянно пропадала на работе, зарабатывая деньги, и у нее не было времени заниматься детьми. Они хорошо помнили, что бабушка всегда находила время, чтобы побаловать их и поиграть с ними. Даже когда внуки повзрослели и их можно было уже не баловать, они говорили, что закуски, которые готовит им бабушка, самые вкусные на свете. Всякий раз, возвращаясь домой поздно вечером, они привычно обнимали и шутливо заигрывали с ней — той, кто ждала их, готовила им их любимую еду и открывала им дверь. Но это вовсе не означало, что они были расчетливыми хитрецами.

Когда Ёнчжу наблюдала счастливую игру матери и своих детей, она сама невольно улыбалась. Кто бы что бы там ни думал, Ёнчжу никогда не завидовала тому идеальному счастью, которое чувствовалась в отношениях бабушки и внуков, и ей никогда не хотелось так же неуклюже дурачиться с детьми. Ёнчжу лишь рожала детей, которые потом росли под присмотром бабушки. Эту «тяжелую», но величественную работу по воспитанию детей нельзя назвать особой привилегией для пожилого

человека, однако внуки относились к бабушке так же, как детеныши животных к своей матери. Каждый раз, наблюдая, как эти трое воркуют друг с другом, Ёнчжу представляла, что красный и нежный язык матери облизывает их, словно котят, а их тела мягко обволакивает теплая пушистая шерстка.

Однако в этот раз все было иначе: ей до боли в сердце было обидно смотреть на это. Но она должна была взять себя в руки. «Это все из-за тоннеля Ыйван», — думала она. Молодой патрульный, глядя на них, кажется, догадывался о конфликте между свекровью и невесткой. Возможно, он думал о том, насколько разным может быть отношение к пожилому человеку внутри одной семьи.

— Бабушка, почему вы ушли из дома и бросили такого почтительного сына и таких прекрасных внуков? Даже если вы по каким-то причинам не хотите жить с ними, вы должны это терпеть. Сейчас мир не такой, как раньше. Бабушка, глядя на то, как ваши внуки сразу же примчались сюда, я могу сказать — вы счастливый человек! Вы меня понимаете? Я тоже не понимаю, когда этот проклятый мир изменился, но говорят, что сейчас многие сыновья специально избавляются от своих родителей, выгоняя их на улицу. Скажите, примчался бы такой «сын» только потому, что ему позвонили? Вы можете мне не верить, но еще остались сыновья, которые даже без нашего звонка искали бы вас везде, где только можно!

Когда Ёнчжу встретила взглядом с мужем, тот опустил голову. Она понимала, что для него эти слова были большим позором, чем для нее, пусть она даже была плохой невесткой.

Видя, что все складывается благополучно, молодой патрульный продолжил весело улыбаться:

— Честно говоря, я уж было решил, что она тоже такая брошенная бабушка. Я подумал так, потому что она капризничала, как упрямый ребенок, и все твердила, что ей надо обязательно пойти в дом сына, но упорно не называла номер его телефона и даже притворялась,

будто не знает, в каком районе тот живет. Обычно так поступают все старики, которым некуда идти, кроме дома престарелых. В конце концов она все же вспомнила один из номеров телефона. Я позвонил по нему, но, честно говоря, не ожидал, что мне ответят. А если даже и ответят, то скажут, мол, такой человек в этой квартире не проживает или что они недавно переехали в этот дом. К счастью, номер телефона, который она с таким трудом вспомнила, стал ключом к разгадке ее личности, и я действительно рад, что все так благополучно завершилось.

Возможно, все происходило именно так, как рассказывал полицейский. И все же Ёнчжу догадывалась об истинной причине бегства матери из дома. Ничего не говоря, Ёнчжу вернулась в машину и стала ждать остальных. Со стороны казалось, что такое поведение соответствует образу «плохой невестки», но на самом деле ей хотелось избежать ситуации, когда настоящая правда будет раскрыта. Ёнчжу хотелось верить, что муж, поняв, почему мать так поступила, впредь будет хорошим и почтительным сыном. Возможно, мать тоже этого желала. Подумав об этом, Ёнчжу грустно улыбнулась.

Отношения между Ёнчжу и матерью ее мужа не были типичными отношениями свекрови и невестки — скорее, они походили на отношения родных матери и дочери. Так что муж Ёнчжу был не сыном свекрови, а ее «зятем». Ёнчжу не могла точно сказать, когда именно свекровь стала считать, что живет не с невесткой, а с дочерью. Возможно, это началось с того дня, когда ее младший брат Ёнтхак женился, стал жить отдельно, и мать перестала ходить к нему в гости. Уже тогда Ёнчжу такое поведение свекрови показалось немного странным. Тетки мужа со стороны отца тоже подливали масла в огонь: они начинали жалеть мать и сочувствовать ей, частенько не без чувства собственного превосходства. Каждую встречу с ней они, цокая языками и качая головами, твердили: «Говорят, что кашу невестки едят стоя, а кашу сына — сидя...»

Слыша подобные речи, Ёнчжу мечтала растоптать их превосходство. Их слова больно царапали душу. Ёнчжу не считала, что эти женщины хоть в чем-то превосходили мать, у них нет никакого морального права говорить ей такие слова. В молодые годы Ёнчжу мечтала о блестящем будущем: тогда она сможет сделать так, чтобы мать жила в достатке. Думая об этом, Ёнчжу трепетала от счастья. К сожалению, ее мечта не исполнилась. Но даже если бы все и сбылось, Ёнчжу мучила мысль о том, что ее «блестящее будущее» не имеет никакого отношения к счастью матери. Ёнчжу знала ее лучше, чем кто-либо другой. У матери было сильное чувство собственного достоинства. Она была уверена том, что всю жизнь работала не для того, чтобы на старости лет сидеть на шее у детей и быть для них обузой. Даже для братьев и сестер матери такое презрительное отношение к ее чувствам было непростительным.

Брат Ёнтхак родился уже после смерти отца и был самым младшим ребенком в семье — разница в возрасте между ним и Ёнчжу составляла тринадцать лет. Через десять лет после рождения Ёнчжу, мать забеременела сестренкой Ёнсук, но еще до того, как той исполнился годик, она забеременела младшим братом Ёнтхаком и еще до его рождения стала вдовой. От отца в наследство им достался дом, который находился на окраине города, — города, который в то время больше походил на деревню. К счастью, рядом находился провинциальный университет, и мать, сделав из дома пансионат, заселила в него студентов.

С этого момента Ёнчжу стали называть дочкой хозяйки пансионата. Она так хорошо выполняла работу по пансионату, словно родилась для этого. Кроме рисового чая, она также научилась ловко разносить по комнатам горящие угольные брикеты, не позволяя им погаснуть. Начиная со средней школы Ёнчжу ночами заполняла семейную книгу расходов и доходов, сидя рядом с матерью и соприкасаясь с ней коленями. Она помогла организовать столовую для жильцов, расписывала бюджет на

месяц вперед, беспокоилась о будущем младших брата и сестренки. Во время вступительных экзаменов в университет мать воодушевленно говорила, что даже для цикад это время — разгар брачного сезона. Все комнаты в доме она сдавала в аренду, а сама с детьми спала на тесном чердаке, свернувшись калачиком. Тогда Ёнчжу была для матери скорее компаньоном, нежели старшей дочерью. Они вместе работали и беспокоились о будущем семьи. Ёнчжу все время думала лишь о том, как разделить тяжелую ношу матери, и по-взрослому строго относилась к младшему брату Ёнтхаку и сестренке Ён-сук. У нее и мысли не было о том, чтобы завидовать им или соперничать за внимание матери. Она относилась к ним, как отец, поэтому подобные чувства для нее ничего не значили.

...Чуну вернулся один. Вид у него был удрученный. Ёнчжу словно предчувствовала это, поэтому не была разочарована, но внутри у нее все горело. Она резко поднялась и сердито посмотрела на него.

— Прости, — сказал Чуну немного испуганным голосом. Мать выглядела рассерженной, он тронул ее за плечо.

— Я злюсь не на тебя, — отозвалась она, хотя на самом деле это было не так.

При мысли о том, что мать снова отправилась к тоннелю Ыйван, Ёнчжу сильно рассердилась. Через тот тоннель проходила дорога, по которой мать могла дойти до дома своего младшего сына Ёнтхака. Она ходила к нему не более трех-четырёх раз в год, но каждый раз Ёнчжу отвозила ее на машине до района Квачхон, где они жили раньше (сейчас там живет ее младший брат), или до микрорайона Дунчхон, от него до дома Ёнтхака следует пройти через тоннель Ыйван. Самой характерной особенностью дороги, ведущей к дому Ёнтхака, о котором могла помнить мать, был как раз этот тоннель. Тоннели Квачхон и Ыйван возникли спустя несколько лет после переезда семьи Ёнчжу в район Квачхон. Мать хорошо адаптировалась в новой квартире большой многоэтажки, куда они переехали из

частного дома, где держали пансионат. Может быть, из-за того, что квартира находилась на первом этаже, ей было интересно убирать двор: она не скучала в квартире площадью примерно шестьдесят шесть квадратных метров. Постепенно мать перестала ограничиваться только двором и начала посещать горы Чхонге и Кванок. Несколько раз в день она ходила пешком в горы и приносила оттуда минеральную воду, а уж в сборе дикорастущих горных растений ей не было равных. Пожилые соседи, пившие до этого только водопроводную воду, под влиянием ее рассказов о пользе горной минеральной воды последовали ее примеру. Мать стала членом команды по бадминтону в той местности, где находился источник минеральной воды, и членом команды по аэробике из Кванока, совмещая это с членством в сообществе пожилых людей городка Чхонге. Она не могла смириться с тем, что в том месте, где она играла в бадминтон и собирала горные травы и растения, прорубили целых два тоннеля! Особенно не нравился ей тоннель Ыйван — она не могла правильно произнести его название. Как раз в то время появился новый жилой комплекс, куда переехал жить Ёнтхак, поэтому каждый раз, когда мать собиралась идти к нему, Ёнчжу, говорила ей, чтобы та шла через тоннель Ыйван — это был кратчайший путь. Услышав про тоннель, мать, громко смеясь, успокаивалась, но на самом деле ее амнезия лишь усилилась с началом его строительства. Когда она не могла найти свой старый дом, то постоянно говорила об этом.

— Ну и ну! Ты хочешь сказать, что тот тоннель специально прорубили, чтобы я могла быстро ходить к моему сыну Ёнтхаку? О, небеса, кто в этом мире знает, что творится у меня на душе!

Подобный разговор между Ёнчжу и матерью происходил, наверное, сотни раз. К сожалению, у матери редко возникали дела, из-за которых надо было идти к Ёнтхаку. Как бы ей ни хотелось навестить его, она знала, что сейчас такое время, когда нельзя являться без приглашения, даже к родному сыну.

В тот день мать так и не рассказала, как она смогла добраться до тоннеля. Скорее всего, она хотела сказать, но не смогла, потому что не помнила ничего, кроме названия тоннеля — Ыйван. Ёнчжу не верилось, что мать смогла пройти пешком от микрорайона Дунчхон до тоннеля Ыйван. Скорее всего, часть пути она прошла пешком, а часть все-таки проехала на машине. Ёнчжу собралась было выскочить на улицу, но передумала и стала искать ключи от машины.

— Куда ты собралась? — забеспокоился Чуну.

— К тоннелю Ыйван.

— Снова хочешь поехать туда?

— Если проехать по тоннелю, то можно почти сразу попасть в дом твоего дяди Ёнтхака. То, что в тот день бабушка отправилась именно туда, не было случайностью.

— Знаю. Но в тот день она, возможно, была там, потому что недалеко от того места находился Квачхон, — осторожно сказал Чуну, пытаясь угадать мысли матери. Он знал, что та начинает сердиться всякий раз, стоит ей услышать слово «Квачхон».

Упорство матери, с которым та стремилась в Квачхон, расстраивало Ёнчжу. Она думала, что у матери внезапно появилось желание жить с сыном. Было странно, что это желание возникло слишком поздно, — такова была традиция, которую соблюдали все матери Кореи. Тем не менее Ёнчжу, прожив с матерью больше десяти лет, не могла понять ее странной привязанности к микрорайону Квачхон. Вряд ли дело было лишь только в любви к сыну — Ёнчжу было трудно признать искренность этого чувства.

— Когда я думаю, почему твоя бабушка так любит Квачхон, мне приходит на ум лишь одно: оттуда до дома твоего дяди намного ближе, чем отсюда. Кажется, в этом все дело, — сказала Ёнчжу чуть холоднее, чем это было необходимо.

— Если она так хотела жить с дядей, то надо было отправить ее к нему. Я не понимаю, зачем ты привезла ее обратно!

— Нет, только посмотрите на него! Ты говоришь таким тоном, словно она не член нашей семьи!

— Мама, прекрати так говорить! Ты же знаешь, я не это имел в виду. Я думаю, что, скорее всего, это только твое воображение. Действительно, почему ты так поступаешь? Это не похоже на тебя!

— Да, я, кажется, напрасно вернула ее к нам. Если она снова скажет, что хочет жить у него, то в этот раз я не стану ее отговаривать.

— В любом случае, не прошло даже часа, как она вышла из дома. Она, наверное, изо всех сил постарается дойти до дома дяди Ёнтхака.

— Неужели ты думаешь, что бабушка в состоянии добраться до его дома пешком?

— Неужели ты не помнишь, какими были ноги бабушки в тот злосчастный день? — Чуну наморщил лоб.

Ёнчжу вспомнила, как мать плакала, погрузив потрепавшиеся и покрытые волдырями ноги в теплую воду. Она помнила, что тогда сильно рассердилась на нее, но сейчас не могла вспомнить, из-за чего именно. «Каким же далеким оказался для нее путь к дому сына!» — подумала она тогда, глядя на ее ноги. Навязчивая мысль матери — непременно дойти до сына пешком, несмотря на далекое расстояние, — вылилась в эти ужасные волдыри, в стоптанные подошвы. Вид ее ног, с одной стороны, вызывал жалость, а с другой — отвращение.

В ту ночь Ёнчжу не могла уснуть. Проведя бессонную ночь, наутро она позвала Ёнтхака и спросила: не сможет ли он забрать мать к себе? Это, скорее, было даже не желанием узнать его мнение, а мольбой. Еще до того, как он женился, Ёнтхак всем объявил, что мать будет жить у него. Ёнчжу почувствовала удовлетворение от его слов. Она была благодарна брату даже не за то, что тот когда-нибудь увезет мать к себе, а за то, что та не станет презренным человеком, от которого отказались все дети. Их мать должна быть счастлива, что ее дети к ней так относятся, но Ёнчжу почему-то говорила с Ёнтхаком таким умоляющим голосом, словно считала,

будто ее отношение к матери недостаточно хорошо, и не понимала, почему та недовольна ею. Возможно, причина этого непонимания заключалась в том, что с самого начала поведение Ёнтхака оказалось совершенно иным, чем она ожидала. Ничего не говоря, Ёнчжу сидела и отстраненно слушала его. Немного поколебавшись, Ёнтхак сказал насмешливым тоном: «Сестра, ты невезучая». Ёнчжу не понимала, что значат эти слова. Они звучали неприятно, и все же она не могла их опровергнуть. Ей было жалко и обидно, что мать не может вверить свою старость сыну. Ёнчжу не соглашалась с несправедливым общественным мнением, ей претила давняя традиция, согласно которой мать должна жить с сыном. Возможно, именно это и вызывало в ней недовольство и злость.

— Я поговорю с женой и свяжусь с тобой.

После этих слов брата Ёнчжу не удержалась:

— Скажи свое мнение. Я хочу его услышать.

— А разве не жене предстоит ухаживать за пожилой матерью? Я, конечно, могу приказать жене, но мне не хочется этого делать.

Ёнтхак был женат на женщине, с которой встречался в течение нескольких лет. Она родила ему сына и дочь, и казалось, что они живут дружно и интересно. Судя по его поведению, становилось совершенно ясно, что мать стала бы балластом в его семье. Чтобы принять такой балласт, нужно быть к этому действительно готовым — и не только в душе, подумала Ёнчжу, а ее младший брат, как ей показалось, такой готовностью не обладал. Ей не понравилось, что он ушел, сказав эти слова с едва скрываемым неудовольствием. Разве старший сын может так поступать? Мучаясь угрызениями совести, вопросом, как может Ёнтхак так поступать, и чувством, что ей тяжело простить такого брата, Ёнчжу никак не могла определиться: кто же в этом случае виноват больше — он или она?

Но самым сложным в этой ситуации было изменившееся поведение матери. Обещание Ёнтхака вскоре приехать за ней, данное им перед уходом, — то ли

для того, чтобы матери было приятно это слышать, то ли потому, что действительно так решил, — стало источником дальнейших неприятностей. После того как Ёнтхак ушел, мать при всех собрала узелок с вещами и с тех пор не находила себе места. Чуть что она ворчала: «Мой сын обещал приехать за мной, так почему же от него до сих пор нет вестей?» — и, словно человек в зале ожидания, с беспокойством выглядывала в окно. А на членов семьи она посматривала строгим и отталкивающим взглядом. Наблюдая за всем этим, Ёнчжу не выдержала и поговорила с женой брата, после чего отвезла мать к ним домой.

Однако не прошло и трех месяцев, как мать, не выдержав, вернулась обратно в Дунчхон. У нее не было причины жить в доме, где с каждым днем она теряла веру в себя. Но тем, кто не мог стерпеть подобного, скорее, была не мать, а Ёнчжу.

Каждый день она звонила, чтобы узнать о ее самочувствии, но в ответ мать говорила одни и те же слова: «Послушай, я хочу поехать в Квачхон, отвези меня, пожалуйста, в Квачхон».

Слышать это было очень грустно. Квачхон был районом, где семья Ёнчжу жила до того, как переехала в микрорайон Дунчхон, и, возможно, поэтому Ёнтхак и его жена воспринимали слова матери так, будто она хотела вернуться к дочери. Однако они ясно дали ей понять, что ни за что не повезут ее туда. Брат и его жена не говорили Ёнчжу прямо, чтобы та забрала мать обратно, но ее очень беспокоило, что мама жила у них из-за договоренности. Причиной ежедневного беспокойства Ёнчжу, после того как она отправила мать в дом младшего брата, было то, что она тоже воспринимала ее настойчивую просьбу как желание вернуться жить к ней.

В этой мольбе чувствовалось, что мать не забыла то время, когда она работала с Ёнчжу не как со старшей дочерью, а как с компаньоном. Но Ёнчжу, стиснув зубы, терпела — так же, как обвиняемые в преступлениях во

времена династии Чосон терпели боль от палки чжури⁵. С одной стороны, она понимала, что брат не решается отдать мать обратно, зная о злопамятности Ёнчжу. Он понимал, что она не попросит об этом первая, даже если он, наступив на горло своей гордости, будет умолять об этом на коленях. С другой стороны, его упрямство противоречило его нежеланию заботиться о маме. Впрочем, на то была своя причина. На самом же деле намерение брата жить с матерью было связано не с заботой о ней, а с представлением о том, что, имея сына, мама не должна жить в доме дочери и умереть у нее. Это было бы для него позором, которого, как он считал, ни в коем случае нельзя допустить.

Неизвестно, знала ли мать о том, что сын и дочь вели скрытую борьбу за нее, но с каждым днем, пока она была у сына, она все больше хотела к дочери, а когда находилась у нее — рвалась к нему. Для матери уже не было так важно, у кого она живет. На самом деле местом, куда она стремилась, был микрорайон Квачхон, где не было ни дома сына, ни дома дочери. Внешне мать выглядела так, словно она деградировала, но, возможно, у нее просто развивалась амнезия. С благодарностью перемещаясь от дома сына к дому дочери и наоборот, она умоляла отвезти ее в нейтральную зону — в район Квачхон. В конце концов она стала сбегать и из дома сына. Но жена Ёнтхака хорошо перестраховалась: мать не имела возможности сбегать дальше их жилого комплекса. Жена Ёнтхака работала администратором того же жилого комплекса. Это была высокая и очень умная женщина. Ей пришлось одеть свекровь в такую одежду, в которой никак нельзя было выйти из дома. Если же она выходила из дома в ночной рубашке или в белье, то это бросалось в глаза играющим во дворе детям, и они сразу же сообщали охраннику. В таком виде мама не то что не могла покинуть жилой комплекс, она бы даже не смогла пройти мимо охранника. Однако поскольку

⁵ Палка, которую вставляли между связанными ногами.

мать не оставляла попыток сбежать из дома, входную дверь квартиры дополнительно заперли навесным замком. Обычно входная дверь запирается как изнутри, так и снаружи, но жена брата дополнительно установила навесной замок, чтобы дверь можно было открыть только снаружи. Увидев этот замок, Ёнчжу выразила недовольство, однако жена брата посмотрела на нее холодными стеклянными глазами:

— А что прикажешь делать, когда все члены семьи уходят из дома и за ней некому присматривать?

К ее словам невозможно было придаться. Ёнчжу пугала безупречность ее логики. Однако у нее стыла в жилах кровь от короткого и отчаянного крика матери, в котором прозвучал страх перед невесткой. Как бы там ни было, такой поступок Ёнчжу стерпела. Но спустя несколько дней жена брата повесила еще один дополнительный навесной замок, но уже на дверь комнаты, где жила мать, чтобы та постоянно находилась там. До этого дня мать, поняв, что никогда не сможет выйти из дома, целыми днями ходила по дому, разговаривая о чем-то сама с собой и открывая подряд все остальные двери в доме. Ёнчжу представила себе: когда мать десятки раз, снова и снова, открывая все двери, от туалета до кладовки, переходила из одной комнаты в другую, ей, наверное, казалось, что в этом доме бесчисленное множество комнат. Она представила, как мать ворчит: «Здесь комната, и тут тоже комната? Что это за дом, в котором так много комнат? Жаль, что они все пустуют. Невестка похожа на жену плохого человека, который вскоре обанкротится. Лучше бы сдавала комнаты в аренду, чтобы помочь мужу».

Возможно, не выдержав ее ежедневного ворчания, жена брата в конце концов заперла мать в ее комнате.

— Ты не представляешь, в каком безвыходном положении я была! Я вынуждена так поступить! Из-за нервного истощения не могла спокойно спать, — оправдывалась она.

Чтобы понять, насколько это был неправильный поступок с ее стороны, достаточно было увидеть, как осунулась и исхудала мать. Жена брата говорила так, словно у нее одной истощились нервы от этой изнурительной борьбы. От ненависти к ней Ёнчжу перехватило дыхание и на глаза навернулись слезы. Это было последней каплей — она больше не могла терпеть! Она уже не надеялась, что между ними улучшатся отношения. Она не дождалась, чтобы семья брата сдалась и признала, что больше не сможет заботиться о матери. Они не попросят Ёнчжу увезти ее к себе.

— Мама хоть немного поспала днем?

— Если любопытно — можешь отправиться на веранду и оттуда заглянуть в ее комнату через окно, — равнодушно сказала жена брата.

— Что это значит? Тебе что, теперь неприятно даже открыть дверь ее комнаты? Это уже слишком с твоей стороны!

— Я научилась этому у матери, — ответила жена брата и, неожиданно расплакавшись, стала жаловаться.

Она сказала, что в последнее время амнезия матери обострилась, что в течение дня, а иногда и ночью, она, пролезая через окно на веранду, заглядывает оттуда к ним в комнату.

— Когда она встречается со мной взглядом, то спрашивает: «Ты уже легла спать?» Знаешь ли ты, что я чувствую в такие минуты?!

Она не стала дальше описывать, что чувствовала в такие минуты. Но еще до того, как она закончила говорить, Ёнчжу ярко ощутила сильнейшее отвращение к жене брата: ее сердце наполнилось гневом и презрением. Она вышла на веранду и заглянула через окно в комнату матери. Та, пристально рассматривая свое отражение в висящем на стене зеркале, говорила: «Невестка, ты не спишь? Нет? Держись от меня подальше. А ну-ка отойди от меня подальше!» — и непрерывно топала ногами. Она вела себя так, словно не знала, чье отражение видела в зеркале. Ёнчжу не могла признать в этой пожилой

узнице свою мать. Она отметила, что за прошедшее время та похудела, но стала более грубой. В удобной одежде, хорошо подходящей старикам, она выглядела более опрятной, чем в ночной рубашке. Однако Ёнчжу никогда раньше не видела у нее столь решительного и готового к отпору взгляда. Если не считать этого взгляда, мать выглядела совершенно спокойной, словно не жила в доме, в котором на ночь запирают дверь. Ёнчжу ощущала состояние ее тела, словно свое, — от напряжения все волосы поднялись торчком. Казалось, что стоит кому-то тронуть это маленькое тело — оно тут же бросится в атаку и начнет кусаться. Какому же страшному миру она сопротивлялась в одиночку!

Не желая просить жену брата открыть комнату матери, Ёнчжу вошла туда через дверь веранды. Мать, увидев ее, не стала спрашивать: «Кто вы?», а сразу неторопливо прошла в угол комнаты и замерла там, прижавшись к стене. Она так испугалась, будто встретила великана, которого не сможет одолеть одной лишь ненавистью. Медленно, чтобы не вспугнуть ее, Ёнчжу подошла к ней и нежно обняла ее мелко дрожащее тело. От матери исходил приятный запах туалетного мыла. В комнате было скромно, но чисто. На стене висели две-три картины с пейзажами. Поскольку эта комната примыкала к ванной, то была смежной с кухней. С самого начала Ёнчжу была недовольна тем, что семья брата выделила матери именно это помещение. Она считала, что такое размещение для мамы обидно. Продолжая обнимать мать, Ёнчжу тихо похлопала ее по худощавой спине. Сейчас ей казалось, что та, кого она успокаивающе поглаживает по спине, возможно, является не ее старенькой матерью, а яростью, вскипающей в ее душе. Ёнчжу подумала, что нужно немедленно увезти мать к себе домой, но при этом необходимо найти подходящие слова для жены брата и ни в коем случае не показать свое багровое от ненависти лицо.

Ёнтхака не было дома, но к нему Ёнчжу ненависти не испытывала. Она знала, что он страдает, разрываясь

между матерью и женой и пытаюсь найти компромисс. Ёнчжу понимала, что не злится на него из-за их разницы в возрасте. С самого его рождения она жалела младшего брата, выросшего без отца; она вместе с матерью разделила ответственность за его воспитание и делала все, чтобы он рос, не завидуя другим детям. Чувство, которое она испытывала к нему, было больше материнским, нежели сестринским.

Ёнчжу нежно поглаживала мать по спине до тех пор, пока та не успокоилась. И чем дольше не могла успокоиться мать, тем труднее Ёнчжу было унять свой гнев.

Когда она, убедив жену брата, привезла мать обратно к себе в Дунчхон, та настолько быстро вернулась к своему прежнему облику, что в это было трудно поверить. Уже в машине, когда они возвращались домой, из взгляда матери исчезли настороженность и подозрительность. Никто из домашних даже не подумал, что состояние ее здоровья ухудшилось, — все отнеслись к ней так, словно она только что прибыла с пикника. Наблюдая за подобным отношением к матери, Ёнчжу осуждающе подумала: «Может быть, мне показалось? Может быть, у меня создалось такое впечатление из-за неприязни к жене Ёнтхака, потому что у нее дурной характер?» Однако она понимала: следует быть настороже. Что тогда, что теперь желание матери сбежать из дома осталось неизменным, и придется проследить за тем, чтобы она не оставалась дома одна. В доме, где не было хозяйки, устроить это сложно. Исключив Кёна, ученицу второго класса старшей школы, Ёнчжу договорилась со своим старшим сыном Чуну. Они будут дежурить по очереди, Чуну будет заступать на «вахту», когда у него не будет занятий в университете. Но этого оказалось явно недостаточно. Они попросили присматривать за матерью приходящую домработницу; иногда помогали сестры матери. Ёнчжу, однако, заметила: с того момента, как мать, оправившись, потихоньку начала хлопотать по дому, она с каждым днем становилась все более рассеянной и забывчивой. В общем-то, в доме для нее не

было особых дел. Иногда она помогала подрезать ростки соевых бобов, крутила ручку домашней мельницы или сортировала грибы и папоротники и при этом недовольно ворчала, что они выращены не в Корее. Мать огорчалась, когда ее освобождали от подобной работы, и жаловалась: если не позволять ее выполнять даже такую работу, то что же ей делать с этим бесполезным телом после смерти? Ёнчжу не радовали подобные слова — так часто говорила ее родная мать, организовавшая пансионат для студентов университета. Но вот что странно: стоило Ёнчжу услышать их, как у нее на душе становилось тепло и спокойно, словно в далеком детстве, когда она допоздна ждала вышедшую из дома мать, а увидев мелькающую в темноте серую юбку, бежала к ней со всех ног и, прижавшись, крепко ее обнимала. Хорошим знаком за последние дни стало возвращение к матери былого мастерства гладить белье вручную. Она брала чуть влажное белье и так старательно и тщательно расправляла его руками, что оно становилось совершенно ровным, словно его прогладили горячим утюгом. И никто не мог превзойти ее в этом мастерстве. Ее руки до сих пор были крепкими и красивыми. Однажды Ёнчжу, глядя на них, сказала: «Господи, руки моей мамы гладят белье, как горячий утюг!» Когда Ёнчжу с уважением и почтением погладила ее руки, ее охватил внезапный порыв — захотелось поцеловать их.

Мать, память которой, то исчезая, то возвращаясь, так и не восстановилась полностью, внешне выглядела абсолютно нормальной. Когда Ёнчжу выходила из дома, ей действительно было жаль оставлять мать одну. Ей не хотелось постоянно просить сестер матери, потому что они, кажется, в конце каждого разговора пытались внушить ей, что та должна умереть в доме сына, мол, только тогда можно считать, что у тебя была счастливая судьба. Ёнчжу, конечно, это не нравилось, но она верила: нельзя стереть из памяти то, что там уже прочно записано. Следует почтительно относиться к тому,

что хранится в памяти человека. Она осуждала теток за бесконечные разговоры о соблюдении обычаев.

3

Под карнизом дома висело множество разноцветных бумажных фонарей.

Прошло несколько месяцев с тех пор, как на доме повесили вывеску пхогёвона⁶ буддийского храма Чонгеса. Фонари украшали не только весь дом по периметру крыши; их также развесили в главном дворе, протянув над ним провода. После того как установили вывеску, в доме впервые отметили день рождения Будды — восьмого апреля по лунному календарю. Если долго смотреть на дом со стороны «деревни аборигенов», то бумажные фонари, похожие на кучу воздушных шаров, создавали ощущение, будто они вот-вот окутают весь дом и мягко взмоют вместе с ним в небо. Такое ощущение было, конечно, весьма нелепым, но оно наполняло радостью сердца людей и, словно теплый ветер, приносило в деревню праздничную атмосферу фестиваля фонарей в честь дня рождения Будды. Впрочем, еще до появления фонарей местные жители радовались вывеске пхогёвона от храма Чонгеса. Но странное дело: в деревне не нашлось ни одного буддиста, который бы его посещал. Большинство местных жителей, считавших буддизм своей религией, ходили в другие храмы и там обращались с искренней молитвой к Будде. И все же люди радовались и, глядя на множество бумажных фонарей на том доме, что совсем недавно был переделан в буддийский храм, искренне верили, что в нем будет много верующих. Это не очень-то похоже на людей, которые не особо жалуют тех, у кого дела идут лучше, чем у них самих. Возможно, недоверчивое отношение людей к этому дому возникло из-за того, что раньше, перед тем, как стать буддийским храмом, он был местом для гаданий. Местные жители

⁶ Место для проповедей.

считали, что для повышения уровня образования детей больше подойдет храм, статус которого выше, чем у дома для гаданий. Но несмотря на это, они не испытывали неприязни к этому дому даже тогда, когда он был местом для гаданий.

Не было никаких сомнений в том, что дом находился в пределах деревни. Когда какой-нибудь незнакомец, войдя в деревню, спрашивал, где находится дом девушки-гадалки, люди говорили: «Вон там» — и показывали пальцем на стоящий на краю поля дом традиционной постройки. В то время на нем не было никакой вывески или флага, однако все в деревне знали, что там живет девушка-гадалка. Удивительно, но о том, что в этом доме живет девушка-гадалка, жители деревни узнали от посторонних людей. Когда те спрашивали о ней, местным ничего не оставалось, как ответить утвердительно: мол, да, есть такая. Однако среди них не было человека, который мог бы точно сказать, красивая она или так себе, заурядная или наоборот. У большинства деревенских жителей дела шли не лучшим образом, и они часто ходили узнавать свою судьбу к гадалкам; имелись среди них даже такие, для кого это было единственным развлечением. И все же среди них не нашлось бы ни одного человека, который ходил бы погадать в тот самый дом. Похоже, не только Иисус не получил признания в родных местах.

В день рождения Будды дети со всех ног помчались к этому дому и, бегая вокруг него, пытались заглянуть внутрь. Подобно тому, как от дуновения ветра первым в воздух взмывает все легкое, возбужденные ожиданием праздника дети первыми начали наслаждаться атмосферой фестиваля. Но никто из взрослых даже и не подумал отправиться в тот дом. Семьи, в которых день рождения Будды считался большим праздником, скорее всего, уже отбыли — кто на автобусе, кто на метро — в далекие буддийские храмы, которые посещали всегда. Главные ворота дома были широко распахнуты, а в комнате с деревянным полом на толстой квадратной диванной подушке сидел небольшой позолоченный бла-

городный Будда с едва заметной улыбкой. Множество незнакомых людей были заняты поиском бумажных фонарей с ярлыками, на которых были написаны имена членов их семей. Мелькавшие повсюду разноцветные шелковые ханбоки радовали глаз, от чего праздничное настроение усиливалось.

В храме прислуживала молодая монахиня. На самом деле девушка-гадалка и нынешняя монахиня были одним и тем же человеком. Даже Будда, о котором она заботилась, был тем же самым Буддой из гадательного дома. Когда повесили храмовую вывеску, блеск Будды стал намного ярче — его заново позолотили. Прихожанами нового храма в основном стали те постоянные посетители, которые приходили сюда, когда тут еще было место для гаданий. Новые же верующие явились благодаря слуху о том, что здешний Будда обладает чудотворной силой. Постоянные посетители гадательного дома вовсе не сочли странным то обстоятельство, что девушка-гадалка вдруг стала монахиней. Еще будучи гадалкой, она заботилась о статуе Будды и искренне верила, что ее проницательность и умение предсказывать исходят именно от него. Когда к ней приходили клиенты, то, прежде чем начать гадание, они должны были сначала поклониться Будде, а перед уходом поклониться ему еще раз — все происходило точно так же, как в обычном буддийском храме. Причина, по которой верующие искали этот дом, что тогда, что сейчас, была одна и та же — они пытались найти связь между двумя-тремя словами, которые девушка произносила так равнодушно, словно выплевывала, и успехом фильма мужа или карьерой сына. Пока девушка была гадалкой и относилась к своей проницательности за счет чудотворной силы Будды, ее называли «буддисткой» из вежливости, но, став монахиней, она совершенно не возражала, чтобы ее называли «монахиней от природы» (именно таково было значение ее имени — Ма Гым).

Если что-то и изменилось в жизни того дома, то это то, что отныне раз в месяц в специальный день верующие

слушали учение Будды. Занятия проводил монах по фамилии Но, специально спускавшийся из горного храма Чонгеса. Он приходил также в такие дни, как день рождения Будды, или Новый год, или вечером седьмого дня седьмого месяца по лунному календарю⁷, тридцать первого числа двенадцатого лунного месяца⁸ и на сорок девятый день после смерти⁹ покойного, чтобы принести жертвоприношения Будде с молитвой о ниспослании благополучия душе умершего. Несмотря на это, верующие не знали, где находится храм Чонгеса. Из-за того, что монахиня сказала, что с монахом Но трудно связаться, и использовала в разговорах о нем слово «спускаться», верующие предполагали, что храм находится где-то высоко в горах в красивом глухом месте. Однако они не считали Но хорошим буддийским монахом. Хотя он и выглядел достойно и соответственно своему возрасту, однако почти не было случаев, чтобы он проявил талант предсказателя. Среди верующих иногда встречались женщины из высших кругов общества, которые хотели скрыть свой социальный статус. Для них одним из главных признаков того, что монах обладает сверхъестественной силой, была его способность распознать их статус. Но, к счастью, он не обладал такой способностью. Естественно, будь у него подобный дар, он мог бы навредить дружеским отношениям между верующими. Однако, с другой стороны, отсутствие такой способности сильно вредило авторитету монаха. Иными словами, верующие смотрели на него как на некий обязательный

⁷ Седьмой день седьмого месяца по лунному календарю — «Вечер семерок», или «Сорочий праздник». В Корее носит название Чилсок (в Китае — Цисизе, а в Японии — Танабата). В этот день девушки вырезают фигурки из дынных корочек и загадывают желание удачно выйти замуж.

⁸ Тридцать первое число двенадцатого лунного месяца — Новый год по лунному календарю.

⁹ Согласно буддийскому учению, когда человек умирает, его душа сорок девять дней обитает на земле, готовясь к следующему перевоплощению.

атрибут для перехода дома от низкого положения дома гадалки к высокому статусу буддийского храма. Они хотели, чтобы монахиня, благодаря ученым занятиям, смогла как можно скорее сама начать читать молитвы Будде.

Монахиня никогда ничего о себе не рассказывала, но среди верующих прошел слух, что она усиленно занимается, чтобы поступить в буддийский университет и посвятить дни учению.

Еще не наступило время, когда монах Но должен был спуститься из храма Чонгеса, но на кухне вовсю шло приготовление праздничной еды. Всевозможные фрукты, несколько видов мяса, разнообразные хлебопродукты, принесенные из хлебного магазина, и чильпхён — корейский паровой хлебец с выдавленными на нем цветами — проходили обработку в чанмару — той части кухни, где сервировали обеденные столики. Поскольку сегодня был день рождения Будды, для верующих одновременно готовили не только праздничный обед, но и торжественный ужин. Хвала Будде, что на кухне хватало рабочих рук, чтобы и суп сварить, и салаты заправить.

Имя дочери — Ма Гым, означавшее «монахиня от природы», — записали в родословную. Для ее матери, Ма Гымне, вероятно, впервые после рождения дочери выдался такой прекрасный день, как сегодня. Голос семидесятилетней Ма Гымне, отдающий распоряжения, был на удивление молодым, сильным и властным. Она только командовала — все остальное делали ее невестки. У нее был и зять, которому она вручала список необходимых покупок, и он тотчас мчался на оптовый рынок в Сеул. Если храмовый бизнес будет процветать так же, как сейчас, то, вероятно, в ближайшие два-три года придется сломать этот дом и построить на его месте здание побольше или же приобрести землю для постройки нового храма, который не будет зависеть от храма Чонгеса. От одной только мысли об этом у Ма Гымне распрямлялись плечи, улучшалось настроение, а на сморщенном

лице появлялась улыбка. Взгляд, которым она обвела дом, был одновременно жадным и умиротворенным. Ма Гымне не чувствовала себя виноватой, но понимала: если сейчас, когда она превратила несчастливый дом в счастливый храм, когда дела идут лучше некуда, она решит разрушить его, то таким образом может прогнать удачу. Однако алчная часть ее души все-таки одержала верх. О том, чтобы в такой прекрасный день возвести на этом месте символический огонь для постройки нового дома с буддийскими статуями, она советовалась с самыми давними и постоянными клиентами, а также с монахом Но из храма Чонгеса. Поэтому она считала, что половина дела уже сделана. Нельзя сказать, чтобы у Ма Гымне давно открылись глаза на подобный бизнес — бизнес, который приносил бы людям утешение и надежду, а ей — много-много денег; но одно она хорошо понимала: даже если обойти всю страну, не найдется другого такого бизнеса, где даже начало — уже половина дела. И это было именно так.

Ма Гымне сидела в чанмару и, ворча про себя, в уме занималась приблизительным подсчетом пожертвований, которые люди бросали в урну перед ярко освещенной свечами статуей Будды, а также тех денег, которые дополнительно поступили раньше. Улыбка на лице Ма Гымне то появлялась, то исчезала. Она с удовлетворением думала: уж не снится ли ей весь этот бизнес, наконец-то вышедший на нужную орбиту доходности? Однако у Ма Гымне от зависти закипала душа при мысли о том, что деньги, заработанные ее храмом, — ничто по сравнению с суммами, которые в подобный же день получает известный большой храм. По слухам, денег там так много, что их приходится складывать в большой котел и утаптывать ногами.

Рассеянность не была обычным состоянием дочери-монахини Ма Гым. Известно ли ей, что между матерью и дочерью должны быть хорошие отношения, — только в таком случае бизнес будет процветать? Но дочь не собиралась подстраиваться под мать — она даже не встре-

чалась с ней взглядом, хотя терпеть это было нелегко. Разве Ма Гым стала такой благодаря не только милости Творца, но и благодаря ей, Ма Гымне? Как она смеет презирать родную мать после того, как сделалась гадалкой? Однако для такого отношения у дочери были причины: когда никто не видел, мать косо поглядывала на нее, но стоило ей встретиться с дочерью глазами, как она сразу начинала льстить. Это не делало матери чести, но дочь, видимо, понимала, почему та так поступает, и старалась избегать подобного. Они обе старались не встречаться друг с другом взглядами, а причиной, по которой Ма Гымне приходила в этот дом, были занятия по буддизму и проведение буддийской службы — в обычное-то время она оставляла дочь в покое. Однако одно осталось неизменным: как и во времена своей работы гадалкой, так и сейчас, когда она стала монахиней, Ма Гым была единственным источником дохода семьи. Дочь не только не хотела встречаться с матерью взглядами, но даже и разговаривать с ней: все это время та использовала ее по своему усмотрению, словно кошелек. Ма Гым даже не знала, сколько она зарабатывает за день. Возможно, она вела себя так, чтобы избежать общения с матерью и другими членами семьи, ведь начини она считать деньги, и ей придется с ними заговорить. Ма Гым была источником дохода семьи, ее деньги были деньгами Ма Гымне, а деньги Ма Гымне — деньгами Ма Гымне.

Ма Гымне была коренной жительницей деревни. Она даже знала историю этого дома. Но она больше не жила в «деревне аборигенов», теперь она купила квартиру в новом жилом комплексе с видом на эту деревню как на непривлекательный пейзаж. Ма Гымне родилась в этой деревне еще до того, как та стала «деревней аборигенов». Здесь же вышла замуж, жила бедно и тяжело. Но она помнила, что даже в те времена дом одиноко стоял посреди поля. И хоть Ма Гымне и родилась в небогатой семье, после замужества она перебралась в еще более бедный дом, беднее родительского. Тогда она не проявляла к тому дому никакого интереса.

Когда во время Корейской войны она впервые уехала из деревни и спустя несколько лет вернулась обратно, ситуация сильно изменилась. Многие покинули родные места, часть домов пустовала. Одиноким стоящий посреди поля старинный дом за эти годы сильно обветшал. В нем никто не жил. Поговаривали, будто бывший хозяин дома настолько часто пользовался кухней, что однажды случайно отравил всю свою семью угарным газом. Люди сплетничали: мол, загадочный дом превратился в место страшного наказания тех, кто навлек на себя гнев небес; местные, которые знали о том трагическом случае, говорили, что дом проклят, и обходили его стороной. Иногда он становился временным пристанищем для нищих, и со временем превратился в место с дурной славой. С начала Корейской войны прошло так много времени, что в деревне почти не осталось людей, которые бы знали историю этого дома. Сменилось там много жителей, но вера в то, что дом проклят небесами, лишь усилилась. Ма Гымне за это время родила и воспитала пятерых детей. Муж ее работал поденщиком, занимался собирать фрукты. После замужества Ма Гымне не приходила в деревню и не навещала родительский дом. К тому же она никогда не задумывалась о том, чтобы воспользоваться этим домом даже ради ночлега, — ведь тот был проклятым местом.

Однажды над домом к небу начал подниматься слабый дымок. Никто, кроме Ма Гымне, не заинтересовался этим, думая, что туда забрался очередной нищий. В то время «деревня аборигенов» еще не появилась. Среди полей и фруктовых садов стояли редкие дома, и было отчетливо видно, как сильно опустела деревня после войны. Тогда никто не мог предсказать, что земля возле того дома однажды станет очень дорогой. Но когда дом еще был необитаем, Ма Гымне уже начала обращать внимание на необычный фасад дома и на землю вокруг него. Никто, кроме нее, не знал, что в доме поселился младший брат покойного хозяина, выживший в случайном массовом убийстве. Во время Корейской войны он,

тогда еще совсем юнец, невольно стал единственным свидетелем трагической смерти семьи старшего брата. Это оказалось сильным потрясением для него — у него не было другой семьи, на которую можно было бы опереться. Он отправился в какой-то буддийский храм и провел в нем примерно двадцать лет, ведя жизнь аскета, а после вернулся обратно в тот дом, к светской жизни. Изначально у Ма Гымне не было намерения причинять ему вред, но стоило ей подумать о том, что она знает, кто он такой на самом деле, как у нее начинали чесаться руки от смутного предчувствия, что однажды она обязательно воспользуется этой тайной. Когда земля в округе еще не подорожала, в душе Ма Гымне, наблюдавшей за тем домом, с каждым днем росло напряжение. Ей казалось невозможным, чтобы мужчина, который провел молодость в буддийском храме, однажды неожиданно покинул его, надеясь прожить в мире людей. Он прикрепил на дом вывеску с надписью «Сонвон»¹⁰. Словно в подтверждение тому, что созданные в буддийском храме человеческие отношения являются очень хорошими, в том доме начали появляться мужчины, по виду — интеллектуалы, и их число неуклонно росло. Ма Гымне с мужем посещали тот дом под предлогом помощи в пустяковых делах. Так они смогли узнать, что те мужчины приходят учиться ханмуну или изучать буддийские священные сутры. Бывали времена, когда в доме раз в месяц устраивались многолюдные собрания. Вскоре Ма Гымне отправила с трудом окончившую начальную школу дочь Ма Гым в тот самый дом — работать прислугой, девочкой на побегушках. В то время они жили очень бедно и часто голодали, поэтому семья решила: раз нет возможности послать девочку учиться в среднюю школу, то пусть хоть обучится искусству показывать свою уникальную способность. Ма Гым с раннего детства с легкостью прикидывалась несчастной-разнесчастной и обладала удивительной способностью предсказывать

¹⁰ Монах секты созерцателей, постигших абсолютную истину.

будущее человека. Если она, пусть и поверхностно, изучит священные буддийские сутры, в будущем это пригодится ей для зарабатывания денег.

Даже в те времена, когда «деревню аборигенов» еще называли «деревней с европейскими домами», местные жители держались на почтительном расстоянии от этого полуразрушенного старинного дома с вывеской «Сонвон», а странного мужчину, проживающего в нем и явно не придерживающегося принципа «чжундо»¹¹, именовали то буддистом-отшельником, то даосистом. Естественно, как и прежде, никто из деревенских не ходил в тот дом учиться морали или изучать буддизм.

Однажды, когда прошло еще не так много времени с того дня, как четырнадцатилетняя Ма Гым стала работать девочкой на побегушках, буддист-отшельник ударил ее. Ма Гым, не желая, чтобы такое повторилось, рассказала об этом матери. Выслушав рассказ дочери, Ма Гымне тотчас помчалась к монаху. Чтобы выторговать у него как можно большую компенсацию за насилие над дочкой, она стала угрожать ему, что пожалуется властям. Она так запугала монаха, что тот добровольно переписал на нее дом и участок земли, расположенный перед ним. Так дом стал собственностью Ма Гымне, а монах-отшельник получил оставшийся свободный участок земли. Вроде бы все остались довольны. Что до Ма Гым, то она после того случая вместо ненависти к монаху почувствовала, что ее способность читать мысли других людей стала гораздо сильнее. Ма Гымне, используя удивительную способность дочери по максимуму, растила ее как девочку-шаманку, но из-за того, что та была очень легкомысленной и не жадной до денег, гадательный бизнес процветал не столь пышно, как хотелось бы Ма Гымне. Однако того, что дочь стала гадалкой, было достаточно, чтобы дела шли достаточно

¹¹ Чжундо — «срединный путь», один из наиболее важных пунктов буддийской доктрины, призывающей к умеренности во всем.

успешно, а вся семья могла ничего не делать и просто паразитировать на дочке. Пока дом с девушкой-гадалкой еще не стал буддийским храмом, Ма Гым продолжала общение с монахом-отшельником. Тот, продав свой приусадебный участок, купил в горах храм и предложил девушке продолжить обучение там. Она спокойно согласилась пойти, ведь она первая наметнула ему об этом.

Однако Ма Гым уже была слишком взрослой для того, чтобы начать изучать ханмун и буддизм; к тому же у нее не было такого уж большого желания учиться. Кроме того, как уже говорилось, она была лишена врожденной жадности к деньгам. Доверяла же она лишь собственной интуиции. Ма Гым хотелось под любым предлогом — неважно каким — уехать отсюда куда-нибудь. Ее смутное желание сбежать возникло не из-за самого места, а из-за людей, с которыми у нее до сих пор оставалась кармическая связь. Встречавшиеся ей до этого дня люди все как один не могли думать ни о чем другом, кроме одного: как бы любым способом отнять у других имущество и должность. Познав в раннем возрасте это свойство человеческой природы, она стала использовать свое знание в гаданиях. Но ей казалось, — вернее, ей хотелось верить, — что не все люди таковы. Наблюдая за матерью и ее поступками, Ма Гым поневоле начинала ощущать, как в ее душе зарождается подозрение: а не из таких ли людей и она? Вот что мучило девушку больше всего. Ма Гым очень хотела надеяться, что ее мать не такая, однако лучше других понимала, что это не так. Когда Ма Гым вдруг просыпалась посреди ночи, спокойная улыбка статуи Будды, стоящей напротив, отражала его согласие с ней.

Неизвестно, сколько денег было собрано, но буддийский храм, как и положено, хранил спокойствие после празднования дня рождения Будды. Глядя в небо, Ма Гым улыбнулась и напомнила себе: надо бы снять бумажные фонари со двора и повесить их под потолком. Колыхаясь на ветру, фонари создавали впечатление перевернутого пруда. Ма Гым отправилась на задний двор

дома, чтобы нарвать зелени. Из приготовленной в большом количестве еды ничего не осталось: рисовый паровой хлеб раздали верующим, а гарниры к рису и закуски были сметены членами семьи. Ма Гымне ни разу не видела, как ее дочь Ма Гым ест что-нибудь с аппетитом. Вместо того чтобы приготовить для дочери что-нибудь вкусненькое, Ма Гымне, наоборот, приговаривала: мол, оставшаяся еда испортится, и уносила с собой все, что только можно было унести. Более того, она то и дело повторяла, что дочь в случае чего и сама может приготовить себе лакомство. А если вдруг проголодается — так надо терпеть, иначе число верующих уменьшится. У Ма Гым не было интереса к готовке: с детства она ничему такому не научилась как следует. Она лишь готовила что-нибудь на скорую руку, так, чтобы не умереть с голоду. Даже семена в заднем дворе посадила не она, поэтому не знала, что за зелень там растет и как ее едят. Когда она, захватив рукой, сколько могла, вырвала из земли пучок зелени и стала очищать его от грязи, во двор тихо вошла бабушка. Ма Гым сразу поняла, что та пришла не гадать. Жизнерадостное лицо ее просто ослепляло, хотя на то, кажется, не было никакой причины. Какой контраст с обликом Ма Гым, одетой в потрепанную монашескую одежду, не соответствующую сезону! Весело смеясь, бабушка начала упрекать Ма Гым, цокая языком:

— Ай-ай-ай, до сих пор не знаешь, как чистить просвирняк? В таком-то возрасте?

Даже не поздоровавшись, она без всякого стеснения уселась напротив Ма Гым и начала ловко чистить просвирняк.

Ма Гым впервые в жизни увидела, как чистят просвирняк — аккуратно сдирают кожуру с мягкого стебля.

— Раз не знаешь, как его чистить, то тем более не можешь знать, как его промывать. Смотри внимательно: просвирняк промывают так, — с этими словами бабушка отнесла зелень к водопроводу и стала промывать, слегка раздробив стебли и растирая их до тех пор, пока вода не

стала зеленой. — Есть вода для промывки риса? — спросила она и попросила принести рис.

Она промыла рис один или два раза тем же самым способом, что и просвирняк, затем слила мутную воду в отдельную посуду. Бабушка осмотрела все углы кухни, при этом постоянно издавая восхищенные возгласы, и поставила рис вариться, потом взяла из чана соевую пасту и начала готовить суп. Все ее движения были настолько свободными, ловкими и изящными, словно она давно была здесь хозяйкой. Желая понять столь странное поведение бабушки, Ма Гым пристально смотрела на нее и усердно размышляла, но зацепиться было не за что. По своему опыту она знала: если что-то сразу не приходит в голову, то оно не придет даже после длительных раздумий. Однако Ма Гым было весело, и даже то, что не смогла прочесть мысли бабушки, она не считала неожиданным провалом. Впервые в жизни Ма Гым испытала чувство необъяснимой радости.

За накрытым столом сидели они вдвоем. Сваренный из просвирняка суп был настолько вкусным, что Ма Гым съела весь добавленный в него рис. «Ну как можно быть такой голодной?» — весело приговаривала бабушка, то и дело подкладывая ей в суп рис, чем очень смущала Ма Гым, заставив усомниться, кто же из них здесь гость. В самом деле, начиная с того момента, как бабушка вошла во двор, она вела себя так, словно этот дом принадлежит ей. «Что бы такого вкусенького сварить на ужин?» — произнесла она вслух, обращаясь не то к самой себе, не то к Ма Гым. Глядя на беспокоившуюся об ужине бабушку, Ма Гым внезапно захотела немного подурачиться, понежиться и покапризничать. Такое чувство она испытывала впервые в жизни. Никогда прежде не получавшая от других заботы, она была в восторге, словно ей приснился очень хороший сон. Вечером ради бабушки она сходила за продуктами в минимаркет в «деревне аборигенов» и купила там дубу¹², бобовые

¹² Корейский соевый творог.

ростки и даже анчоусы. Вернувшись, Ма Гым вошла в кухню и вместе с бабушкой начала готовить ужин. Во время готовки та упрекнула ее, что Ма Гым расходует слишком много драгоценного кунжутного масла. Бабушка бранила Ма Гым, но той совсем не было страшно. Ма Гым удивлялась тому, какой заботливой и терпеливой она стала. Когда наступила ночь, она постелила постель и легла рядом с бабушкой, соприкасаясь с ней руками. Боясь, что бабушка так же тихо, как и вошла, уйдет — без предупреждения и без спросу, — Ма Гым схватила ее за руку. Это была маленькая, нежная и одновременно сильная рука.

— Рассказать тебе одну старую историю? — спросила бабушка, сжав в ответ ее руку. — Когда-то давным-давно жила одинокая вдова с маленьким сыном. И однажды прошел слух, будто бы эта вдова стала *ветренкой*. Каждую ночь, когда малыш засыпал, она ходила к своему любовнику, и чтобы не тратить время на переодевание, спала в одежде. А мальчик, узнав, что мать каждую ночь тайно уходит из дома, как-то раз заснул, намотав на запястье своей руки тесемку ее кофты. Когда он спокойно уснул, убедившись, что мать рядом, она отрезала тесемку кофты ножницами и быстро, словно ветер, умчалась к мужчине.

— Это очень грустная история, бабушка. — Сказав это, Ма Гым заснула, тихо дыша, словно ребенок.

Когда она очнулась от глубокого сна, было уже утро.

Бабушки рядом не было. Но тут же она услышала, что на улице кто-то есть. Бабушка сидела на деревянном полу и складывала в стопку постиранное белье. «Когда человек состарится, он должен умереть. Ты посмотри: я ведь уснула, забыв сложить белье!» — сказала она, разглаживая руками влажное от ночной росы белье. Каждую выпрямленную вещь она складывала в стопку. Чем больше Ма Гым слушала ее бормотание — «Чуть погодя их надо еще раз просушить на солнце», — тем больше удивлялась: откуда же к ней пришло такое сокровище? Ее нижнее белье и одежда буддийской монахини, еще

вчера лежавшие на полу скрученные, как высушенный минтай, стали ровными и гладкими, словно их только что выгладили горячим утюгом.

Так началась удивительная жизнь Ма Гым с бабушкой. Похожая на сон, она была настолько благополучной и приятной, что Ма Гым решила больше не интересоваться, откуда бабушка пришла и куда собирается идти. Она ничего не знала о ней, кроме того, что в доме она вела себя свободнее, чем хозяйка, — не было ничего такого, что помогло бы узнать ее получше. О своем прошлом бабушка несла полнейшую чепуху. Но она, кажется, делала это не нарочно. Когда Ма Гым ловила ее на слове и начинала расспрашивать подробнее, бабушка смущалась и на миг задумывалась, словно силилась вспомнить что-то, а затем, выразив недовольство, принималась говорить о совершенно других вещах. В один из дней бабушка, пристально разглядывая статую Будды, неожиданно сказала, что у последователей Иисуса тоже добрые души. Она поведала, как однажды чуть не умерла на дороге от болезни, но когда проснулась, вокруг сидели христиане и молились о ней и ее душе. На следующий день, когда Ма Гым захотелось чуть подробнее узнать о том случае чудесного спасения, бабушка заговорила совсем о другом. Она пальцем показала на виднеющиеся вдали покрытые белой виниловой пленкой теплицы и сказала, что причина, по которой у нее в последнее время постреливает в пояснице, заключается в этих самых теплицах, потому что там рождается зима. В этих словах не было никакой логики, но, как ни странно, они не звучали как полный бред. Все, что Ма Гым могла узнать благодаря своей интуиции, — это то, что бабушкина память то исчезала, то появлялась. Ясно было одно: бабушка очень довольна своим нынешним положением. Однажды она, удовлетворенно, от всей души потягиваясь, сказала: как рыбе нравится там, где она плавает, так же и человеку хорошо там, где он когда-то жил. Когда Ма Гым услышала это, ей в голову пришла странная мысль: может быть, в дом вернулась

бабушка, которая жила в нем в прошлой жизни? Но такая мысль совершенно не портила девушке настроение. Мысль о том, что в прошлой жизни она была ее внучкой, доставляла ей удовольствие. Ма Гым воображала, что сейчас они на самом деле находятся не в этой жизни, а в той, прошлой.

Когда Ма Гым слышала, как бабушка, отсутствующим взглядом озирая далекую линию горизонта, бормочет про себя: «Мой сын сказал, что сразу придет за мной, почему же он так долго не едет?», на душе у нее становилось тяжело и портилось настроение. Но расстраивалась она не оттого, что сын бабушки скоро придет и заберет ее, а оттого, что ей казалось: старую женщину бросили сознательно.

4

Предположение Ёнчжу, что мать снова пошла к тоннелю Ыйван, не оправдалось. Всю ночь, не сомкнув глаз, она провела в поисках. На следующий день Ёнчжу, обшарив все без исключения места, куда могла бы пойти мать, заявила о пропаже не только в полицию, но и в районные отделы семейного благополучия городов Тонхва и Кучхон. Также она впервые узнала, что существует особый телефонный номер, по которому со всей страны обращаются с просьбой о поиске пропавших людей. Она распространила информацию об исчезнувшей матери во все уголки Кореи. Шли дни, но никаких новостей не поступало. Ёнчжу разместила в газетах объявление о ее исчезновении, муж попросил друга-диктора, и тот объявил по телевизору в самое популярное эфирное время. После этого объявления поступило несколько сообщений с информацией о матери, которая при проверке всегда оказывалась ложной. Ёнчжу уж не знала, сколько раз, чуть не плача, бежала на станцию метро «Сувон», когда ей сообщали, что видели там мать, якобы просившую милостыню у прохожих. Однажды кто-то — видимо, решив побаловаться, — позво-

нил и сказал, что мать сейчас ест лапшу удон, которую он ей купил. Этот человек попросил принести деньги за лапшу и оборвал звонок, не назвав место, откуда звонил. Ёнчжу попросила прокуратуру поискать мать среди людей, погибших в результате несчастных случаев. Из-за этого ей несколько раз приходилось опознавать тела пожилых женщин. В крайне тяжелых случаях на опознание ездили муж и брат Ёнчжу. Сама же она не могла спокойно сидеть сложа руки и ждать, утешаясь мыслью, что сделала, мол, все, что могла. Ёнчжу даже минуты не сиделось дома: она объездила на своей машине все места, куда предположительно могла пойти старая женщина. Моральное состояние всех членов семьи было ужасным. И все же поездки Ёнчжу были не напрасными: они помогли ей убедиться, что мать один или два раза появлялась в микрорайоне Квачхон. В этом многоквартирном жилом комплексе они жили очень долго, там оставалось много знакомых, среди которых нашелся человек, сказавший, что встречал здесь мать. Но так как он думал, что она пришла сюда ненадолго, то лишь поздоровался с ней. Он также добавил, что мать выглядела опрятной и жизнерадостной, поэтому даже в страшном сне не мог себе представить, что она потерялась. Ёнчжу подумала: если бы он заранее знал, что у матери амнезия, то, наверное, задержал бы ее у себя и позвонил домочадцам. От обиды Ёнчжу хотелось ругаться и топтать ногами. Несмотря на то, что ей казалось, будто время упущено, она решила разместить в газетах вкладыши с сообщением о пропаже матери в разделе «Реклама». В течение нескольких дней она обошла все пункты рассылки газет в городах-спутниках Пхенчхон, Санбон и Аньян, занимаясь только тем, что размещала в них вкладыши. Заметив, что читатели газет не обращают на вкладыши никакого внимания, Ёнчжу решила напечатать плакаты и расклеить их. Учитывая радиус прогулок матери, Ёнчжу осознала и другое: если она будет в одиночку заниматься расклейкой плакатов или даже если ей будут помогать все члены семьи, потребуется

чудовищно много времени. Но то, что она просто могла каждый день бегать по округе и расклеивать плакаты, уже было для нее спасением, иначе она попросту сошла бы с ума.

Чтобы ежедневно расклеивать плакаты, требовались руки и много времени — членов ее семьи явно было недостаточно. Брат и сестра Ёнчжу не раз собирались вместе обсудить способ поисков. Разговор обычно затягивался допоздна, и вину за случившееся неизменно возлагали на Ёнчжу. А она лишь повторяла: «Такому грешнику, как я, нечего ответить». Эти слова часто твердил ее брат Ёнтхак, семья которого в этом деле выглядела самой невиновной. Лишь его жена холодно наблюдала и не вмешивалась в разговоры, она никогда не говорила: «делайте так» или «не делайте этак» — и всем своим видом показывала, что во всем виновата Ёнчжу. Но когда речь заходила о том способе, который жена брата считала наилучшим, чтобы защитить мать от бегства из дома, то есть запереть дверь ее комнаты, — Ёнчжу с трудом удавалось сдерживать ярость. Сестра Ёнсук, кажется, думала так же, как и жена брата.

— Сестра, тебе надо было тогда немного потерпеть, а ты, вообразив, будто только ты сможешь хорошо ухаживать за матерью, напрасно привезла ее к себе. Не стоит и говорить, что олькхе¹³ в душе может обвинять тебя в ее пропаже.

— Разве сейчас подходящее время, чтобы судить о том, правильно или неправильно кто-то поступил? Особенно когда неизвестно, жива наша мать или нет. В то время я прежде всего старалась думать о том, чего хотела бы она. Я не знала, что все так получится, но не думаю, что поступила неправильно, — оправдываясь, возражала Ёнчжу.

— Ой, не могу: ученая сестра, доктор наук, кто будет возражать! Если наша мать умрет, то из полиции немедленно позвонят, видимо, поэтому ты сказала, чтобы мы

¹³ Обращение к жене старшего брата.

не беспокоились. Для этого тебе были нужны отпечатки ее пальцев?

— Зачем ты прибавила слово «ученая»? — обиделась Ёнчжу.

— Никто из детей не заставлял так страдать мать, как ты! Столько лет ты заставляла ее работать — чего тебе не хватало? Именно потому, что ты захотела получить степень доктора наук и не выпускала мать из дома, мы в конце концов пришли к такому плачевному результату. Разве я не прав? — недовольно сказал брат Ёнтхак.

Неужели так могут отличаться между собой мать и сын? Он уже забыл, благодаря кому сам-то пошел учиться в университет... Мать гордилась тем, что смогла выучить сына, но половину заслуги в этом она всегда приписывала старшей дочери и чувствовала себя виноватой перед ней. Ёнчжу знала, что если бы она не была дочерью хозяйки пансионата, то смогла бы получить ученую степень гораздо раньше. Однако она не раз слышала от брата такие несправедливые, осуждающие слова, которые больно ранили ее душу. Если бы она не хотела облегчить ношу матери, то не стала бы ученой так поздно. Даже своего мужа она встретила среди проживавших в пансионате студентов. Он женился на ней, прекрасно зная обо всех ее семейных обстоятельствах, стал учителем средней школы и не испытывал неловкости из-за того, что живет в доме супруги. Он делал все возможное, чтобы никто в доме не чувствовал себя неловко. Когда кто-то спрашивал его о семье, он старался сделать так, чтобы Ёнчжу не слышала, как он отвечает, что живет вместе с тещей и заботится о ней. В такие минуты ей казалось, что у нее самый прекрасный муж в мире, однако традиционное воспитание не позволяло открыто гордиться им. Матери нравился такой зять. Вот и сейчас больше всех о матери беспокоился именно муж Ёнчжу. И такого прекрасного зятя сестра Ёнсук хотела облить грязью!

Настали теплые весенние дни. Даже представляя себе, как мать спит под открытым небом, съезжившись от холода, Ёнчжу верила, что та все еще жива. Муж с грустным выражением на лице сказал, что ему очень хочется поесть чонгукчжан¹⁴, который мать варила, добавляя туда терпкие стебли листьев кимчи¹⁵ трехлетней засолки. Почему он сказал это именно тогда, когда сестра Ёнсук могла его услышать? Все знали, что мать обладала непревзойденным кулинарными способностями. Муж произнес эти слова, чуть не плача, но сестра Ёнсук все равно пришла в ярость. Встав, она пнула свой стул и выкрикнула, что раз кухарка, которую держали в черном теле, ушла, то нельзя ли было найти лучшие слова о ней. «Интересно, — подумала Ёнчжу, — что за образ матери она нарисовала себе, если слова мужа показались ей такими презрительными по отношению к свекрови?» Когда она вспоминала, как мать спокойно складывала в стопку белье, выглаженное руками так ровно и гладко, словно его погладили горячим утюгом, тоска по ней становилась невыносимой, и Ёнчжу понимала искренность слов мужа.

Не успели они оглянуться — прошло уже полгода с тех пор, как мать ушла из дома. Незаметно наступило лето. Ёнчжу, несколько раз напечатав плакаты тиражом по тысяче экземпляров, уже потеряла им счет, но их все равно явно было недостаточно, чтобы покрыть весь Сеул и его окрестности. Информация о матери уже давно не поступала. Все это время Ёнчжу ездила по разным учреждениям, где принимали стариков, заодно расклеивая плакаты, — это стало для нее почти работой. При этом она обнаружила много частных учреждений, которые не были зарегистрированы в Министерстве здравоохранения и социальных дел. Такие места можно было отыскать лишь по слухам.

¹⁴ Тушеное мясо или тушеные овощи в остром соусе.

¹⁵ Квашеная капуста, заправленная перекрученным красным перцем и чесноком, с добавлением различных специй и морепродуктов.

Однажды Ёнчжу возвращалась домой после посещения одного такого учреждения, которое нашла большим трудом и в котором ее снова ждало разочарование. В какой-то момент она увидела место, где ей вдруг захотелось отдохнуть. Ёнчжу остановила машину и глубоко вдохнула воздух, который оказался не таким уж и свежим. Место, где она остановила машину, было въездом в какую-то унылую грязную деревушку. «Может быть, в этой деревне тоже повесить плакат?» — подумала Ёнчжу, и тут ей на глаза попался одиноко стоящий вдали дом. Она удивилась, что в окрестностях Сеула до сих пор сохранилось такое старинное здание, — оно явно было построено во времена династии Чосон. Было видно, это просто неухоженный старый дом, а не какой-нибудь культурный памятник прошлого, но тем не менее какая-то неведомая сила буквально тянула Ёнчжу к нему. Она села в машину и медленно поехала в его сторону. Она колебалась: стоит ли подъезжать ближе? Влечение к этому дому показалось ей весьма странным. Увидев издали на бельевой веревке свитер, она внезапно подумала о доме в районе Чжонам, где они с матерью когда-то держали пансионат. Ёнчжу и сама не знала, почему вдруг вспомнила о нем, ведь эти дома внешне были абсолютно не похожи друг на друга.

Подъехав поближе к дому и узнав свитер матери, весело пляшущий на бельевой веревке во дворе, и вывеску пхогёвона от храма Чонгеса, Ёнчжу охнула. Тяжело и часто дыша, она вышла из машины и подошла к воротам. Розовые бумажные фонари на потолке и золотой Будда ясно указывали на то, что это здание действительно является храмом. Правда, за исключением этих атрибутов, оно ничем не отличалось от обычного сельского жилого дома. Две женщины в одеждах буддийских монахинь сидели на полу перед Буддой под бумажными фонарями и, тихо переговариваясь между собой, снимали кожицу додока¹⁶. Умиротворение, словно дымка

¹⁶ Научное название растения кодонопис ланцетный.

над землей, струилось вокруг них, поднимаясь вверх и растворяясь в воздухе. Возможно, из-за того, что монашеское одеяние было слишком большим, маленькое тело матери напоминало огромную бабочку, которая, сложив крылья, отдыхала. Хотя нет — она выглядела так вовсе не из-за свободной одежды буддийской монахини. Такое впечатление создавалось из-за той легкости, свободы движений и естественности, которые появились после полного избавления от переживаний и тяжелого существования прошлой жизни. Интересно, когда-нибудь прежде была ли мать такой же свободной и счастливой? Ёнчжу была поражена: как пожилая женщина, которой перевалило уже далеко за семьдесят, смогла стать таким комочком естественности, к которому не прилипала грязь обычной жизни?

Скорей всего, Ёнчжу видела перед собой не реальность, а иллюзию. Она не могла сделать и шага вперед. Мать находилась всего лишь в паре метров от нее... Но местом, где стояла Ёнчжу, был реальный мир. Как бы близко ни соприкасались иллюзия и реальность, пересечь прозрачную границу между ними было невозможно.

НЕВЫНОСИМАЯ ТАЙНА

*Для Ха Ён тот холодный поцелуй с трупом
был первым физическим контактом с женщиной.
Она не могла сказать об этом вслух.
Безразлично, поверят ей или нет.
Но как долго она сможет хранить тайну о своем
первом в жизни поцелуе —
поцелуе с трупом?*

Она слишком долго ждала. Интересно, все еще пред-
рассветные сумерки? Кажется, они еще не скоро рассеют-
ся. Чего же она так долго ждала? Может быть, появления
в море дельфинов? Когда Ха Ён вошла в отель, она не ду-
мала о восходе солнца над Восточным морем. Девушка-
администратор, предавая Ха Ён ключи, сказала, что из
комнаты можно увидеть восход солнца над Восточным
морем. Это было сказано таким тоном, словно она горди-
лась оказанной услугой, однако Ха Ён даже в голову не
пришло поблагодарить ее за это. Слова сотрудницы отеля
о восходе солнца над Восточным морем в тот момент не
вызывали у Ха Ён никаких эмоций. Но когда она лежала на
боку и неотрывно смотрела в окно, то, возможно, делала
это, вспомнив слова девушки-администратора.

Там, где соприкасались черное словно тушь море и пасмурное небо, не было видно горизонта. Внезапно небо разорвала длинная темно-красная линия. Однако из-под нее не просачивался свет. Казалось, оттуда вот-вот начнут капать кровавые капли, но, словно свежая царапина на небе, она совершенно не помогала солнцу рассеивать серый рассвет. Глядя на алую линию, Ха Ён догадалась: это не солнце не взошло, это погода была очень пасмурной.

С трудом, словно старый человек, она встала, немного размялась и, медленно подойдя к окну, посмотрела на пологую береговую линию и широкий песчаный пляж. Это был тот самый знаменитый пляж, который часто мелькал на экранах телевизоров в летний сезон. Еще не наступила полуденная жара, и морское побережье было безлюдным, спокойным и чистым, будто его вымыли. Охваченная чувством одиночества, она торопливо подобрала с пола вещи, быстро оделась и вышла из номера.

Парадный вход отеля, казалось, лежал прямо на поверхности моря. Через стеклянную дверь вестибюля Ха Ён увидела на фоне тоскливой бамбуковой рощи цветущее дерево лагерстремии — люди иногда называли ее индийской сиренью. Стояла пасмурная погода, и ветки лагерстремии, сгибаясь под тяжестью ярко-красных цветов, не выглядели свежими. Броская расцветка одного бугорка тут же вызвала в сознании Ха Ён в беззаботный громкий смех. «Что делать, что делать...» — бессмысленно бормотала она, стараясь контролировать дыхание. Ей не нравилось, когда в поступках отсутствовал здравый смысл, — это было даже страшнее, чем принять конкретное решение.

Извилистая тропа вела до самого побережья. По ее краям густо росли деревья. С одной стороны, казалось, что было утро, с другой — сырая, похожая на сумерки темнота. Наконец за последним поворотом тропы показалось море, побережье по-прежнему было безлюдным.

Пройдя через улицу с расположенными вдоль нее магазинами, торгующими сырой рыбой и мясом, Ха Ён решила спуститься по тропе на берег. Все магазины были закрыты. Но возле каждого из них стояли большие стеклянные аквариумы, в которых плавали рыбы, и, глядя на них, можно было подумать, что магазины открыты. «Интересно, о чем думают запертые в аквариумах рыбы, видя перед собой море, в котором еще недавно они вволю плавали и резвились? Есть ли душа в их холодных сердцах? Который сейчас час?» — размышляла Ха Ён, неспешно бредя вдоль побережья и время от времени поглядывая в сторону моря.

Избегая волн, она выбирала сухие места на песчаном пляже, но ее ноги то и дело проваливались, и в кроссовки попадал влажный колючий песок.

Вдалеке показались стоящие вокруг люди, которые как будто что-то рассматривали. Судя по их внешнему виду, они не были туристами-иностранцами — те обычно одевались в бросающиеся в глаза яркие наряды. Эти же люди были одеты совершенно иначе. Они выглядели так, словно были частью этого тоскливого, влажного и мрачного пейзажа. Ха Ён разволновалась: с одной стороны, она не хотела попадаться этим людям на глаза, а с другой — не могла унять возникшее любопытство. Шаг за шагом приближаясь к ним, Ха Ён положила руку на левую сторону груди. Стоило ей хоть немного заволноваться, как сразу начинало щемить сердце.

Наконец Ха Ён увидела, на что так внимательно смотрели люди. В середине круга лежал мужчина. Она сразу поняла, что он мертв. Верхняя часть его груди и голова были неплотно прикрыты кусками газеты, поэтому она не могла разглядеть его лицо. Будь этот человек жив, с ним вряд ли бы так поступили. На ногах трупа были белые кроссовки. Увидев их, Ха Ён задрожала всем телом. Растолкав людей, она пробралась вперед, опустилась на колени у ног мертвеца и схватилась за его кроссовки. Собравшиеся шумно загалдели, но Ха Ён не обращала на них

внимания. Она лишь чувствовала, как кроссовки на ее собственных ногах будто налились холодом и отяжелели. Они и раньше-то были влажными, но теперь казались насквозь промокшими. Ха Ён не могла унять страх, который, разбившись на тысячу ручейков, устремился в сторону белых кроссовок. Вцепившись в них руками и прижимая их к груди, она упала ничком и начала громко плакать. Она понимала, как жалко выглядит, ей стало грустно и страшно. И все же, рыдая среди толпящихся вокруг людей, Ха Ён смогла разобрать отдельные реплики и слова, прояснившие ситуацию:

«Кто это?» — «Она знает Чунсика?» — «Кажется, она иностранка, но откуда тогда она может знать Чунсика?» — «Даже если и знает, разве у него есть близкий человек, который может так горько плакать?» — «Может быть, они переписывались». — «С такой пожилой женщиной?! Не может быть!» — «Это станет известно, когда приедет семья Чунсика. Жалко его мать — как она переживет это?» — «Плохой сын... Я всегда знала, что он нехороший человек, но не думала, что он еще и жестокий. Если бы он подумал о матери, которая жила лишь ради него, разве проглотил бы так много яда?» — «Надо было глотать столько, чтобы не умереть. Даже если он и был не самым хорошим человеком, все же не стоило совершать такую глупость». — «Он не занимался чем-либо стоящим — вот и разочаровался в жизни». — «Ему что, сорок или пятьдесят лет?» — «Ему ведь едва исполнилось двадцать. Даже если он и пережил что-то плохое, неужели это было насколько плохо, чтобы так поступить?» — «Не говорите, если не знаете».

Горький плач Ха Ён, больше похожий на истерику, постепенно утих, словно расслабилась закрученная пружина. Из разговоров она поняла, что досадная смерть произошла не из-за утопления в море, — это было самоубийство с помощью яда. Смущенно улыбаясь, Ха Ён медленно подняла голову. Ее волосы были спутаны, губы в песке, но следов слез на лице не было. Пораженные ее ясным, сухим лицом, люди стали кричать:

— Разве она не сумасшедшая? Нет, она сумасшедшая! Точно сумасшедшая!

Расступившись, люди разомкнули круг, чтобы Ха Ён могла пройти. Кто-то поддерживал ее под руку. Но о ней тут же все забыли из-за громких рыданий матери Чун-сика. Если бы не это, возможно, иные зеваки могли бы последовать за Ха Ён, ожидая нового приступа сумасшествия. Но они — видимо, из-за пасмурной погоды — вели себя не так, как подобает людям, живущим на берегу бескрайнего моря, и их невыразительные хмурые лица не выглядели наглыми, как обычно. Не оборачиваясь, неторопливо, словно у нее не было никаких дел, Ха Ён удалялась от берега. Услышав вой сирен, она все-таки оглянулась и увидела, как к месту происшествия почти одновременно стремительно приближались машина скорой помощи и полицейский автомобиль. Чтобы идти быстрее, Ха Ён пересекла песчаный пляж и поднялась на бетонную дорогу перед магазином-рестораном, где продавались мясо и свежая рыба. Несмотря на то, что все это время она вроде бы не ощущала опасности, как только ее ноги встали на твердую бетонную дорогу, Ха Ён почувствовала облегчение, какое испытывает человек, выходящий из критической ситуации.

Когда Ха Ён проходила мимо магазина-ресторана, в котором продавали блюда из сырой рыбы, его входная дверь тихонько приоткрылась, и она вошла. В глубине комнаты виднелась открытая дверь, откуда вышла полная женщина с такой большой грудью, что казалось, футболка на ней вот-вот разорвется. «Добро пожаловать!» — сказала женщина, зевая. В это время клиентов не было, но магазин-ресторан все равно работал. Ароматы моря и свежей рыбы возбуждали голодный желудок Ха Ён. Внезапное гулкое урчание в животе против ее воли вероломно вырвалось наружу. Запахи рыбы, выловленной в пору созревания, васаби¹, соевой пасты, соевого соуса и пасты из красного перца с уксусом наполнили

¹ Японский хрен.

рот слюной. Но ей было непонятно, голодом вызвано это урчание или тошнотой. Она лишь чувствовала, что ей надо это вытерпеть.

— Вы хотите есть? — спросила хозяйка таким тоном, словно ей ничего не хотелось продавать.

В дверном проеме показались круглый плоский мужской затылок и телевизионный экран, по которому быстро пробежали комедийный актер, наносящий и получающий удары, изможденный африканский мальчик с худым лицом, обсиженным мухами; мелькнули блестящие стройные тела западных мужчин и женщин, они облизывали друг друга, словно собаки. Наконец экран остановился на кадре, в котором актер Сон Хэ² расхваливал популярные в народе песни.

— Для начала принесите, пожалуйста, что-нибудь выпить, — пробормотала Ха Ён извиняющимся голосом.

— Да, так будет лучше. К тому же для обеда пока еще рано, а завтраки мы не готовим.

— Я тоже не ем по утрам. Все в порядке.

Сказав это, Ха Ён подумала, что слова хозяйки о том, что здесь не готовят завтраки, означают, что та их не продает, а ее собственные слова, что она не ест по утрам, означают, что она не готовит так рано. Она невольно рассмеялась. Отношение хозяйки тоже стало дружелюбным.

— Вы не хотите подняться на второй этаж? Вид отсюда просто великолепный: с одной стороны видно море, с другой — озеро.

Ха Ён кивнула и последовала за ней, осторожно ступая по старому ковру, постеленному на ступеньках. Просторная комната на втором этаже была совершенно пустой. Ха Ён она понравилась, но не из-за красивого вида из окна, а из-за того, что некоторое время она сможет побыть в одиночестве. В комнате стояла витрина, полная различных напитков. Глядя на Ха Ён, которую

² Популярный корейский комедийный актер; много лет работает ведущим на народных песенных конкурсах.

больше интересовала витрина с напитками, чем вид за окном, хозяйка, словно делая одолжение, заметила:

— Вы можете ничего не пить. Скоро будет обед. Ах, да! Быть может, вы хотите чашечку кофе? За счет заведения?

— Нет, принесите мне бутылку сочжу³.

С того момента, как у нее заурчало в животе, Ха Ён была вынуждена терпеть не голод и тошноту, а неодолимую жажду выпить сочжу.

Сочжу, выпитая на голодный желудок, — вот тот чудесный напиток, который заставит расцвести внутри нее дерево с яркими цветами.

— Сочжу? — удивленно переспросила хозяйка. — Вы одна будете пить?

— А что, одной пить сочжу запрещено? — Из-за волнения Ха Ён невольно заговорила недовольным тоном.

— Почему же нет? Конечно, можно. Как насчет закуски?

Поведение хозяйки тоже изменилось — оно стало вызывающим.

— Принесите только сочжу. А закуску закажу, когда буду есть.

Кажется, хозяйка, сказала ей что-то еще, немного постояла рядом и, не дождавшись ответа, спустилась по лестнице на первый этаж. Вскоре она поднялась с подносом, на котором стояли бутылка сочжу объемом триста шестьдесят миллилитров, кимчи, вяленые морские водоросли и соленые моллюски неопределенного вида. Хозяйка не слишком вежливо разложила закуски перед Ха Ён, откупорила бутылку и спустилась вниз. Все это время Ха Ён с трудом себя сдерживала. Однако, как бы она ни торопилась, все же удержалась от того, чтобы осушить всю бутылку сочжу единым махом. Ха Ён ясно ощутила, как сочжу из первой чашки, коснувшись языка, протекла по ее горлу прямо в пищевод. Она почувствовала, как

³ Традиционный корейский алкогольный напиток крепостью от 23 до 28–32 градусов.

бесцветная жидкость проникает во все уголки ее тела, окрашиваясь в капиллярах в красный цвет. Это ощущение возбуждало, оно было столь прекрасным, что Ха Ён невольно мелко задрожала. После второй чашки сочжу ей показалось, будто горячее дерево распрямило внутри нее свои ветви с яркими цветами. После третьей чашки она ощутила, как сильно распрямились его ветви, словно бы заполняя ее тело изнутри. Ха Ён на миг почувствовала самое себя этим красивым деревом с яркими цветами, по стволу которого поднимается горячая вода. Ей казалось, что при желании она могла бы нарисовать и описать все кровеносные сосуды в своем теле. Это дерево с яркими цветами, похожее на готовую хоть сейчас выплюнуть красные цветы камелию, мощно наполнило кровью все ее капилляры. Это было вершиной ощущения того, что ты еще жив. Ха Ён знала: нельзя желать большего. И еще она знала: чтобы цветы расцвели, не следует спешить.

Когда ее выдержка стала ослабевать, хозяйка привела в комнату толпу туристов. Они принялись громко восхищаться пейзажами и всей толпой сначала подошли к окну, из которого было видно море, а затем побежали к окну, из которого виднелось озеро. Ха Ён почувствовала головокружение и страх, словно находилась в лодке, опасно накренившейся из-за большого количества людей. Как и ожидалось, следующая чашка сочжу была выпита ею в уже сильно накренившейся лодке. Но что хуже всего — туристы уселись за соседний стол. Один нагловатого вида мужчина — вероятно, за тем столиком не хватало стульев, — без разрешения забрал стул из-за ее стола, при этом он как-то странно взглянул на нее и лукаво подмигнул. Красивое дерево с яркими цветами внутри Ха Ён исчезло. Когда Ха Ён, пошатываясь, попыталась встать, подошедшая хозяйка собралась принять от нее заказ.

— Я поем на первом этаже, — сказала Ха Ён, не объясняя причины своего решения.

— Хорошо. Я вижу, настроение у вас намного улучшилось, — улыбаясь, согласилась хозяйка и унесла с собой пустую бутылку.

Они спустились на первый этаж. Вскоре хозяйка пода-ла неглубокую чашку с закуской, суп из двухстворчатых моллюсков, тушеную рыбу в остром соусе и рис, пригото-вленный в рисоварке. Кажется, Ха Ён ничего подоб-ного не заказывала, но, внезапно почувствовав сильный голод, она торопливо опустошила чашку риса. Хозяин магазина-ресторана, выйдя из комнаты, торговался за блюдо хве⁴ с тем самым мужчиной, который на втором этаже странно посмотрел на Ха Ён и хитро подмигнул ей. Ожидая появления хозяйки, Ха Ён рассеянно смотрела на наколотую на вертел рыбу, трепыхавшуюся на бетонном полу. Непонятно было, камбала это или какая-то другая плоская рыба. Спокойно проведя всю зиму в аквариуме, теперь рыба бесновалась вне воды, высоко подпрыгивая. Увидев хозяйку, которая быстро спускалась со второго этажа, Ха Ён попросила рассчитать ее.

— Вам понравилась еда? — стояв за кассой, грубова-то спросила хозяйка и вручила сдачу.

Ха Ён ничего не ответила, взяла деньги и быстро вы-шла из магазина-ресторана. Никто не стал ее останавли-вать. Сытая и слегка опьяневшая, она с удовольствием подумала: «Теперь можно жить». На песчаном пляже не было видно ни мертвого человека в белых кроссовках, ни обступивших его зевак. Она скосила взгляд в ту сто-рону, где лежал мертвец, не в силах поверить, что все исчезло без следа, и стала оглядываться по сторонам. Странно, но скрылись, как их не бывало, и люди, и по-лицейский автомобиль, и машина скорой помощи. На берегу моря не осталось и следа от несчастного случая. Чтобы убедиться, что на песчаном пляже отпечатались хотя бы следы от шин, Ха Ён направилась в ту сторо-ну, но через некоторое время остановилась, повернулась и пошла обратно. Она подумала: «Неужели то, что я ви-дела, произошло на самом деле?» Ха Ён боялась, что из-за ее плача на нее могут пасть нелепые подозрения.

⁴ Рыба, нарезанная ломтиками и употребляемая с острым соусом.

Все то время, пока Ха Ён удалялась от того места, дул порывистый ветер. «Такой ветер мог стереть все следы от колес на песчаном пляже», — подумала она, прикрывая глаза. Ха Ён не знала, сколько времени она шла, но вскоре оказалась на другой улице, где атмосфера была совершенно иной, чем на улице с магазином-рестораном, торгующим свежей рыбой и мясом и приготовленными из них блюдами. На каждом доме висело много вывесок, большинство из них рекламировали местный соевый творог «Чодан тубу», видимо, названный так в честь деревни Чодан. В этих вывесках разными словами, типа «прародитель», «древний», «настоящий», «чистый», «совершенный», «натуральный», «секрет бабушки» и так далее, подчеркивалось, что именно у них продается настоящий «Чодан тубу».

Соевый творог «Чодан тубу» знаменит не только в Сеуле, но и по всей стране. Именно в этом городе несколько лет тому назад Ха Ён впервые его попробовала. В тот холодный снежный день она вспомнила вкус горячего сун-тубу⁵, который приятно согревал желудок, но тогда его вкус не казался ей таким уж уникальным. Однако приятные воспоминания Ха Ён были вызваны не вкусом соевого творога «Чодан тубу», а самой деревней. Она была здесь вместе с мужем. Тогда они впервые отправились в дальнюю поездку после того, как купили автомобиль. Перенеся в городе Каннын и расспросив людей, они приехали в это место не для того, чтобы попробовать знаменитый на всю страну «Чодан тубу», а ради деревни Чодан. Хотя изначально поездка сюда не была включена в маршрут их свадебного путешествия. Осматривая провинциальный исторический музей Очжухон, Ха Ён сказала мужу, что, раз они доехали до города Каннына, ей хотелось бы посмотреть дом, где родилась поэтесса Хо Нансольхон, творчеству которой была посвящена докторская диссертация Ха Ён. Сначала Ха Ён была очень увлечена ее стихами,

⁵ Популярное корейское блюдо, которое готовится из несвернувшейся соевой массы (из него делают соевый творог).

однако к концу написания диссертации интерес прошел, она стала относиться к творчеству Хо Нансольхон равнодушно. Возможно, именно поэтому дом-музей поэтессы не пришелся ей по душе.

Муж сказал, что они отправятся в ту деревню на следующий день, а заодно попробуют знаменитое рыбное блюдо хве. Ха Ён знала, что в деревне Чодан родилась поэтесса Хо Нансольхон, но никогда не слышала о знаменитом соевом твороге «Чодан тубу» или о хве.

Утром, когда они проснулись, в Канныне шел сильный снег. Такого густого, похожего на очаровательные комочки хлопка снега Ха Ён никогда не видела в Сеуле. Когда она слушала по радио предупреждение о сильнейшем снегопаде, ей показалось, что у нее кружится голова, как будто она очутилась внутри трагично-сладостной мелодрамы. Они быстро нашли деревню Чодан, поскольку повсюду висели вывески о продаже «Чодан тубу». Когда они въехали в деревню, там царила тишина. Густой снег продолжал падать. Мужчина, едва различимый за снегопадом, расчистив лопатой дорогу к одному из магазинов, зашел обратно в здание.

— Пойду спрошу у него, — сказал муж, остановив машину возле магазина, где продавался соевый творог «Чодан тубу».

Если хочешь узнать дорогу в незнакомом месте, то лучше постучаться в какой-нибудь магазин, чем в жилой дом. Ха Ён, сидя в машине, наблюдала за мужем, который прокладывал себе путь по сугробам, то и дело проваливаясь по колено. В тот момент в ее глазах он выглядел таким смелым! А снег продолжал падать так сильно, что уже на расстоянии нескольких метров ничего не было видно. Дверь магазина, куда зашел мужчина, видимо, была закрыта, — муж, сильно стуча по ней, кричал: «Откройте, я хочу спросить кое о чем!» Спустя довольно много времени дверь приоткрылась, и высунулась голова недовольного хозяина.

— Прошу прощения за беспокойство, я слышал, что в этой деревне находится родительский дом поэтессы

Хо Нансольхон. Вы не подскажите, как к нему проехать? — спросил муж извиняющимся голосом.

— Не знаю такую, — раздраженно ответил хозяин магазина.

— Она сестра Хо Гюна... Как, вы не знаете Хо Гюна?! Он написал «Повесть о Хон Гильдоне»⁶...

— Я вам уже сказал: в этой деревне нет ни одной семьи с фамилией Хо.

Муж — видимо, он был шокирован этой новостью, — повернулся к Ха Ён и растерянно пожал плечами. Для него, почти полгода прожившего в США, такая растерянность была совершенно не характерна.

А Ха Ён разговор двух мужчин показался настолько забавным, что она в машине смеялась от души, держась за живот. Затем шутливо сказала мужу:

— Спроси его, можно ли у них поесть. Я голодна.

На этот вопрос хозяин магазина ответил утвердительно. Они поели сунтубу с рисом и, поскольку в магазине не было других посетителей, смогли провести время в неторопливой беседе, расположившись на теплом обогреваемом полу, пока обильный снегопад наконец не прекратился. Чуть позже к их беседе присоединился хозяин магазина, но Ха Ён с мужем больше не стали задавать ему вопросы о семье Хо. «Разве мы уже не вошли в дом Хо Ёпа⁷? Знает ли об этом владелец магазина?» — думала она про себя.

Снег перестал идти, но по радио продолжали непрерывно говорить о нем. Ха Ён была очень рада, что они остановились здесь. Не надо было беспокоиться о снеге высотой в семьдесят сантиметров, выпавшем в первой половине дня, о том, расчистили ли дорогу на перевале Тэкванён, о медленно ползущем, словно улитка, време-

⁶ Сказание о благородном разбойнике времен династии Чосон, грабившем богатых и раздававшим их имущество бедным людям.

⁷ Хо Ёп (1517–1580) — известный под псевдонимом Чодан гражданский сановник времен династии Чосон.

ни, есть ли у них оборудование, чтобы привести в порядок автомобиль... У Ха Ён был такой характер, что она совершенно не волновалась из-за опасности возможной аварии. Больше всего она боялась, что несчастье придет без предупреждения, — как правило, оно всегда приходило внезапно. Если беспечное время продолжалось слишком долго, Ха Ён казалось: что-то плохое втайне поднимается внутри нее и душит.

Стараясь успокоить все время нервничавшую Ха Ён, муж стал вести машину еще аккуратнее. Пока не стемнело, можно было проехать перевал Тэкванён. После того как они миновали перевал, перед ними открылся вид, которым Ха Ён была потрясена. Исчезли оторванные или сломанные под тяжестью снега ветви деревьев, и зима предстала перед ними во всем своем великолепии.

После этого незабываемого дня в жизни Ха Ён произошёл еще один такой случай. Ее близкая школьная подруга, проживающая в Каннине, объявила, что выходит замуж в середине зимы. Ха Ён вместе с остальными приглашенными поехала на свадьбу в заказном автобусе. Среди подруг, из которых только две с учеными степенями еще не вышли замуж (они собирались это исправить в скором времени), этот брак был самый поздний, поэтому все были немного взволнованы. Несмотря на то что женщины с радостью отправились в гости, из-за свирепого мороза в тот день они были готовы упрекнуть невесту: зачем, мол, устроила свадьбу в такую холодную пору.

Неизвестно, как об этом думаешь в двадцать девять лет, но когда тебе тридцать шесть или тридцать семь, то понимаешь: наиболее подходящим временем был бы третий лунный месяц. Подруги не могли взять в толк, почему невеста так торопится, почему хочет надеть свадебную фату в такой ужасный мороз.

Был одиннадцатый или двенадцатый месяц по лунному календарю, когда обычно стоят сильные холода. Насколько же лютый был тогда мороз — несмотря на то, что солнце стояло высоко в небе, толстый слой изморози на стекле не таял, и невозможно было увидеть, что

творится снаружи автобуса. Даже когда раздосадованная Ха Ён попробовала процарапать «окошечко» ногтем, она смогла выглядывать наружу лишь очень короткое время. Место царапины мгновенно затягивало изморозью. Но после того как автобус проехал перевал Тэкванён и дорога пошла вниз, толстый слой изморози на окне начал постепенно оттаивать. По стеклу потекли тоненькие струйки воды. И когда за прозрачным стеклом показалось Восточное море, кто-то захлопал в ладоши и раздались радостные возгласы.

Ха Ён надеялась, что после того как они проедут петляющий обрывистый перевал, климат изменится. Мечтала, что за перевалом он будет меняться не постепенно, а резко, с потеплением. Но Ха Ён даже представить себе не могла, что в одно мгновение все вокруг может преобразиться столь сильно.

...Она шла, размышляя о разных вещах и не имея намерения вновь попытаться найти родительский дом поэтессы Хо Нансольхон. Вскоре она очутилась возле дома старинной постройки. На зданиях поблизости от него уже не было видно рекламных вывесок о продаже соевого творога. Ха Ён оказалась в центре деревни Чодан, внешне ничем не отличавшейся от любой другой большой корейской деревни. Обветшалый дом, перед которым она остановилась, по размеру ничем не отличался от других таких же домов, в каких, вероятно, жили богатые и знатные люди эпохи династии Чосон. Начиная с сильно осевшего конька крыши, дом был полностью накрыт темно-синей виниловой пленкой. Несоответствие осиротело покрытой мхом черепицы и обрывков виниловой пленки делало внешний вид дома жалким и грубым. Однако несмотря на это, в его облике все еще ощущалась представительность некогда проживавшего в нем знатного рода, которую не смогли скрыть куски виниловой пленки, — казалось, дом до сих пор стойко поддерживает силу этой деревни.

На фасаде дома была прикреплена металлическая планка с информацией для туристов. Из нее можно

было узнать, в какие годы жил здесь прославившийся во времена династии Чосон чиновник Хо Ёп, известный под псевдонимом Чодан; в этом самом доме родилась поэтесса Хо Нансольхон — и вообще он является культурным достоянием края.

На мысль о том, что в этом доме до сих пор кто-то живет, наводили даже не признаки присутствия в нем человека, а собаки. Они расслабленно лежали у ворот и наслаждались послеобеденным отдыхом, безучастно глядя на прохожих прищуренными глазами. Несмотря на огромные размеры, они отнюдь не выглядели страшными. Это были очень странные собаки: они не выказывали ни радости, ни недовольства, когда проходящие мимо люди грубо отпихивали их ногами, чтобы те не мешались. В любом случае это были собаки со счастливой судьбой — видимо, кто-то хорошо кормил их.

Ха Ён вошла во двор и на деревянном полу дальней комнаты дома увидела явственные признаки того, что в нем действительно кто-то живет. Это были водопроводный кран, пол вокруг которого был обмазан цементом, и разная домашняя утварь: миски для риса, ковш, кувшин, бутылка для соуса и обувь то ли из разноцветного пластика, то ли из винила... Тяжело было видеть эти скромные предметы домашнего обихода в полуразрушенном старинном знатном доме. Ха Ён быстро покинула двор, словно ошиблась адресом. Обойдя кругом главный дом, она увидела еще один двор — внутренний, для приема гостей. По сравнению с внешним он был очень аккуратным, и со всех сторон его окружала изящная каменная ограда. Несмотря на то, что это был всего лишь маленький дворик, он казался самым таинственным местом в доме. Состояние его сильно отличалось от полуразрушенных главного дома и двора. Зеленый мох, росший во внутреннем дворе, выглядел сочнее, чем в главном, а в углу ухоженного уютного садика пышно цвела лагерстремия. Здешняя лагерстремия отличалась от той, что росла во дворе отеля, — ее красный цвет навевал печаль и горечь. Переплетенные и тянущиеся вместе к вершине — даже

после того, как на них расцвели цветы, — ветви нескольких стволов не казались одинокими — они выглядели свободными и сильными. Ха Ён не могла определить возраст лагерстремии, но искренне верила, что это то самое дерево, под которым когда-то сидела и предавалась мечтам Хо Нансольхон. Ха Ён хотелось верить, что оно сохранило в себе слова поэтессы о трагических судьбах женщин того времени.

Ха Ён сидела на краю деревянного пола в доме для гостей. Когда она, наклонившись, тихо погладила пол и круглый деревянный столб, вместо потертых нежных частей ее ладонь почувствовала твердую структуру дерева. Никогда не подвергавшееся покраске, оно, казалось, дышало. Ха Ён легла на деревянный пол и вытянула ноги. Там, куда она упиралась ногами, сушился темно-красный перец, и это еще больше убеждало в присутствии в доме человека, чем смирно лежащие собаки. Полностью расслабившись, Ха Ён закрыла глаза. Сквозь летнюю одежду она ощущала поверхность деревянного пола. Четыре сотни лет, пропитавшие деревянный пол, словно болото, медленно затянули ее в себя.

Когда Ха Ён открыла глаза, погода все еще была ясной, а подпираемое красными цветами лагерстремии небо — ослепительно-голубым. Она впервые в жизни видела такое небо. И все вокруг было таким прекрасным, как картина, о которой она мечтала с детства: много-много ярко-красных цветов лагерстремии, которые тяжело свисают с ветвей, словно мочки отяжелевших ушей; ярко-зеленый мох; изящная каменная стена, где в некоторых местах отвалилась черепица... «Насколько же таинственен и прекрасен мир, когда в нем нет пред-рассудков!» — подумала Ха Ён. Она была абсолютно спокойной — даже не могла припомнить, когда в последний раз так безмятежно спала.

Возле ее ног сидела седовласая старуха и не спеша переворачивала разбросанный на полу для сушки перец. Ха Ён приподнялась, села и, смущенно улыбаясь, сказала:

— Красивый перец!

— Да, первый урожай. Вы хорошо выспались?

— Да. А почему вы не разбудили меня?

— А что бы я делала с тобой, разбудив?

— Это дом семьи Хо, я правильно понимаю?

— Да, верно.

— Я давно хотела приехать сюда и однажды даже добралась до деревни, но так и не смогла найти этот дом. Однако я слышала, что сейчас здесь не живут представители семьи Хо.

— Верно. В семье предателя уничтожаются три поколения. Вероятно, этот дом тогда и оборвал линию своих хозяев, не так ли? — загадочно спросила старуха, не сводя с Ха Ён глаз и явно ожидая согласия с ее стороны.

— А вы, бабушка, кем... кем будете? — спросила Ха Ён дрожащим голосом, уставившись на впалый рот старухи.

Та, растерянная ее внезапной сменой отношения к себе, вместо ответа лишь пошевелила губами. Ха Ён почувствовала, как нежный румянец сошел с ее похудевшего лица, — беззаботное время прошло слишком быстро. Даже не попрощавшись со старухой, она убежала из дворика для приема гостей. Ха Ён казалось, что она идет вовсе не к задней части дома, за которой начиналась улица, но все равно оказалась там. Собаки, как и прежде, лежали за воротами, словно тряпки, и не противились, даже если их толкали ногой. Быстро, словно кто-то ее преследовал, Ха Ён зашагала к сосновой роще. Ее тревожило, что она всегда будет замешана в каком-нибудь несчастье, и это чувство гнало ее прочь. Но почему же первый за долгое время идеальный отдых был именно на деревянном полу старинного дома?

Интересно, какова продолжительность жизни сосны? Ха Ён прикинула: возраст печальной и здоровой сосновой рощи, редко видевшей солнце, превышает четыреста лет. Запах сосен был крепким и свежим. Душа Ха Ён постепенно успокоилась, но все же тревога не исчезала.

Нет, так ей не избавиться от предчувствия, будто она каким-то образом связана с грядущим несчастьем. Поняв это, она решила отказаться от бегства. В сосновую рощу давно не заглядывало солнце, здесь почти ничего не росло. Ха Ён обессиленно опустила на землю и прислонилась к сосне.

В этом году ей исполнилось сорок лет. Когда ей было двадцать девять, она стала студенткой университета. То, что она поступила в желанный университет в Сеуле, было большой удачей. Родители и брат гордились ею. Ее семья крестьянствовала, владела орошаемыми и суходольными полями и фруктовым садом. Их хозяйство находилось рядом с развитым промышленным городом. Распродавая понемногу землю, родители имели возможность поддерживать учившихся в Сеуле детей и не испытывать стеснения в средствах. Ха Ён была благодарна своим родителям за то, что они пристроили ее в школу в Сеуле. Уже только то, что ей удалось поступить в первый класс, было большой честью для семьи. И хотя ее родители были простыми сельскими жителями, им было свойственно стремление прославиться за счет своих образованных детей — этим они ничем не отличались от городских родителей. Ха Ён была единственной дочерью в семье с двумя братьями, и ее любили больше всех. Отец так сильно был к ней привязан, что, напившись, говаривал: мол, если какой-нибудь подлец заставит ее плакать, он лично его убьет. Зная об этом, Ха Ён, естественно, не беспокоилась о том, что кто-то осмелится ее обидеть. Она росла в любви и не могла себе даже представить, что когда-нибудь полюбит безответно.

Есть ли в жизни более чудесное время, когда, став студенткой столичного университета, ты наслаждаешься первыми беззаботными каникулами, а твое сердце переполняется предчувствием любви? Это были прекрасные дни, но Ха Ён шагнула немного дальше вперед. У нее уже был парень. Его звали Сечжун. Он был другом ее брата, с которым вместе учился в университете. Сечжун

был коренным сеульцем, но, когда наступали летние каникулы, он вместе с братом Ха Ён проводил время в деревенском доме их родителей. У него были хорошие отношения со всеми членами этой семьи. Ха Ён же, в свою очередь, обращалась к нему «Сечжун оппа», добавляя имя, чтобы отличать от своего старшего брата, к которому обращалась просто «оппа». Начиная с выпускного класса старшей школы, Ха Ён втайне желала только одного: чтобы Сечжун не обращался с ней как с маленькой девочкой. Поступив в университет, она первым делом подумала: теперь-то она стала ровней ему. Среди студентов университета не было ни одного парня, с кем ей хотелось бы встречаться. Однако в течение первого семестра она специально избегала любой возможности встретиться с ним в Сеуле. За эти несколько месяцев, пока они не виделись, ей хотелось уйти от образа старшеклассницы и предстать перед ним взрослой девушкой. И Ха Ён решила продемонстрировать ему это на летних каникулах. Чтобы перестать чувствовать себя школьницей, она начала ходить на свидания вслепую, но ее сердце принадлежало только Сечжуно.

На летних каникулах Сечжун приехал из Сеула в гости, но так как он был практически членом семьи, никак не выдавалось особого случая, чтобы показать ему новый образ студентки Ха Ён. Внешне отношения между ними оставались такими же, как и раньше: как между братом и сестрой. Все случилось в тот день, когда Ха Ён уже начала злиться. Однажды, выйдя проветриться, она встретила Сечжуна на тропинке над речкой. Это был первый раз, когда они остались наедине. Они пошли по тропинке вслед за течением речки, по берегу, заросшему тополями. Когда течение ускорилося, Сечжун сел на берегу возле переката, где бурлил стремительный поток. Воздух был свежим, но помимо прохлады в нем ощущалось что-то еще. Над омутом у переката, где бил подводный родник, воздух был таким холодным, словно исходил не от воды, а ото льда. Ха Ён села рядом с Сечжуном, оставив небольшое пространство между

ними. Она подумала, что впервые видит его лицо так близко. Внимательно рассмотрев его, Ха Ён отметила, что большой лоб и затылок были выпуклыми, и со стороны это выглядело не очень привлекательно. Ей стало любопытно: если она обхватит его голову руками, будет ли этого достаточно, чтобы понять, умный он или нет? У него красивые лицо и нос, это она может утверждать без сомнений. Интересно было бы прижать ладонями его закрытые глаза и пальцами почувствовать движение зрачков. Нижняя часть его лица, несмотря на то, что выглядела грязноватой из-за пробивавшегося пушка, тоже была вполне красивой. Странно, что такая красота подчеркивала молодость Сечжуна. Возможно, причина в его тонких губах. Ха Ён, почти не двигаясь, мысленно, словно рисуя, ощупывала края губ Сечжуна кончиками пальцев. Кто-то, вероятно, подумает, что у него решительные губы, но они не знают, насколько они изящны. И Ха Ён хотела так думать. Ей хотелось быть немного ближе к нему; ее руки предательски дрожали. Неясное предчувствие страстного желания нежно щекотало ее невинную чувственность. Тяжело дыша, Ха Ён смотрела на губы любимого с каким-то необъяснимым ощущением, которое невозможно было вытерпеть. Ей показалось, что темноватая область вокруг них была горячее, а сами губы пылали.

— Что ты так внимательно разглядываешь? — спокойно спросил Сечжун, поглаживая свое лицо. Видимо, он почувствовал ее пристальный взгляд.

Ха Ён, испугавшись и стыдясь своего воображения, в котором она ощупывала тело мужчины, спросила невпопад:

— Сечжун оппа, ты умеешь плавать?

— Что за ерунду ты несешь! Все парни умеют плавать.

— Но ты ведь не знаешь, насколько здесь глубоко. Говорят, что в этой яме живет водяной. Если кто-нибудь туда упадет, то пиши пропало, погибнет. Поэтому люди из нашей деревни не моют здесь морские водоросли.

— Глупая, неужели ты веришь в эту чушь?

— Все верят в это. Раз все боятся — приходится верить.

— Глупо бояться того, чего нет!

— А если есть? Что ты будешь делать?

— Надо сражаться и побеждать — что же еще остается?

— Тогда сразись с ним ради меня и попробуй его победить.

Ну что за ребячество с ее стороны! Она ведь совсем не это имела в виду! Ха Ён намеревалась вести с Сечжуном задушевно-интеллектуальный разговор, как и подобает студентам университета. Возможно, она поступила так по-детски, чтобы скрыть стыд от своей первой взрослой фантазии о его губах. После этих слов произошло нечто, чего она не могла и вообразить, а после — простить себе всю оставшуюся жизнь. Сечжун неожиданно вскочил со своего места и, не снимая обуви, красиво прыгнул в омут. Во время прыжка она успела разглядеть его стройное тело и белые кроссовки. Но вот красиво выплыть ему не удалось. Прошло уже достаточно много времени, а Сечжун так и не появился на поверхности...

Сейчас она уже не помнит, как долго умоляла людей спасти его, не помнит, как его спасали. Воспоминания об этом событии начинались лишь с того эпизода, когда мокрый Сечжун неподвижно лежал на траве в белых кроссовках. Растолкав людей, не пускавших ее к нему, Ха Ён изо всех билась по его груди, а затем крепко целовала его губы. Она никогда не делала искусственное дыхание и не видела, как это делают другие, но тогда интуитивно сделала его Сечжуну. Однако его синеватые губы были холодными, как лед. Как бы энергично и сильно ни сосала его губы Ха Ён, кровь не прилиwała к ним. И даже после того, как члены семьи и жители деревни силой оторвали ее от него и отвели в сторону, едва только выдавалась возможность, Ха Ён вырывалась из чужих рук, бежала к нему и снова делала

искусственное дыхание. Даже понимая, что это уже не поможет Сечжуну, она хотела верить, что поцелуй любви оживит его, что чудотворное действие поцелуя не имеет временного предела. Плача, Ха Ён твердила, что если так могли делать принцы в сказках, то почему не может она? У нее началась истерика, которую никто не мог остановить. Даже сейчас, спустя много лет, она порой чувствует, как холод, который она тогда высасывала, равномерно проникает в каждый капилляр ее тела, превращаясь в лед.

Причина, по которой она больше не смогла делать ему искусственное дыхание, была не только в том, что стоял разгар лета, из-за чего тело быстро разлагалось. Когда приехали родные Сечжуна и им передали его тело, горе и скорбь матери были неописуемы. Самым сложным для Ха Ён было слышать ее причитания, что родословная семьи оборвалась, причем по ее, Ха Ён, вине. От этих слов у девушки стыла в жилах кровь и тело сотрясало от страха.

Но это были пустяки по сравнению с тем, с чем она столкнулась позже. Спустя несколько дней после похорон Сечжуна к Ха Ён пришла его мать в сопровождении двух дочерей. Прошло всего несколько дней, но она выглядела совершенно здоровой. Взгляд, которым она смотрела на Ха Ён, был мягким и липким, он словно облизывал ее. Взгляд этот был ей до боли знаком, и выносить его было труднее, чем ругань. Мать Сечжуна внезапно схватила ее за руку и попросила родить сына Сечжуна.

— Ты ведь носишь в себе ребенка? Я все знаю. Не бойся, все в порядке. Тебе нечего стыдиться. Роди его и оставь мне, и я не стану мешать тебе, если ты захочешь начать новую жизнь. Хочешь, я сохраню твою тайну? Никто никогда не узнает о ней... Но предупреждаю: если ты задумаешь нехорошее, я этого просто так не оставлю!

Мать Сечжуна говорила тихим, каким-то одержимым шепотом. Его сестры тоже умоляли Ха Ён родить несущ-

ществующего ребенка. Ей показалось, что именно они дали матери эту абсурдную надежду. Они сказали, что если она родит сына, то это утешит отчаявшуюся мать, которая целыми днями лежала пластом, и даст ей надежду. Надежда была слабая, но в итоге она стала той силой, которая заставила их мать встать и прийти сюда с подобной просьбой. Ха Ён понимала, что проблема со временем разрешится сама собой, но из слов сестер, умолявших ее чуть-чуть потерпеть, можно было сделать вывод, что они вовсе не исключали такую возможность. Они относились к телу Ха Ён как к своей собственности и не желали, чтобы она поступала по-своему. Пытаясь добиться права на свое тело, она вынуждена была пройти через много страданий. А ее отец, самоуверенно обещавший убить любого, кто посмеет обидеть его любимую дочку, ничего не мог сделать и лишь напивался.

Для Ха Ён тот холодный поцелуй с трупом был первым физическим контактом с мужчиной. Она не могла сказать об этом вслух. Было все равно, поверят ей или нет. Но как долго она сможет хранить тайну о своем первом в жизни поцелуе — поцелуе с трупом?

Убедившись в том, что их надежды были напрасными, родные Сечжуна сделали все возможное, чтобы отомстить Ха Ён за его смерть. «Посмотрим, как, убив моего сына и прервав родословную другого дома, будет хорошо жить эта несчастная, проклятая девка...» Лишь после того, как мать Сечжуна высказала всем жителям деревни подобные оскорбления, она отстала от Ха Ён.

Ее семья, не выдержав позора и унижений, еще до конца года переехала из деревни в город-спутник Сеула. Даже отец, никогда не считавший многоквартирный дом местом для нормальной человеческой жизни, вынужден был согласиться, что в такой ситуации лучше всего жить там, где никто не знает о том трагическом случае. Это была печальная уступка с его стороны; несмотря на свое суровое обещание, он так никого и не убил за пролитые слезы дочери. Естественно, Ха Ён пришлось оставить учебу в университете.

Прошло несколько месяцев. Уступив настойчивым искренним уговорам старшего брата, Ха Ён втайне от других членов семьи начала готовиться к восстановлению в университете. Однажды посреди ночи из-за неясной тоски в душе она вышла на веранду проветриться. Вся семья к тому времени уже заснула. С веранды были видны река, которая обхватила город, словно ремень, мост через нее и государственная автострада. Непрерывный поток машин, в это время, казалось, ненадолго замер. Почему же движение прекратилось? Когда сон не шел, Ха Ён обычно слушала музыку или читала книгу, но в этот раз ей показалось, что она напряженно чего-то ждет.

И тут на глазах у Ха Ён два автомобиля, быстро мчавшиеся по государственной автостраде навстречу друг другу, не сумев разминуться, столкнулись лоб в лоб. На таком расстоянии трудно было определить, какая из машин нарушила правила дорожного движения. Когда Ха Ён, не поверив своим глазам, протерла их и снова посмотрела на дорогу, оба автомобиля уже были охвачены пламенем. И это был не час пик — никто никого не обгонял. Такое никак не могло случиться, разве что один из водителей сошел с ума или захотел покончить жизнь самоубийством. Словом, эта картина была настолько нереальной, что Ха Ён подумала, будто видит галлюцинацию.

Шатаясь, она вернулась в комнату и легла в постель. «Что это со мной?» — спрашивала она, хотя беспокоилась больше о горящих машинах, чем о себе. И все же скоро она уже думала о том происшествии как о необычно ночном фейерверке. Как бы то ни было, когда поутру она проснулась, ей казалось, что вчерашняя авария была сном. Однако в утренней газете было опубликовано подробная статья о том, что на рассвете на государственной автостраде произошла трагедия. Никто из находившихся в тех машинах людей не выжил. В этот день ровно год назад умер Сечжун. И когда это дошло до Ха Ён, она задрожала всем телом. Ха Ён подумала:

если бы тогда она не смотрела на дорогу, катастрофы бы не случилось.

Вероятно, это и началось с того трагического дня. Тогда Ха Ён внезапно осознала, что, вероятно, существует некая не связанная с ее волей или сознанием сила, способная навредить другим людям.

Если это правда, то почему Ха Ён не чувствовала эту силу раньше? Нет, такого не может быть! Но как она может забыть те безжалостные слова матери Сечжуна, которая винила ее в его смерти? Ха Ён успокоила себя мыслью, что увиденное ею прошлой ночью — всего лишь совпадение. Даже если и существовала такая сила, это вовсе не означало, что каждый год в день смерти Сечжуна должно случаться что-нибудь плохое. «Это все случайности», — убеждала она себя. Какая может быть связь между датой смерти Сечжуна и аварией на государственной автостраде, если, конечно, не пытаться специально связать эти события? Каждый день происходит столько хорошего и плохого, сколько на свете есть людей. Иными словами, сколько будет существовать этот мир, столько же будет случаться таких вещей, ибо они — дыхание этой жизни. Основной проблемой беспокойства Ха Ён было зловещее предчувствие того, что оно по какой-то таинственной причине всегда связано с каким-нибудь несчастьем. Без преувеличения можно сказать, что беспокойство Ха Ён металось в поисках установления этой роковой связи. Если допустить, что ее тревога и чужие беды взаимосвязаны, то насколько же маленьким станет этот мир, в котором легко отыскать множество связей между родственниками, земляками, одноклассниками, между высшими слоями общества и бедняками?

После переезда в новую квартиру семья Ха Ён жила, словно позабыв и ту деревню, и тот трагический случай. Это было похоже на табу: в семье считали, что любое воспоминание об этом причинит Ха Ён боль. После окончания университета она лишь один раз слышала рассказ матери о той деревне. Мать осторожно, словно

открывала страшную, безобразную, некогда плотно забинтованную рану, сказала:

— Несколько дней тому назад я побывала в той деревне. Я даже представить не могла, что она так сильно изменится! Нас там теперь никто не знает. А место вокруг омута у переката полностью зацементировали, ручей сверху накрыли плитами. Я слышала, что это сделали потому, что вода в нем очень сильно загрязнилась после появления там промышленного комплекса.

Выдержав паузу, мать, словно разговаривая сама с собой, пробормотала: «Интересно, а куда подевался тот водяной?» — и украдкой посмотрела на Ха Ён. В тот момент Ха Ён почувствовала, как мурашки побежали у нее по спине, словно мать, произнося такие слова, искала в ней самой водяного из того омута.

Отец Ха Ён хотел умереть, узнав, что его дочь выходит замуж, но скончался от рака, так и не дождавшись свадьбы. Он умер в больнице. У его постели постоянно дежурила мать, из-за чего она выглядела очень истощенной. Но именно в ту ночь, когда Ха Ён впервые за долгое время должна была сменить ее, состояние отца резко ухудшилось, и он покинул этот мир. Смерть отца Ха Ён тоже не могла считать случайностью. Если бы в тот день она не захотела сменить мать на дежурстве, то, возможно, он прожил бы намного дольше. И она вирила себя в его смерти.

С нынешним мужем Ха Ён прожила больше тридцати лет. Она не собиралась выходить замуж, но внезапно решила пойти на свидание вслепую. Ей вдруг стали неприятны причитания матери, что она, мол, ничего не делает, чтобы найти мужа, а годы-то идут. Это ее сильно раздражало и доставляло беспокойство. Ей надоели постоянные вздохи матери, что она, мол, ее головная боль. И Ха Ён, считавшая, что на ней лежит вина за сложное материальное положение семьи, решила как можно скорее выйти замуж и покинуть родительский дом.

Вскоре она действительно вышла замуж за хорошего человека, с которым познакомилась на свидании сле-

пую. Внешность у него была самая обычная, но он был великодушным и добрым. Ха Ён родила от него сына и дочь, вместе с мужем они увеличили свое благосостояние, дела шли хорошо, и, кроме простуды и расстройства желудка у сына, у нее не было поводов для беспокойства. Ее мать, довольная таким положением дел, говорила, что все это благодаря тому, что покойный отец обладал скрытыми добродетелями. Но Ха Ён не нравились эти слова. Она не понимала: почему о том, что другие люди сочли бы самым обычным делом, мать говорила так, словно это было чем-то сверхъестественным, и Ха Ён должна быть бесконечно благодарна за это покойному отцу?

Возможно, Ха Ён просто не знала, что это дело необыкновенное. Когда у Ха Ён подолгу не возникало никаких дел, в ее душе зарождалось неясное ожидание чего-то, в ней рос страх перед неизвестностью, и ей казалось, что она почти задыхается. Не в силах ждать и терпеть, она рвалась взять инициативу в свои руки, чтобы хоть что-нибудь произошло. Она твердила, что не станет, мол, закатывать истерики из-за того, что задыхается в своем доме, и все-таки устраивала их, а в своей истеричности обвиняла других. Муж в ответ называл это «прогулкой с обострением» — весенним или осенним. Он очень тепло относился к Ха Ён и прилагал все силы, чтобы угодить ей и успокоить.

«На этот раз все по-другому. Должно быть все по-другому, — решила Ха Ён, выходя из соснового бора. — Разве в этом году мне не исполняется сорок лет?»

Она сложила свою жизнь ровно пополам, как лист цветной бумаги. Жизнь длиною в двадцать лет осталась позади — теперь ей снова исполняется двадцать. Но Ха Ён показалось: то, что так ровно сложилось пополам, — вовсе не цветная бумага, а несчастье. Она решила, что теперь должна взять все в свои руки. «Это лучшая мера предосторожности, — подумала она. — Я люблю свою семью... И от этой сильной любви я задыхаюсь». Она быстро вернулась обратно в номер гостиницы.

Дома ли сейчас ее мать? Дома ли свекровь? Муж еще не вернулся с работы... Ха Ён внезапно захотелось услышать голоса своих детей. Хорошо, если дома сейчас мать и свекровь. Надо ясно дать им понять, что в этот раз ее «прогулка с обострением» отличается от любой другой прогулки, совершенной ранее. Ха Ён подумала, что это будет намного лучше, чем просто сказать мужу. Не в силах дождаться вечера, она набрала номер домашнего телефона. После двух гудков раздался голос: «Сейчас я не могу принять звонок. Я перезвоню вам позже. Пожалуйста, оставьте голосовое сообщение». Это был совершенно незнакомый, холодный и благородный голос:

— Кто звонит? Слушаю вас! Кто вы? Кто в чужой дом...

Не дослушав до конца, Ха Ён испуганно уронила трубку телефона и отступила на шаг. Кончики пальцев на ее руках и ногах начали замерзать, тело становилось чужим и нечувствительным. Она лишь ясно ощущала, как от сердца по тонким капиллярам течет холодная словно лед кровь, и будто наяву видела изображение синих вен человеческого тела, висящее в кардиологической больнице.

КОГДА КОНЧАЕТСЯ ДЛИННЫЙ И НЕИНТЕРЕСНЫЙ ФИЛЬМ

Почему сфинктер не сжимается именно у моей матери, а не у кого-нибудь другого?

Какой же невыносимый позор для нее быть в таком состоянии!

Мне ничего не оставалось, кроме как взять на себя заботу о ней, — ведь я лучше всех понимала ее физическое и психологическое состояние.

Когда я уже заканчивала говорить старшему брату об отце, он — хотя, возможно, ему было неудобно сидеть? — внезапно принялся ерзать и зевать. Я так поняла, что он намекает, чтобы я побыстрее закруглялась, поэтому я решила пропустить рассказ о нынешнем состоянии отца.

— Я тут подумала, было бы хорошо перевезти отца поближе к нашему дому.... Как раз соседнюю квартиру сдают по приемлемой цене. Хозяевам придется несколько лет жить за границей, и они хотят оставить квартиру под мою ответственность, поэтому аренда будет очень дешевой.

Я невольно сжалась, словно преступница, и украдкой глянула на брата, пытаясь угадать его ответ.

— Что, в районе, где проживает отец, отменили зеленый пояс¹? Или у зятя Чона появились большие долги? — насмешливо спросил брат, меняя позу.

Его всегда усталый от раздражающих повседневных дел взгляд в одно мгновение стал агрессивным. Я с сожалением поняла, о чем он думает, произнося такие слова, постоянно зевая и ерзая на месте. Но я не хотела с ним спорить или оправдываться и униженно объясняться — ведь у брата очень тяжелый характер. Он часто насмеялся над другими, хотя на самом деле даже не имел в виду ничего дурного. В глазах других людей он выглядел неприятным человеком. Он вел себя так даже со мной.

— А какое ко мне имеет отношение отмена зеленого пояса в районе родительского дома? Когда старший внук еще такой здоровый², — раздраженно сказала я. — Кроме того, пусть мы и не зарабатываем больших денег, нам хватает и того, что есть, — дела у нас идут неплохо. Неужели ты думаешь, что я это предложила, потому что положила глаз на дом отца? Если ты пойдешь и посмотришь, как он живет, то увидишь, что это не жизнь! К тому же у меня нет возможности часто видеться с ним... Я живу очень далеко, поэтому хочу, чтобы отец жил рядом со мной. Почему? Западная пословица гласит: «Расстояние, за время преодоления которого не успевает остыть суп, — наиболее подходящее для проживания родителей от семей детей». Отцу скоро исполнится восемьдесят, и я не хочу найти его тело спустя несколько дней после смерти.

— Знаю-знаю, ты у нас ангел! А рядом с ангелом обычный человек не может стать плохим! Хватит и того,

¹ Зеленый пояс — территория вокруг и внутри городской застройки, занятая лесами, лесопарками и другими озелененными участками, выполняющая экологические функции и используемая для отдыха населения.

² По корейскому обычаю наследство родителей передается либо старшему сыну, либо, если его нет, старшему внуку.

что ты обесчестила своего брата, когда умерла мать! Ты хочешь опозорить меня и на этот раз?

— Опять ты говоришь, что опозорился тогда! И каким же образом я позорю тебя теперь? Я немедленно отвезла тебя в морг, как мы и договаривались. Неужели кто-то написал на гробу матери, что она умерла в доме дочери, а не сына?

Я невольно повысила голос, и мой слабохарактерный брат сразу же сник и слабым голосом пробормотал:

— Если есть грех, естественно, на душе неспокойно. К тому же мне стыдно перед Чоном. Это угнетает меня. В душе он, наверное, меня презирает, думая, какой же я неудачник, раз вынужден зарабатывать на жизнь вместе с женой!

— Оппа, если бы Чон был таким человеком, как ты говоришь, разве я смогла бы взять мать к себе домой и заботиться о ней?

Брат всегда говорил таким неприятным тоном, потому что наша мать умерла в моем доме. Когда ей оперировали рак желудка и вскрыли брюшную полость, выяснилось, что метастазы уже распространились на все внутренние органы. Врачи сказали, что она не проживет больше шести месяцев. Мне очень не хотелось везти тяжелобольную мать к себе домой, но не говорить же работающей жене брата, чтобы она взяла в дом умирающую свекровь и ухаживала за ней! В то же время брат, несмотря на то, что не имел возможности присматривать за матерью, был против того, чтобы я забрала ее и заботилась о ней до самой ее смерти, он твердил, что не сможет выдержать презрение людей, если они узнают, что не он, а сестра увезла мать к себе. Он предложил мне нанять для мамы сиделку и поделить расходы поровну.

Брат работал учителем этики в старшей школе, а его жена — учительницей начальных классов. Мне казалось, что брат и его жена имели стабильную работу и хорошие зарплаты, позволяющие им растить сына и дочь, не зная нужды, и у него нет причин так сетовать на жизнь, но, видимо, он так не считал. Нет, он,

конечно, не жаловался мне лично, однако из-за работы выглядел измученным и вечно был раздражен. Он хотел пойти учиться в аспирантуру, а затем продолжить учебу за границей, но из-за отца, который вел распутный образ жизни, так и не смог реализовать свои мечты. До сих пор он занимается самобичеванием, недовольный своей нынешней работой.

Если бы состояние матери в последние шесть месяцев позволяло поручить уход за ней обычной сиделке, то, возможно, я и поступила бы так, как хотел брат. Насколько я знаю, последние дни почти у всех онкологических больных одинаковы — у них мутится сознание. Но сознание матери до самого конца оставалось на удивление ясным. Однако был очень серьезный нюанс: она страдала недержанием мочи и кала. Непонятно, как так получилось, но после операции сфинктер ануса перестал сжиматься. И какой бы чистоплотной мать ни была, она оказалась беспомощна перед этим недугом. Сначала врачи сказали, что это временное явление. Матери тоже хотелось так думать, она считала, что из-за ослабленного состояния организм не может заботиться о себе, и усердно ела все, что ей давали, чтобы его укрепить.

В то время, когда я могла посещать мать в больнице два-три раза в неделю, за ней ухаживала опытная сиделка, но она, откровенно говоря, меня не устраивала. Я ни разу не слышала, чтобы больной, будучи в таком состоянии, как моя мать, поправился. Обычно в таких случаях лучшим выходом было давать меньше еды. Но сиделка не соблюдала это правило, если я не следила. А поскольку она не выполняла предписания врача, я не смогла больше оставлять мать на ее попечении. Я решила забрать мать к себе, даже если мне придется стеснять ее больше, чем та сиделка.

Однако причина, по которой я хотела заботиться о матери, заключалась вовсе не в сиделке, а в анальном отверстии матери. Я не могла допустить, чтобы совершенно незнакомый человек, ругая и унижая ее, с отвра-

щением убирал за ней! Мой гнев на брата был гораздо более искренним и сильным, чем его хёдо³.

Почему сфинктер не сжимается именно у моей матери, а не у кого-нибудь другого? Какой же невыносимый позор для нее быть в таком состоянии! Мне ничего не оставалось, как взять на себя заботу о ней, — ведь я лучше всех понимала ее физическое и психологическое состояние.

Когда накануне своего шестидесятилетия мать, закончив наконец ухаживать за свекром и свекровью, покинувшими этот мир, уже решила, что ей придется доживать свой век в одиночестве, после длительного отсутствия внезапно вернулся отец. Родительский дом был старым, построенным еще во времена династии Чосон, но мать так хорошо за ним присматривала, что летом он часто становился местом отдыха для ее ровесников, ожидавших отмены зеленого пояса.

С того момента как отец вернулся и водворился в доме, семья моего брата начала избегать любого общения с родителями. Я же, напротив, старалась посещать их как можно чаще, но из-за работы могла приезжать только раз в месяц.

Это был ничем не примечательный день. Старики, собравшись во дворе, вели пустую болтовню, деля между собой арбуз и нарезанный душистый лук-порей. Когда я пришла, мать попросила, чтобы я обслужила стариков. Я нарезала листья кунжута на поднос с луком-пореем, положила немного соевой пасты с молотым красным перцем, фигурно вырезала фрукты, вынесла торт, положила его на пхёнсан⁴ и послушала разговоры. В основном речь шла о смерти.

— Не знаю почему, но в последнее время мне часто снится свекровь моей дочери, которую я никогда не видел.

— Ой, опять ты за старое! Даже слушать не хочу! Твой Китхэк — просто идеальный внук! Чтобы его бабушка

³ Почтительное отношение детей к родителям.

⁴ Пхёнсан — широкая корейская деревянная кушетка, которую так же используют в качестве стола.

не умерла, он сделал то, чего не сделали бы другие: дважды провалил вступительные экзамены в лучший университет страны и теперь готовится поступать туда в третий раз.

— Бабушка Китхэка, вы сильно не ругайте своего внука за то, что он притворился, будто поступил в университет. Разве Китхэк обычный внук? Когда ваша старшая невестка родила дочь, вы ведь ругали ее за то, что она не пользовалась противозачаточными средствами. Но когда она забеременела мальчиком, разве вы не отнеслись к нему с любовью?

— Я не говорю, что все время думать о своем внуке — плохо. Но разве ты не помнишь, как та старуха ходила по деревне и бредила, твердя всем и каждому, что стоит ей лишь взглянуть на внука — и она без всякого сожаления может сразу умереть? Она была столь высокого мнения о своем внуке и утверждала, что в тот же день, когда увидит его, сразу устроит себе похоронный обряд! Да что там похоронный обряд! Увидев внука, она стала говорить, что умирать надо после того, как мальчик пойдет в школу с рюкзаком за спиной. А когда внук наконец пошел в начальную школу, она, словно заученный текст, стала повторять, что надо подождать до тех пор, пока он не пойдет в среднюю. Теперь же она всем говорит, что подождет, когда он поступит в университет, — видимо, проживет еще очень долго! Поэтому Китхэку, как почтительному внуку, только и остается постоянно проваливать вступительные экзамены в университет, чтобы бабушка жила подольше!

— Эта старая кочерга умеет только проклинать!

— Это не проклятие. У нас осталось не так уж много счастливых дней. Даже если мы умрем сейчас, кажется, никто не будет сильно горевать об этом. Я просто хочу сказать, что не стоит так заискивать перед драгоценным внуком!

— Ты долго еще будешь продолжать в таком духе? У меня до сих пор руки-ноги целы и невредимы, я еще

в состоянии обрезать корни лука, несмотря на то что ни разу не постирала даже пару носков или белье. И невестка при каждом удобном случае хвалит меня. Если я не буду двигаться, что же мне тогда делать?

— Сиди столько, сколько нужно! Когда тебе станет скучно или ты расстроишься из-за какого-нибудь пустяка, можешь неспешно пройтись по деревне. И вообще, я считаю, что надо жить до тех пор, пока у тебя хватает сил ходить к семье дочери.

— Кому пожелаешь такого счастья? Я каждый день прошу предков, Будду и даже Иисуса, чтобы они позволили мне жить до тех пор, пока я без посторонней помощи могу ходить в туалет. Я прошу об этом, когда прохожу мимо храма или церкви, молюсь перед тем, как уснуть, в надежде, что если не они, то какой-нибудь призрак или дух услышит меня и выполнит мою просьбу.

— А я вот больше беспокоюсь о том, что, не дай бог, у меня будет понос, или старческое слабоумие, или болезнь Альцгеймера. Хотелось бы умереть, не подцепив ни одну из этих зараз!

— А я так не думаю. Если я смогу сама ходить в туалет, то и старческое слабоумие не страшно.

— Нет, вы только посмотрите на нее! Да ведь это не отделимые друг от друга вещи, милая моя подруга! Если ты впадешь в старческий маразм, то не сможешь сдерживать мочу и кал, но если у тебя будет ясное сознание, то хоть доползешь до туалета.

— Ой, вы только послушайте, что она говорит! Это вовсе не так. Самое печальное в старости, подруга моя, заключается в том, что тело и сознание начинают жить отдельно друг от друга. Что до меня, то всем известно, что я хорошо помню не только все дни поминок и даты рождения членов нашей семьи, но и имена и дни рождения всех родственников нашего рода. А у моей невестки нет такой способности — это ее слабое место. Вы можете представить себе, что такая умница, как я, вдруг неожиданно обмочится не во время сна, а среди бела дня? Если у меня начинаются позывы, я не могу терпеть...

— Не может быть! Дома тоже это случается? У меня такая же проблема.

— Да это все пустяки! У меня был такой случай: однажды я искала туалет в Сеуле, но, найдя его, не выдержала позывов и описалась прямо там, где стояла. Конечно, я была готова провалиться сквозь землю от стыда, но что еще более печально — я вынуждена была любыми средствами скрывать это от невестки. А если был бы жив мой старик? Обвинял бы меня в страданиях своей молодости и на старости лет капризно требовал бы тонизирующее средство для укрепления мужского здоровья!

— Послушала я вас и вижу, что у бабушки Мин Ён лучшая судьба из всех нас! Среди нас она единственная вдова. Да, что бы там ни говорили, а у человека в старости должна быть хорошая судьба, — нравоучительным тоном сказала бабушка Мин Ён моей матери.

Я слушала их до того момента, пока не появилось новое поручение — нужно было обслужить других пожилых людей. Слушая жалобы стариков, исчерпавших все темы разговоров, кроме смерти, я ощутила необъяснимую радость оттого, что мне всего лишь сорок лет. Каждый раз, когда я вприпрыжку, словно танцуя, проходила мимо дзельквы⁵, приятный свежий ветерок развевал мою юбку, расправляя ее складки. Я напевала себе под нос, словно мне опять было двадцать и я опьянена свежестью молодости. Я с сочувствием относилась к жалобам стариков, основной темой разговора которых было недержания кала и мочи. В отличие от них, я много думала о сексе — разговоры на столь откровенные темы были самыми восхитительными в моем возрасте.

— Что до меня, — вдруг раздался до боли знакомый голос, — то я хочу жить только до тех пор, пока смогу сдерживать газы.

Это был голос моей матери, впервые вмешавшейся в разговор. Пожилые женщины громко рассмеялись

⁵ Род деревьев семейства вязовых или ильмовых.

и стали хлопать в ладоши — видимо, в знак согласия. Возможно, у стариков и детей кроме как «пускать газы» не было других слов, которые могли бы их рассмешить. Уже само это выражение наполняло юмором любой разговор. Байки о том, как пускала газы молодая мать с ребенком за спиной или молодая невестка, когда подавала обед тестю, или во время свидания вслепую, когда было неясно, кто именно это сделал, — такие истории неизменно вызывали смех.

От слов, сказанных матерью, мое сердце бешено заколотилось в груди, и я задрожала, словно услышала резкий визг тормозов во время плавной езды в потоке машин. Казалось, эти слова вызвали не только смех, они будто создали радостное настроение. Но моя мать не из тех, кто станет говорить подобное лишь для того, чтобы рассмешить людей. Ее миловидное личико не выглядело серьезным, но я знала, что на самом деле она была настроена решительно. С возрастом способность сдерживать физиологические потребности становится слабее — это факт, однако мать боялась не только того, что будет пускать газы. Я чувствовала, что ее пугает все, что могло подвергнуть опасности ее человеческое достоинство; я верила, что именно это она имела в виду, — ведь я знала ее лучше, чем кто-либо другой. Кроме того, в этих словах мне виделось скрытое сострадание к дочери.

В деревне и среди родственников мать была известна как человек, проживший безупречную, честную, полную долготерпения жизнь. В детстве я гордилась тем, что люди всегда признавали ее достоинства и добродетели. Но в подростковом возрасте я начала думать, что кое-что смыслю в жизни, — и такая мать перестала мне нравиться. В этот период я больше всего презирала ее как человека, у которого отсутствует самоуважение. Мать, державшаяся так, словно она с головы до ног пронизана чувством собственного достоинства, в моих глазах превратилась в человека, напрочь лишенного этого чувства. Как будто у нее вообще нет стержня. Я считала, что гордость стройна, словно кальмар, нанизанный на вертел.

А мамина гордость, скорее, напоминала мне кальмара высохшего и свернувшегося в рулон.

Сколько я помню родителей, отец всегда игнорировал мать. Он не угнетал ее, не бранил, они вообще не ссорились. Старинная поговорка «Смотрит, словно бык на курицу», вероятно, лучше всего описывает их отношения. Их неинтересное сосуществование началось с их первой встречи в качестве жениха и невесты. Место для смотрин, где собрались старейшины обеих семей, было, можно сказать, огромным для конца колониального правления Японии⁶. Мать, окончившая лишь начальную школу, от смущения не смогла даже как следует взглянуть на будущего мужа — ведь никто со стороны жениха даже не обмолвился о том, что она красивая. Хотя она находилась в самом цветущем возрасте. Возможно, именно поэтому место их первой встречи и показалось ей самым маленьким в мире. Она так и не выразила желания встретиться с женихом еще раз, однако его семья одобрила ее кандидатуру, и ей ничего не оставалось, пришлось подчиниться решению отца. Тот был благодарен родителям жениха за то, что те согласились принять его дочь в качестве невестки. Такому пижону, как мой отец, полноватая старшеклассница в матроске, возможно, не приглянулась с самого начала. Если он и хотел обладать ею, то лишь как очередной женщиной. Но его родителям, уставшим от многочисленных любовных походов старшего сына, эта девушка так пришлась по душе, что они немедленно стали торопить со свадьбой. В те времена, если избранник не был гнусавым или рябым, детям только и оставалось, что покорно подчиняться воле родителей. Отец с детства слушался своих родителей, благодаря которым получил хорошее воспитание, и знал, что как старший сын будет обязан ухаживать за ними, когда они состарятся.

Как-то раз мать сказала мне, что буквально с первой брачной ночи поняла: она стала не женой моего отца, но

⁶ Японская колонизация Кореи продолжалась с 1910 по 1945 год.

лишь невесткой его дома. Интересно, о чем она думала, когда в первый же день ей строго и внушительно объявили, что она обязана следовать всем указаниям свекра и свекрови, радушно относиться к деверю и золовке? А что почувствовала, когда услышала, что даже если она захочет умереть, то должна сделать это, положив голову на порог мужниного дома — ведь отныне ее тело и самая жизнь принадлежат его семье? Наверное, она лишь опустила голову и крепко стиснула зубы. Единственным способом для женщины получить уважение со стороны родителей супруга — для женщины, на которую муж смотрит так же равнодушно, как бык на курицу, было рождение сына, продолжателя рода. И мать сделала это. Родив сына, она стала держать себя с величием, словно мудрая королева. Она совершенно не обращала внимания на периодические исчезновения мужа.

Отец держался с матерью довольно обходительно — как с супругой, которая делит с ним все невзгоды. Еще со времен колониального периода он работал в электрической компании, которая после Освобождения стала государственной. Отец утверждал, что в то время это была стабильная работа с приличным окладом, где время от времени появлялась возможность заработать дополнительные деньги. Несмотря на то, что отец завел любовницу и жил с ней недалеко от места работы, всю зарплату до копейки он приносил в конверте в родительский дом. Говорили, что мать была абсолютно равнодушна к отлучкам отца и не интересовалась, на какие деньги тот содержит другой дом. Периодически получая конверт с деньгами, она по-прежнему держала себя с достоинством. Однако недолго наслаждалась она такой ситуацией. В начальный период правления администрации президента Пак Чон Хи⁷, когда проводилась чистка в государственных органах и на предприятиях,

⁷ Военный и государственный деятель Республики Корея, президент страны в 1962–1979 годах. При нем Корея вошла в число экономически развитых стран.

всем сотрудникам, состоявшим в гражданском браке, было предложено уволиться по собственному желанию. Отъявленные бабники, оглядываясь друг на друга, каким-то образом благополучно пережили этот тяжелый для них период, однако отцу это не удалось. Его постоянные уходы из дома и жизнь на квартире любовницы стали общеизвестным фактом — не осталось, кажется, никого, кто бы не знал об этом. После объявления о чистке фирма была вынуждена начать реализовывать свои угрозы. И отец, естественно, стал первой жертвой.

«Есть ли еще в какой-нибудь стране мира подобный закон?» — искренне возмущались его родители. Из-за этого случая они до конца своих дней ненавидели Пак Чон Хи. Но мать, несмотря на то что больше не получала пухлый конверт с деньгами, после увольнения отца не выказала недовольства и не жаловалась на судьбу. К счастью, к тому времени все мои дяди и тети уже состояли в браке, и моя мать значительно меньше беспокоилась о тратах на жизнь. Как раз в это время благодаря урбанизации пригородов Сеула продажа небольших участков земли оказалась весьма выгодным делом. На вырученные от продажи деньги мать с помощью дедушки построила в деревне мельницу, приносящую очень хороший доход. Основной причиной, по которой пришлось продавать землю, были убытки от всевозможных бизнесов отца, которые тот создавал, пытаясь заработать.

В день шестидесятилетия бабушки, не оповестив старейшин рода, отец явился в сопровождении красивой любовницы, которую заставил сделать глубокий поклон юбилярше. При этом моя мать ничуть не изменилась в лице и по-прежнему держала себя с достоинством, как и подобает старшей невестке. А могла ли я, ученица старшей школы, проигнорировать существование у отца молодой любовницы? Быть может, мне следовало напасть на нее и вырвать клочок волос? Я не знала, какой именно способ сильнее утешит мать, и стояла вся красная от злости. Однако в тот момент я вдруг обнаружи-

ла, что отец, бывший в молодости красавцем и щеголем, с возрастом сделался легкомысленным и утратил имидж порядочного человека. А вот мать, наоборот, стала его полной противоположностью. В молодости она была неприметной, но с годами смотреть на нее становилось все приятнее. Я осуждала отца за пренебрежение к ней, мне было больно и грустно. Говорят, что после сорока лет ты сам отвечаешь за свою внешность, которую можешь изменить макияжем. Я бы не смогла жить, как моя мать, — постоянно скрывая собственные желания и тайный гнев. Чтобы так жить, нужно вынуть из себя душу.

Знала ли я раньше о жизни матери и что вообще я могла о ней знать? О причине отчаянно скрываемого ею самолюбия я начала смутно догадываться, лишь когда сама вышла замуж.

— Твой брак заключен по любви, и я надеюсь, у тебя не будет таких проблем, какие были у меня. Но я хочу, чтобы ты знала: если в первую брачную ночь твой муж скажет, что ты должна хорошо заботиться о его родителях, что жену можно найти другую, а родителей — нет, — если ты, услышав такое, прямо в первую же ночь расторгнешь брак и уйдешь от него, я приму тебя обратно. Ни словом не упрекну. Не думай, что только их семья растила своего сына как принца! — так сказала мне мать перед моей свадьбой.

Наверное, не найдется в мире еще одной такой дочери, кроме меня, которая, выходя замуж, выслушивала бы от матери подобные наставления. Сейчас я думаю, что тогда моя совершенная во всех отношениях мать впервые вслух пожаловалась на унижение, которое была вынуждена терпеть долгие годы. Как бы плохо ни обращались с ней в доме мужа, она терпела.

Почему же моя мать, которая хотела жить до тех пор, пока сможет сдерживать произвольное испускание газов, не знала о том, что в последние годы у нее перестал сжиматься сфинктер? В этой трудной для понимания иронии я чувствовала едва сдерживаемый гнев к отцу.

Потому что боль в ногах, необходимость в операции и проблемы с анусом возникли у нее именно после возвращения полностью разорившегося отца, у которого не осталось и клочка земли для продажи.

Я ходила в больницу вместе с матерью с самого начала возникновения у нее проблем со здоровьем, и раньше всех узнала, что у нее рак. Услышав о своей болезни, она первым делом попросила, чтобы я не говорила об этом отцу. Ему негде было жить, и он вернулся в родительский дом. Отец совершенно не изменился: что тогда, когда он исчезал из дома, что сейчас — он все так же равнодушно смотрел на мать, как бык на курицу. С одной стороны, мне было жаль мать, но с другой — это невольно вызывало улыбку. Мать понимала: узнав о том, что его законная жена умирает, отец испытал бы не больший шок, чем от известия о смерти кухарки. А может быть, прося ничего не говорить ему, она что-то хочет скрыть от меня? Не исключено, что мать хотела подражать одной пожилой супружеской паре из телевизионной драмы, жившей в мире и гармонии. Однако весьма вероятно, что это было последнее проявление ее чувства собственного достоинства, из-за которого ей не хотелось видеть мужа незадолго до своей смерти. Только так она могла сопротивляться такому человеку, как мой отец.

Несмотря на то что дети открыто ничего не говорили ему, по тяжелой атмосфере в доме отец все же догадывался, что матери предстоит серьезная операция. Но даже в тот день, когда она ложилась в больницу, он спокойно получил свой столик с едой, не выразив никакого беспокойства. Только сказал, что ему нет необходимости приходить к ней в больницу. Когда мать выписали, они сразу же поругались. Мать ушла к своим родителям, но через некоторое время вынуждена была вернуться. Отец обращался с ней еще грубее, чем раньше. С тех пор я до глубины души прониклась словами матери о том, что не стоит обращаться к нему с просьбой: очевидно же, он ее не выполнит. К тому же я не могла сказать ему,

что мама скоро умрет. Поступая с матерью в высшей степени безжалостно, отец причинял боль не только ей — по отношению к детям это тоже было недостойное поведение.

Мать обслуживала отца даже тогда, когда она, выпившись из больницы, не могла сдерживать понос. Он же, глядя на это, ругал исключительно больницу и ее персонал, и даже не догадывался, что у матери действительно серьезные проблемы со здоровьем. Отец с яростью говорил, что не оставит в покое врача, сделавшего из матери инвалида. Забытый мною за долгое время отсутствия, нисколько не беспокоившийся о жене, напрасно бесновавшийся и обвиняющий врачей в том, что им бы только денег содрать, он стал мне еще более противен. Язвительным тоном он твердил и ей, и нам, детям, что мать напрасно обременяет нас своей болезнью, которую можно вылечить буквально за несколько сеансов с помощью китайского лекарства. Да еще зачем-то допустила, чтобы ее оперировали, а теперь, мол, посмотрите, в кого она превратилась! Нам только и оставалось, что успокаивать отца и говорить, что ее болезнь — действительно временное явление от усталости, и надо немного потерпеть. И хотя мать всеми силами старалась скрыть от отца правду о своем состоянии, мое сердце само собой наполнялось ненавистью к нему.

Когда я отвезла мать к себе домой, отношение отца к ней совершенно не изменилось, — оно оставалось все таким же пренебрежительным. Он не переживал за нее ни одной минуты.

Несмотря на то что мама страдала недержанием, она сердилась на дочку, которая целыми днями подбирала за ней кусочки кала по всему дому, за то, что та не относила отцу закуски для риса. Не имея никакого опыта в приготовлении гарниров, я должна была своими руками готовить закуски к рису для отца, к которому не испытывала ни капли уважения. От этого ужасно страдало мое самолюбие. Я купила на рынке несколько готовых гарниров и пошла в родительский дом, чтобы заодно

взять одежду для матери. За те несколько дней, пока я не навещала отца, он оброс грязью до неузнаваемости. Увидев меня, он спросил, когда заживет тот проклятый анус, напроочь забыв поинтересоваться здоровьем матери. Я силой заставила себя обставить его обеденный столик купленными на рынке закусками, а затем принялась копаться в платяном шкафу в поисках одежды для матери — нижнего белья ей требовалось очень много.

Среди одежды лежали куски душистого туалетного мыла, и от них исходил очень приятный аромат. Родные говорили, что после смерти бабушки обнаружили множество пачек с деньгами, которые та хранила в платяном шкафу между посон⁸, а мать, оказывается, хранила душистое мыло. Также там нашлось несколько небольших флаконов с духами, которые обычно дают в подарок при покупке косметики. У некоторых пробки были закрыты неплотно. Неужели она, думая, что запах старого человека так неприятен, решила заранее подготовиться к смерти? Это было очень похоже на нее — до крайности чистоплотную и боявшуюся старения тела и души.

И вот такая чистоплотная мать лежит в доме дочери, издавая зловонный запах. В самом деле, кто отец такой и какое он имеет право так издеваться над матерью? Почему именно над ней? Обычно я стараюсь найти гармонию во всем, но тут, совершенно не помня себя, я излила весь свой гнев на отца. Пристыженный мной, он сразу же притих. Отец никогда не хвалил кулинарное мастерство матери. А сейчас, всем своим видом показывая, что не намерен есть купленные на рынке готовые закуски, он только недовольно бурчал себе под нос: до каких пор, мол, ему мучиться из-за этого проклятого ануса?

«Мать сейчас больна раком последней стадии, ей осталось жить не больше пяти месяцев», — сказала я отцу и, не дождавшись ответа, ушла. По его реакции я поняла: напрасно было бы надеяться на какие-то перемены

⁸ Корейские традиционные носки, деталь национального корейского костюма *ханбок*.

в нем. На душе у меня было так отвратительно, что если бы я не шла бы по улице, то громко бы заплакала. Я коротко оповестила мать о том, что теперь отец обо всем знает. Она не стала упрекать меня, а лишь спросила, что он ответил...

Это случилось ночью. Неожиданно для меня и матери позвонил отец. Хриплым невнятным голосом он попросил передать трубку матери — впервые он захотел поговорить с ней лично. Отец не то всхлипывал, втягивая в себя сопли, не то едва сдерживал икоту. Я поднесла свой мобильный телефон к уху матери: мне хотелось подслушать их разговор. В телефоне эхом отозвались слова матери: «Я слушаю вас». От неожиданности она произнесла их немного заикающимся, дрожащим голосом. С той стороны все еще слышалась едва сдерживаемая икота, прорывающаяся сквозь странный шум. «Я слушаю вас. Я в порядке. Мне стало намного лучше», — не выдержав, повторила мать.

После этого прошло довольно много времени, прежде чем в трубке раздался голос отца:

— Дорогая, я люблю тебя, я люблю тебя, я люблю тебя!

Я поняла, что тот странный шум, сквозь который слышался его голос, были рыдания. Несмотря на трагичность момента, мне казалось, что я сейчас взорвусь от смеха. Быстро прикрыв ладонью микрофон мобильного, я передала телефон матери и стала буквально кататься по полу, держась за живот и с трудом сдерживая гоме-рический хохот. Когда чуть позже, успокоившись, я оглянулась на мать, она уже закончила говорить и тоже, держась за больной живот, беззвучно смеялась. Вспоминая этот разговор по нескольку раз в день, мать всякий раз не могла удержаться от смеха. Она скончалась раньше отведенного врачом срока жизни, но, получив признание в любви в семьдесят лет, счастливо провела свои последние дни. Даже когда у нее начиналось недержание кала, вспоминая о том разговоре, она не могла удержаться от смеха. Отец стал показывать свою любовь

к матери не только на словах: каждый день он навещал ее вместе со мной и даже порывался убирать за ней кал, но она была категорически против. Желая до самой смерти наслаждаться любовью мужа, мать не хотела показывать ему свой столь неприглядный образ. Отец приложил все силы, когда выбирали место для могилы матери, а во время похорон он говорил, едва сдерживая икоту, и так горько плакал, что невольно заставил нас проникнуться жалостью к нему. По правде сказать, в отличие от отца мы, дети, ощущали, скорее, облегчение, нежели печаль. Лицо старшего брата, исполнявшего роль распорядителя похорон — согласно по старинному обычаю, — было больше похоже на лицо зрителя после окончания длинного и утомительно-скучного фильма, чем на лицо скорбящего почтительного сына. Я тоже так устала, ухаживая за мамой, что вместе с печалью испытывала легкость освобождения. Но насколько же утомился брат от чувства вины за то, что не смог как следует исполнить роль старшего сына! Пребывая в неизвестности, он мог только ждать сообщения о смерти матери.

— В любом случае спасибо, — сказал он. — Я тоже думал, что нельзя позволить отцу так долго оставаться в том доме одному.

— Ну, тогда все в порядке. Пока он здоров, его иногда можно приглашать в гости или навещать. Мне хочется, чтобы он жил поблизости, но я не хочу нести за него ответственность одна.

— Но так относиться к нему — все равно что дать ему умереть.

— Почему же он умрет? — спросила я недовольно.

— Как ты можешь знать чувства старшего сына?

— Ну да, я воробей, а ты Тэбун⁹!

— Действительно, возраст — страшная вещь, — сказал брат недовольно. — Где же отец был раньше? А теперь, когда он утратил способность соблазнять женщин,

⁹ Гигантская фантастическая птица.

явился сюда, став обузой собственным детям. Если подумать, то он, возможно, достоин сожаления.

— Оппа, ты думаешь, отец не сможет снова жениться лишь потому, что потерял способность обольщать?

— Хочешь сказать, что теперь он станет хранить верность своей покойной жене? Послушай, не смей меня! Это совершенно не похоже на отца.

— Ты ничего не знаешь! Даже сейчас к нему часто приходят свахи. И я два-три раза получала предложения от них.

— Он, наверное, притворяется, что у него много денег, а на самом-то деле влачит жалкое существование, высасывая из своих детей все соки. А я-то думал, что в последние годы жизни он встанет на правильный путь...

— Оппа, зачем ты так говоришь? Ты что, забыл? У отца пока еще есть дом!

— Разве можно считать такой дом приличным состоянием?

— Оппа, ты недавно сказал, что, возможно, отменят зеленый пояс в тех местах, где находится дом отца. Каждый год ходят такие слухи. Не исключено, именно из-за этого многие молодые женщины предлагают ему брак.

— Нет-нет, нельзя допустить, чтобы он снова женился! Когда была жива мать, он не мог говорить о женщинах, но с этого момента все по-другому. Ведь он может вписать свою новую жену в родословную книгу — как можно оставаться спокойным?! Или ты не согласна со мной?

— Оппа, не сердись на отца. Насчет этой проблемы он уже ясно высказал свою позицию. Что же касается повторного брака, то он не дал мне даже рта открыть. А знаешь почему? Он сказал, что хочет завещать дом тебе — своему старшему сыну. Когда же я сказала ему, что собираюсь забрать его к себе и заботиться о нем, он ответил, что я живу не хуже других, и предупредил, чтобы я не претендовала на тот дом. Честно говоря, когда он это сказал, я немного расстроилась. Но не потому,

что претендую на этот дом, нет. Ведь еще до того, как принять мое предложение, отец ясно дал мне понять, что я его не получу.

— Ну, у кого есть еще такая дочь, как ты? — искренне сказал оппа. — Послушай, я тоже чувствую себя скверно.

Я сказала ему это, потому что мне показалось: я не смогу объяснить ему, что я не была ни почтительной дочерью, ни вообще хорошей женщиной. Просто мне хотелось так сказать. Но, честно говоря, даже для меня самой порядок наследования был необъяснимо сложен для понимания.

Желая получить от отца согласие на наше с братом решение, я позвонила ему и предупредила, что нам надо обсудить важные вопросы. Он ответил: мол, он каждый день бывает в Сеуле, — и предложил встретиться где-нибудь в городе. Местом, куда отец обычно ездил на метро, был подземный торговый комплекс, находившийся перед входом в супермаркет «Lotte World». Отец, довольный тем, что всего лишь с одной пересадкой можно доехать до города, чуть ли не каждый день катался туда как на работу. Уверенным голосом он заявил, что я в любое время могу найти его в том торговом комплексе, словно он был его хозяином. Я громко рассмеялась. Мне как автомобилисту казалось настоящим чудом, что родительский дом, все время отдалявшийся из-за бесконечного стояния в пробках, с появлением метро вдруг сильно приблизился, став частью столичного района. И я подумала: уж не плод ли причудливой фантазии то, что мой восьмидесятилетний отец, бывший когда-то очень богатым человеком, ездит на метро с пересадкой?

После того как мать умерла, никто не прибирался во дворе, не ухаживал за цветами и деревьями, и родительский дом перестал выглядеть обитаемым. Он стоял мертво, выпятив свой обветшалый фасад. Я поняла, что мать так усердно убиралась во дворе не потому, что любила цветы и деревья; она просто хотела скрыть неприглядный образ дома, теряющего свой благородный вид.

С одной стороны, для матери мнение других было очень важным, а с другой — она прожила всю жизнь так, что по ее лицу нельзя было догадаться, о чем она думает.

Огромный подземный торговый комплекс «Lotte World Underground Plaza» — невероятно большое, яркое и шумное место. Был канун Рождества. Место встречи находилось перед входом в торговый комплекс — там установили временный магазин, продавцы которого, громко зазывая проходящих мимо девушек, продавали с огромной скидкой женское нижнее белье. Рядом с ним перед водопадом играла вокальная группа молодых ребят, на щеках которых едва пробивался пушок. Положив перед собой коробку для пожертвований, они, если верить надписи на плакате, собирали деньги для бедных детей. Народу было так много, что из-за нехватки мест люди сидели на лестнице, ведущей в комплекс, мешая движению, — и это несмотря на то, что повсюду были заранее приготовлены сидячие места. Но даже в такой обстановке найти отца среди людей, которые или кого-то ждали, или, уже встретившись, наслаждались пустой болтовней, или же праздно проводили время, среди суеты огромной толпы не составило мне большого труда. Здесь было отдельное место специально для пожилых людей. В основном там сидели мужчины пенсионного возраста. Группа немолодых женщин устроилась прямо в центре площади торгового комплекса, сидя спинами друг к другу.

Отец, заметно выделявшийся на общем фоне, пел песню. Пел таким красивым и сильным голосом, что казалось, будто он принадлежит человеку среднего возраста в самом расцвете сил. Вряд ли у отца был микрофон — значит, он пользовался только своим голосом, перекрывая вокальную группу: «Пока я жив, есть у меня еще дело...» Возможно, мне показалось, что он выступает без микрофона, потому что мы с ним были из одной семьи, и его голос был мне знаком с детства. Закрыв глаза, отец с большим энтузиазмом исполнял старомодную популярную песню, словно собрался на

военный марш в тысячу ли¹⁰. И тут я увидела, что он был не один. Незаметно поменяв текст песни «Крепко обнимаю дерево» на «Крепко обнимаю свою девушку», он с медлительностью червяка, переползающего через забор, приобнял за талию сидящую рядом с ним пожилую женщину и едва заметным кивком головы пригласил ее танцевать.

Я подумала, что отец не случайно выбрал место среди тринадцати пожилых людей именно рядом с ней. Видимо, ей было приятно, что он обнял ее за талию, — она быстро потушила сигарету и, грациозно поднявшись на ноги, начала красиво танцевать в такт песне отца. Если бы она была ему чужой, то он, вероятно, просто рассмеялся бы. Я знала, что отец осуждал такое поведение со стороны женщин и считал его неприличным, но неожиданно для меня он смутился, его лицо покраснело. Я подумала, что таким отца я вижу не впервые. Из глубин памяти возникли неясные образы, и я почувствовала близость с ним.

Украдкой я снова взглянула на него. Когда я училась в женской школе, мне несколько раз приходилось отпрашиваться в дом любовницы отца по его поручению. В то время отец никогда не заигрывал передо мной со своей любовницей, но с ней он вел себя совершенно иначе, чем дома, и это было странно. Дома он всегда был жестким, суровым и недовольным, а в доме этой женщины выглядел спокойным, свободным и расслабленным. Отец, которого я увидела в торговом комплексе супермаркета «Lotte World», тоже выглядел таким спокойным и родным! Я подумала, что, возможно, он вел распутный образ жизни из-за того, что роль старшего сына в семье ограничивала удовольствия для тела, и он не смог этого выдержать, а в доме любовницы нашел место, где он мог спокойно делать то, что ему хотелось. Когда я была маленькой, отец-распутник казался мне омерзительным. Однако сейчас все было иначе: его распутство выглядело

¹⁰ Корейская мера длины, равная 393 м.

привлекательным и элегантным, поскольку разрушало общеизвестную мораль. Образ моей матери с возрастом становился лучше, а вот отца... Странно, но и его образ совпал с тем, каким я ожидала его увидеть в старости: развратным, легкомысленным и раздражительным.

Человеческую судьбу никто не может предвидеть, пока не закроется крышка гроба. Это труднейшая для понимания задача, ведь невозможно знать, что случится через минуту. Кто может знать, когда, где и как умрет отец? Тем более нельзя было знать, не пожалее ли я о принятом решении, — предсмертный час отца мог настать в любой момент. Моя мать, которая жила так, что за всю жизнь не могла нормально вздохнуть, храня все переживания в себе, и которая в конце жизни не могла сдерживать собственный анус, — неужели она бы хотела, чтобы отец, ведущий распутный образ жизни и заставлявший семью страдать, умер счастливым? Нет, только не это! Может быть, мне просто хочется компенсировать ему счастливо проведенные последние дни матери? Вряд ли. Я не считала, что стою только на ее стороне, скорее всего, все дело в трудности взаимного недопонимания. Мне хотелось еще раз попытаться понять отца — возможно, это более подходящее слово для нашего случая.

Когда мать скончалась, брат провел похоронный обряд с таким видом, словно кончился длинный и скучный фильм, — он нехотя выполнял обязанности распорядителя похорон. Никто не любит смотреть длинный и скучный фильм повторно. Но когда посмотришь трудную для понимания кинокартину, думая, что, может быть, в следующий раз наконец поймешь ее содержание, хочется прийти в кино и во второй раз.

Улыбаясь, я приблизилась к отцу. Он только что снял руку с талии той пожилой женщины. Как только она вытащила сигарету, отец подмигнул мне, щелкнул зажигалкой и, поднеся для нее огонек, поднялся мне навстречу.

ОЧЕНЬ ОДИНОКИЙ ЧЕЛОВЕК

*Горячей волной к самому горлу подступило
сострадание к мужу,
который добровольно связал себя патриархальным
долгом.
Она тихо начала гладить покусанную комарами ногу
мужа,
словно старую мебель, истрепанную временем.*

Все выпускные церемонии, которые она видела, проходили в ужасно холодную пору¹. В том числе церемонии окончания всех ступеней школы сына и дочери. Все воспоминания о них объединял лютый холод. Но самой студеной среди всех оказалась церемония окончания сельской начальной школы, когда она, сидя на отопливаемом полу казенной квартиры, слышала только голос школьного директора. В деревне всегда бывало холоднее на три-четыре градуса — настолько же холоднее было плохо одетым сельским детям в отличие от городских ребят. Но директор школы, несмотря на погоду,

¹ Учебный год в Корее заканчивается в середине февраля и начинается в марте.

совершенно не жалел их и заставлял в честь выпускного больше получаса сидеть на полу. Каждый год он говорил одни и те же слова. За долгое время его громкий лающий голос совершенно не изменился. О чем же думали дети, слушая его и стуча замерзшими ногами об пол? Она так злилась на директора, что иной раз даже была готова его убить. Этот голос был так же невыносим, как и холод. Она пробовала затыкать уши, мотать головой, но все было бесполезно. Когда ее замерзшие ноги совсем ооченели, а кипящий гнев стал смиренно остывать, речь директора закончилась. Она почувствовала сильное отвращение к тому, что живет в казенной квартире.

Директором школы был ее муж.

Это была первая выпускная церемония во второй половине года. Она слышала, что ее называют «Церемония астры», но поздняя жара все еще была слишком сильной для того, чтобы подул хоть какой-то ветерок, необходимый для появления этих нежных цветов.

В светлом и просторном кафе с названием «Паваротти» из-за кондиционера было холодно, словно в другом мире. Неожиданно прохладный воздух нежно сдул с нее летнюю жару, снял ее, как кожицу с ошпаренного помидора. Все официанты были в плотно облегающей черной униформе. Откровенно вырисовывавшиеся фигуры выглядели невинными и стройными — тела мальчиков, а не молодых парней. Такую униформу называют унисекс? Все официанты были молодыми людьми. Не определишь с первого взгляда, парень это или девушка. Их лица как на подбор даже без макияжа были белыми и красивыми. У кого-то чистые и прямые волосы были собраны в пучок на затылке, у кого-то была просто аккуратная короткая стрижка. Свободные жакеты, накинутые на плечи, вместе со строгими брюками выглядели несерьезно. У нее внезапно возникло сильное желание слегка погладить ягодицы и бедра бесполох молодых официантов. Ей казалось, что они будут холодными и твердыми как лед. Но если официант вдруг окажется

парнем, такое действие может быть воспринято как сексуальное домогательство с ее стороны. Она затрепетала от жгучего желания, которое расцветало, как горячий цветок. По замерзшему телу пробежали мурашки.

Сколько лет прошло с тех пор, как она испытывала подобное странное чувство? Казалось, будто это случилось впервые. Она несколько раз слышала, что пожилым людям не стоит ходить в кафе в университетском городке. Оно не было тайным или значным местом, и в нем настолько тихо, что сосед за столиком мог расслышать ваш разговор. Здесь царила прекрасная, здоровая и приятная атмосфера. Виолончель звучала еле слышно. Если что-то здесь и бросалось в глаза, так это черная униформа официантов. Муж должен был прийти еще не скоро, и все это время она нервничала из-за его деревенского вида, который совершенно не вписывался в идеальный и элегантный, на ее взгляд, интерьер кафе.

Место для встречи с мужем — кафе «Паваротти» — выбрала их дочь Чэ Чжон. Когда она заканчивала университет, родители уже жили раздельно. В тот день она договорилась с мужем, приезжавшим в назначенный день из деревни, встретиться возле церемониального зала рядом со статуей первого ректора университета. Но статуй в том учебном заведении было много, и муж, не проверив, с довольным видом уселся возле первого попавшемуся ему на глаза памятника.

Тот день был особенным: Чэ Чжон собиралась впервые встретиться с семьей своего парня, с которым они уже давно были вместе, и познакомить их со своими родными. Но только к концу церемонии вручения дипломов, после долгих метаний по университету, дочь с трудом нашла отца. А увидев его, была огорчена его по-деревенски неряшливым видом.

При вспоминании об этом дне негодование и обида комом застревали в горле. Она страдала из-за того, что их семье нечего противопоставить семье жениха, с которой они собирались породниться. Неясная тревога расстраивала ее еще сильнее. Уже после того, как больше

половины гостей, пришедших поздравить молодых со знаменательным днем, отбыли, она подумала: лучше бы с трудом найденный муж вообще не нашелся. В тот холодный день он был в коротких штанах, без пальто и в одной потрепанной и бесформенной из-за неправильной стирки куртке, измазанной какой-то краской. Видимо, он совершенно не беспокоился о новых родственниках, потому и выглядел столь отвратительно. Глядя на отца, Чэ Чжон шепнула на ухо матери: «Мне кажется, отец специально пришел, одевшись как нищий, потому что ненавидит нас». Все, что ей не нравилось в повседневной жизни, дочь связывала с абстрактным нищим. Это была очень плохая привычка, но тогда это было оправданно. Она подумала, что если бы рядом не было родственников жениха дочери, то тоже сказала бы мужу пару резких слов.

Словно кошмар, она долго вспоминала его безобразную одежду в день окончания университета Чэ Чжон. Но еще больше ей запомнился растерянный вид дочери, когда та не могла отыскать отца.

Беспокоясь о предстоящем выпускном младшего брата, дочь спросила: «Что мы будем делать, если я не найду отца? — И, не дожидаясь ответа, добавила: — Я заранее пришла в университет и решила, что встретиться лучше всего будет в кафе „Паваротти“. Его легко найти, и пожилые люди могут зайти туда, ни на кого не оглядываясь». Она последовала совету дочери, хотя считала это ненужным беспокойством с ее стороны, ведь на выпускных церемониях во второй половине года людей обычно немного.

Внезапно ей пришла мысль, что Чэ Чжон боялась не того, что родители не встретятся, а того, что они придут по отдельности, чего дочери совсем не хотелось. Вполне возможно, что Чэ Чжон, выйдя замуж и родив ребенка, станет спокойнее и взрослее, однако сейчас она была совсем не похожа на ее прежнюю дочку. Больше, чем о матери, дочь беспокоилась о сватье, стараясь той понравиться. Чем больше она об этом размышляла, тем

чаще приходила к мысли, что иметь сына лучше: не нужно волноваться о том, как ты выглядишь в глазах сватов. Эта мысль не поднимала настроения. Хотя ей не следовало вести себя так, словно она в чем-то провинилась перед сватами. Тем более до свадебной церемонии. Это было ужасно и сбивало с толку — ей казалось, будто она судорожно сжимает рукоять ножа. Пока ее сын Чэ Хун был в армии, ее невестка — однокурсница сына — скромно и терпеливо ждала возлюбленного и не изменяла ему. Но в душе она не хотела, чтобы та обязательно так поступала. Она хотела, чтобы невестка, как женщина, показала своей свекрови печаль об отсутствующем муже. После возвращения из армии сын жил у родителей жены, но она не считала это большим позором. Потому что не прошло и месяца со дня свадьбы, как они собрались поехать учиться за границу. Родня невестки должна быть благодарна ей за то, что она не заставляла молодую заниматься домашним хозяйством, а со стороны жениха не было повода для сожаления.

Официант, парень (или, возможно, девушка) в черных колготках принес в стеклянном стаканчике ледяную воду и ненадолго задержался возле столика. Судя по позе, он ждал, что она закажет что-нибудь еще. Ей хотелось услышать его голос, но официант, видимо, боялся, что вопрос: «Хотели бы вы еще что-нибудь?» против воли вынудит ее сделать заказ, поэтому, постояв еще немного, он улыбнулся и молча ушел. Его покровительственная улыбка не соответствовала его возрасту.

До начала церемонии вручения дипломов был еще час. Увидев мужа, она собралась помахать ему рукой, но, прежде чем она успела это сделать, по всему большому залу разнесся его суховатый и громкий голос:

— Здесь кафе «Песталоцци», верно?

Взоры всех официантов и посетителей разом обратились к нему. Большинство из них были молодыми людьми, явно еще не окончившими школу. «Что еще за „Песталоцци“?» — спросил кто-то из них. По залу прокатился смех. Вместо того, чтобы крикнуть мужу: «Иди сюда!»,

она быстро подошла к нему и дернула за рукав. Увидев жену, он успокоился и его голос стал намного тише.

— Оказывается, я пришел куда надо. Ты долго ждала?

Они сели друг напротив друга, но им не о чем было говорить, а до начала церемонии все еще оставалось много времени. Он вытащил грязный носовой платок и вытер им пот, который, словно вода из родника, струйками стекал с блестящей макушки его совершенно лысой головы. Когда он работал директором школы, у него из-за лысины было прозвище Ночжоган, что означало «латунный горшок». Она вспомнила, что он не всегда был лысым. В молодости у него были густые жесткие черные волосы, стоявшие торчком, — они смотрелись даже немного пугающе. Когда он порой громко кричал: «Фу, как жарко!» и энергично мотал головой, от него во все стороны разлетались капли пота, словно брызги воды в душе. Это было весьма неприятно для окружающих.

Любила ли она его тогда? Она насупилась, словно сидела вспомнить все то, что уже почти забыла. Одно время она надеялась, что в памяти останется что-нибудь о любви, о густых волосах, — словом, какие-нибудь приятные воспоминания об их совместной жизни. Но сколько бы она ни напрягалась, так ничего и не вспомнила.

Им нельзя было встречаться: это жестоко — сталкиваться без защитной оболочки. Пока она так бессвязно размышляла, муж, утирая обильный пот, громко сделал заказ:

— Принесите нам две чашки горячего кофе. Молодой человек, если вы хотите продать свой дорогой и холодный кофе, почему так швыряете чашки на стол? Как можно после этого из них пить?

Она сильно испугалась, словно его неприлично громкий голос, разнесшийся по залу, застал ее врасплох. Ей показалось, что молодые люди, смеявшиеся до этого над словом «Песталоцци», снова захихикали.

— Пожалуйста, примите заказ, — вежливо попросила она официанта.

— Зачем ты заказала? Нам что, придется долго здесь ждать? Надо быстрее заплатить и пойти на церемонию.

— До начала еще много времени. Тебе здесь не нравится? Здесь прохладно, к тому же можно вдоволь поглазеть на современную молодежь...

— Страна, в которой не добывается ни капли нефти, так безрассудно тратящая электроэнергию среди бела дня ради праздно проводящих время в кафе парней и девушек, достойна осуждения и сожаления.

Глядя на мужа, она размышляла о том, что стоит ему только открыть рот, как оттуда начинают исходить какие-то плоские, замшелые поучения. Она подумала, что, наверное, ничего не получится. И если бы кто-то смог в этот момент заглянуть к ней в душу и спросить, что означают слова «ничего не получится», она, вероятно, не смогла бы внятно ответить. Внутри у нее все перепуталось.

Официант принес кофе. Муж — видимо, как и она в последнее время, — полюбил вкус черного кофе. Попробовав и сказав, что кофеек-то неплох, стал тянуть напиток с таким звуком, будто цедил сквозь зубы горячий бульон.

— Когда они улетают?

— Должны успеть к началу учебного года в Америке, значит, в ближайшие дни. А что?

— Нам стоило забрать нашего сына к себе и побыть всем вместе. Невестка... Я имею в виду ее семью... По крайней мере, она должна оказать ему такую честь.

— Вижу, тебе нравится твой сын, — она сказала это иронично, видимо, из-за внезапно возникшей неприязни к семье сватов.

— Я сказал что-то не то?

— Разве ты хоть раз говорил что-то не то? — ответила она и улыбнулась, не дождавшись ответа.

До конца семидесятых годов муж был обычным сельским учителем. И даже после того, как стал заместителем директора, а затем и директором сельской школы, он вспоминал те времена как самые яркие. Хотя что мо-

жет быть яркого в работе учителя сельской начальной школы? Он так считал, возможно, потому, что тогда все еще было впереди. Он мог сделать карьеру, став сначала замдиректора, а затем — директором. Это была эпоха реформ, когда идеи «Движения за новую деревню» овладели сознанием всех, даже маленьких детей. Когда она вспоминала о тех временах, у нее перехватывало дыхание. Класс, который муж взял под свое руководство, был организован главой Национального совета по образованию. Все его ученики, включая даже самых трудных, хорошо запоминали учебный материал. И это была не только зубрежка. Чтобы проверить, насколько хорошо дети усвоили программу, в стране был проведен конкурс, и класс мужа занял первое место. Благодаря этому он и стал замдиректора, а во время правления президентов Чон Ду Хвана² и Но Тхэ У³ был назначен директором школы.

Каждый раз, когда в стране сменялась политическая власть, огромный портрет старого президента в его кабинете менялся на изображение нового, которое он торжественно вешал на самое видное место. Этот кабинет можно было принять за кабинет министра, а не директора школы. Проблема состояла в беспрекословном подчинении мужа очередной власти. Его, как раба, поменявшего хозяина, не интересовало ни имя нового президента, ни его характер. Для него важен был лишь один факт — кто сейчас хозяин. Когда появлялся портрет очередного президента, муж неосознанно начинал копировать стиль нового хозяина, и, само собой, директорские речи наполнялись цитатами из его выступлений. Если бы муж был человеком, близким к высшим должностным лицам, его поведение еще можно было бы понять. Это было бы вполне нормально для государ-

² Чон Ду Хван — президент Республики Корея в 1980–1988 годах.

³ Но Тхэ У — президент Республики Корея в 1988–1993 годах.

ственного служащего. Если бы он страдал от того, как все это низко и постыдно, она нашла бы слова, чтобы утешить его, — ведь обязанность главы семьи содержать жену и детей, вероятно, стояла для него выше чувства собственного достоинства и справедливости.

Но муж в утешениях не нуждался. Приспособленчество было сущностью его натуры. Именно эта черта казалась ей причиной его непривлекательности. После долгой раздельной жизни она ни разу не задумалась о том, чтобы снова сойтись и жить с ним, сама мысль об этом была ей неприятна. И сегодня она ясно поняла, почему они разъехались.

Когда их старшую дочь зачислили в столичный университет, она оставила мужа в казенной квартире директора сельской школы и уехала с детьми в Сеул. В сельской старшей школе Чэ Чжон стала первой выпускницей, поступившей в хороший столичный университет. Это было достаточно значимое событие, чтобы повесить большой плакат с этой новостью на главных школьных воротах. Родители гордились Чэ Чжон — не было слов, которые могли бы описать их чувства. Конечно, для того, чтобы ее дочь поступила в университет, матери пришлось много трудиться, и она сильно уставала. Но зато теперь стало ясно, что она оказалась способна быть матерью студентки университета, и от осознания, что дочь достойно покидает деревню, ее охватывала неопишуемая радость.

У них еще был сын Чэ Хун, учившийся в выпускном классе старшей школы. Желание матери, чтобы сын получил высшее образование в еще более престижном университете, чем сестра, вместе с беспокойством отца о том, что нельзя допустить, чтобы взрослая дочь жила одна в незнакомом городе, и привели к тому, что муж и жена разъехались, втайне от жадных до осуждения глаз.

В небольшой арендованной подвальной комнате, где она на первых порах поселилась с детьми, были слышны абсолютно все звуки с первого этажа, от чьих-то походов в туалет до поцелуев. Но каждый из этих звуков радовал

ее — они убеждали ее, что побег не сон, а реальность. Ее бросало в дрожь, стоило ей только вспомнить свою прошлую жизнь в ненавистной казенной квартире, где она жила как в камере пыток и где, собирая по утрам сына в школу, внимала недовольному ворчанию мужа: когда же он, в конце концов, перестанет слышать по ночам лязг ночного горшка?.. А эти его словно прибитые гвоздями к доске, закладывающие уши нудные нравоучения... Кажется, только теперь она поняла настоящую причину своего переезда в город: это был всего лишь повод сделать то, о чем она давно мечтала, — перестать быть женой директора школы.

После того как они с мужем стали жить раздельно, он ежемесячно перечислял почти всю свою зарплату на ее счет, оставляя немного денег себе на расходы. Она старалась не думать, как он выживает на столь незначительные средства. Но жизнь в столице была настолько дорогой, что присылаемых денег едва хватало, и она перестала волноваться за него, принимая помощь как должное. Вскоре ей самой пришлось начать зарабатывать, чтобы оплачивать репетиторов для Чэ Хуна. Сначала она помогала подруге в дисконтном магазине косметических товаров, находившемся в здании того самого многоквартирного дома, в котором жила. Позже она полностью выкупила эту лавку и, продавая отечественную косметику наряду с иностранными товарами, стала получать неплохую прибыль. По ее собственному мнению, у нее была способность зарабатывать деньги, к тому же удача не покидала ее. Может быть, благодаря детям. Когда стоимость обучения стала слишком высокой, ее доход тоже достиг пика. Но когда рядом появился громадный универмаг, прибыль в ее маленьком магазине упала. К счастью, к тому времени беспокойство о плате за обучение детей уменьшилось и в конце концов исчезло совсем.

Но первое время им всем приходилось жить на деньги мужа, которых было так мало, что она даже не могла позволить себе увидеться с ним. Когда же

она начала достаточно зарабатывать, присылаемые им деньги уже казались ей настолько ничтожными, что она совсем перестала тревожиться о муже. Незвестно, что случилось потом и в чем он провинился, но его, преданного политической власти директора школы, отправили в почетную отставку задолго до официального выхода на пенсию.

Одновременно с новостью об отставке он сообщил, что вместе с предыдущим директором школы прикупил в ближайшей деревне небольшой домик с участком. Участок они между собой поделили пополам. Он решил жить там. Волновался: как уладится совместное житье с компаньоном? Она же, представив себе, каково это будет — жить с ним, терпя его трудный характер, — невольно улыбнулась. А его пенсия, даже после выхода в отставку, неизменно и точно в срок переводилась на ее счет.

Время от времени дети ездили к отцу в деревню. Вернувшись, рассказывали ей, как успокаивали его, говоря, что нужно потерпеть еще немного. По ним нельзя было с уверенностью сказать, что им нравилась сельская жизнь, — по крайней мере, настолько, чтобы вернуться в деревню после окончания университета.

Дети всегда чувствовали себя виноватыми: ведь из-за них родители вынуждены жить врозь; хотели, чтобы те снова сошлись. Но она догадывалась, что у этого желания была и другая причина. Возможно, дети думали, что совместное проживание родителей освободит их от обязанности ухаживать за ними, когда те состарятся.

Она нарочно никогда не ездила к мужу — этим она хотела показать детям свое равнодушие к их отцу. Кроме того, видя, что он неплохо живет один, да еще купил, не посоветовавшись с ней, домик в деревне, она решила окончательно закрепить раздельное проживание. Она внушила себе, что и муж считает так же. Если он ни на что не жалуется, зачем ей притворяться, будто ей интересно, как он живет? Это был бы спокойный крах их брака: словно старая хижина гнила, гнила и, наконец, рухнула.

Она тихо спросила его, так, чтобы никто не услышал:
— У тебя нет другого костюма, кроме этого? Почему ты не надел что-нибудь получше?

И поглядела на его сильно помятые льняные брюки. На пиджаке виднелось ржавое пятно от рассола кимчи.

— А что не так с этим костюмом? — недоуменно спросил он. — Разве ты не говорила, что он очень дорогой?

— Каким бы дорогим он ни был, не стоило его надевать. Зачем ты надел костюм, который получили в качестве свадебного подарка от семьи невестки? Что подумают сваты, если ты постоянно будешь носить только его? Достаточно было надеть его лишь в день торжества.

— О чем ты говоришь? Я его и надел впервые только в день свадьбы, а сегодня он на мне второй раз! Не беспокойся, я не буду постоянно носить костюм, к которому всегда нужен галстук, даже если мне дадут за это миллион долларов!

— Я говорю о том, что из-за твоего помятого вида сваты подумают, будто ты таскаешь его постоянно. Честно говоря, со дня свадьбы дочери я не в первый раз вижу тебя в этом костюме. Я просто хотела сказать, что надо было хоть немного постараться, чтобы произвести на сватов впечатление.

— Не понимаю: как можно «постараться» еще больше? Чэ Чжон тоже несколько дней тому назад звонила, просила, чтобы я обязательно пришел в парадном костюме и при галстуке. Но у меня нет другой одежды, в которой я бы мог сюда прийти.

— Ладно, я поняла. Давай прекратим это бессмысленный разговор.

Ей казалось, чем дольше она разговаривает с ним, тем меньше у них поводов для беседы.

— Мне кажется, важнее костюма показать сватам, что мы обычная супружеская пара, — сказал муж примирительным тоном и, странно взглянув на нее, отправился платить за напитки.

Она была озадачена: во взгляде мужа читалось нечто похожее на жалость. Если кто кого и должен жалеть,

так это она его, но почему же все наоборот? От этих мыслей ей стало не по себе. Она посмотрела на часы и увидела, что подошло время идти на церемонию вручения дипломов.

На церемонии во второй половине года выпускников обычно меньше, чем в первой, поэтому торжество проходило не на открытом воздухе, а в актовом зале. На входе ждали шурин Чэ Хуна, жена старшего сына, свояки и еще человек десять во главе со сватами — родителями жениха. Чэ Чжон нигде не было видно. Скорее всего, она еще раньше зашла в актовый зал, чтобы заблаговременно занять там места. Благодаря ее стараниям жених и невеста вместе с родственниками очутились на лучших местах. Сватью Ан и ее супруга устроили в середине зала, другие сваты со стороны жениха сидели рядом с ними со своими женами.

Когда началась церемония вручения дипломов, Чэ Хун, сидевший рядом с тещей, видимо, зашептал ей что-то смешное на ухо. Та, слушая его, кивала и улыбалась. «Конечно, — подумала она, глядя на них, — он уже почти месяц живет у нее, так что им есть о чем поговорить». Может быть, они рассуждали о том, насколько хороша супружеская гармония, а может, о чужих недостатках и ненужной гордости — в любом случае ей казалось, что их разговор был интересным.

— Только теперь я поняла, что означают слова: «От дочерей нет никакого прока». Старшую дочь мы воспитали, ничего от нее не ожидая, но младшую отец растил, окружив особой любовью. И я тоже вслед за ним... Не знаю уж, чего я ждала от нее и для какого счастья растила, но даже ни разу не заставила ее мыть посуду. А стоило ей выйти замуж, как она на следующий же день раньше всех вышла на кухню и стала готовить своему мужу завтрак. Вы думаете, это все? О нет! Рассердившись, что ее мужу не дают салатный сок, который пил по утрам отец, она начала вставать раньше меня, готовила салатный сок и втихомолку уносила его на второй этаж мужу. Могла бы выжать и еще один стакан для

отца... Глядя, как она выжимала сок для своего мужа, я до смерти ее ненавидела. И знаете, что на это сказал мне ее отец? Что дочь только сейчас поумнела. Ему так нравится младший зять — что бы тот ни делал, он лишь громко смеется. Моя Сучжон, конечно, удачно вышла замуж, но и зятю Чону тоже повезло. Вы согласны со мной? — спросила ее сватья Ан.

— Да, я согласна с вами, — неохотно согласилась она.

Ей казалось, что сватья Ан решила подразнить ее. Она чувствовала, как внутри нее тихо растет злость. Было странно смотреть на новобрачных с той же нежностью, с какой смотрят на красивые цветы, и одновременно чувствовать злость, поднимающуюся в груди, когда невольно сравниваешь свой дом с тем, где будут жить молодые. Странно, но в этот момент она подумала не о своей прошедшей тяжелой жизни, а о том, что ни разу не съездила посмотреть на домик мужа в деревне. В ее голове, словно кадры из старого фильма, который она видела в детстве, всплыли картины одинокой жизни вдовца в доме на отшибе, в котором царили холод, беспорядок и запустение.

— Говорят, что зять в доме — гость на сто лет: с ним будет много хлопот. Но было бы хорошо, если вы отправите в наш дом... — вежливо начала говорить сватья Ан, но в конце концов замаялась и замолчала.

Она разозлилась, потому что та не договорила. Интересно, знал ли сидящий рядом с ними муж о том, какую психологическую войну она ведет со сватьей Ан? Скорее всего, нет, — вытянув шею, он с интересом наблюдал за церемонией вручения дипломов.

— Ой, нет, вы не подумайте, что... Зять Чон — очень скромный и приветливый человек. По правде говоря, он ходит к нам уже год или два. Они с дочкой с первого курса лучшие друзья, но тогда я еще не знала, что он станет моим зятем, и обращалась к нему «эй» или «ты». Он пришелся мне по душе, казался надежным парнем, и мы стали класть на обеденный стол еще один прибор

для него. Муж его любит даже больше, чем я. А несколько дней тому назад мы совершили поминальные обряды по моему покойному свекру. Семья моего старшего сына уже давно живет в США, и он долгое время не мог присутствовать на поминках... Конечно, у нас есть младший сын, но вы знаете, наш младший зять неожиданно вышел вперед и начал жертвоприношение! А разве это правильно, когда нового члена семьи раньше всех знакомят с предками? Но мой муж — простой человек и не соблюдает формальностей. Он, например, не использует поминальные таблички, как того требует традиция, а только портреты предков. На поминках же он часто делал, как ему нравилось делать и в жизни. Он разговаривал с предками так, словно те были живы, а иногда и просил их помочь в разрешении некоторых трудностей. Вот и в этот раз, знакомя их с новым зятем, он так рассмешил всех, что это не поминки были, а сплошное веселье! — Сказав это, сватья Ан, весело расхохоталась.

Она подумала: «Как это мой сын — новый человек? Если кому и суждено стать новым членом нашей семьи, так это ее дочери Сучжон. Как она может говорить, что мой сын Чэ Хун — новый человек в ее доме?»

На соблюдении формальностей и старинных традиций больше настаивала она, чем сваты. Но она так долго не участвовала в поминках семьи мужа, что уже не могла вспомнить, когда это было в последний раз. Муж не был старшим в семье, а большой родительский дом находился в горной глуши. Она лишь припомнила, что он ходил туда один, — еще до того как она стала его невестой. Боясь опоздать на следующий день в школу, муж не ездил на поминки в родительский дом. Он лишь посылал деньги, и эта привычка сохранилась до тех пор, пока он не стал директором школы. Можно было по пальцам пересчитать, сколько раз он вместе с Чэ Хуном ездил на церемонию жертвоприношения предкам. Муж считал, что поминки — это церемония выражения духам предков своей печали и сожаления.

Вполне возможно, что выросший в такой среде Чэ Хун не считал поминки столь уж важной семейной традицией. Но даже если это и так, при мысли о том, что он сделал низкий поклон раньше своей жены на поминках ее предков, у нее портилось настроение. «Вот негодный мальчишка...» — Чем больше она об этом думала, тем сильнее дрожала от злости. Вероятно, ее гнев усиливали и враждебность к сватье Ан, все время говорящей с подковыркой, и ощущение предательства со стороны собственного сына. Ей хотелось немедленно выбежать из актового зала — еще до окончания церемонии. Она схватила руку сидевшего рядом мужа — ей нужен был человек, с которым она могла бы выйти. Но он, не чувствуя, что его схватили за руку, продолжил сидеть, полностью поглощенный происходящим на сцене. Она медленно убрала руку.

Она хорошо знала, какое значение имеет для мужа сцена, — он любил выступления. Стоило ему подняться на сцену, как его противный лающий голос сразу же приобретал солидный тон, а речь лилась плавно и красиво. Независимо от того, насколько маленькой была аудитория, перед которой он выступал, сцена для него оставалась символом авторитета. Стоя на ней, он не мог вынести, чтобы даже один человек в зале слушал его невнимательно. Возможно, ему хотелось не только внимания, но и поклонения. А находясь в зале, он пристально смотрел на сцену, следуя правилам поведения идеальных слушателей.

Причиной, по которой муж, всегда солидный на людях, совершенно по-другому вел себя дома, вероятнее всего была его вера в то, что авторитет главы семьи приходит сам собой с полным конвертом денег. Точно так же он вел себя, когда ему пришлось смириться с раздельным проживанием, у него не возникло даже тени сомнения в искренности ее намерений. Ежемесячно до самой пенсии и после нее в один и тот же день он перечислял ей сначала зарплату, а затем и пенсию, оставляя себе на расходы лишь небольшую часть денег. Сумма

была настолько маленькой, что даже не верилось, будто на нее можно прожить. Пунктуальность в денежных переводах жене и детям, кажется, была его навязчивой идеей.

Она внимательно посмотрела на руку мужа, которую схватила, — грубая ладонь с видневшейся под ногтями грязью. Неожиданно для себя она вздрогнула от нахлынувшего незнакомого чувства, словно наступила на посторонний предмет, который до этого не замечала.

После церемонии присуждения ученых степеней докторов наук и магистров наступила очередь вручения дипломов бакалаврам. Ей захотелось посмотреть на присуждение ученой степени Чэ Хуну. Вручение ему диплома фотографировала Чэ Чжон, но кроме нее еще несколько человек со стороны невестки с камерами направились к сцене. Из-за фотографов, которых у сцены было больше, чем самих выпускников, она так ничего толком и не смогла разглядеть. Сватья Ан снова начала тихо говорить с ней. Вероятно, из-за шума в актовом зале ее шепот, обдувающий мочку уха, казался интимным.

— Не пытайтесь разглядеть. Главное, чтобы фотографии получились хорошими. Что еще остается от любого мероприятия кроме фотографий? Да, кстати, свадебные фото детей вышли хорошо, правда же? Я еще и видеофильм отправляла вам — получили?

— Да, спасибо, я все получила. У нас самих довольно много фотографий и видеороликов. Зачем вы прислали их так много?

— Каждый раз, когда происходит какое-нибудь мероприятие, память об этом — большая радость для нас. Фотография стала чем-то вроде хобби. Я, конечно, не получаю за них призы или назначение на новую должность, но это прекрасные воспоминания о дне свадьбы. Когда я стала фотографировать на память, то решила: надо жить и по возможности стараться запечатлеть события. Просто жить, ничего не запечатлевая, нельзя. Когда я привела в порядок фотоальбом, то очень пожалела, что мы не отправили детей в свадебное путешествие.

— Разве это вы не смогли устроить им медовый месяц? Разве они не сами не захотели ехать?

Она не могла допустить, чтобы над ней вечно подтрунивали, и со строгим выражением лица продолжила задавать вопросы. Дело в том, что свадьбу сыграли не на летних каникулах, а за месяц до отъезда молодых за границу. У Чэ Хуна и Сучжон оставалось еще много незаконченных дел: нужно было получить визу, заранее отправить багаж, восстановить международные водительские права и еще много чего другого. Они волновались и договорились между собой, что вместо свадебного путешествия они остановятся на несколько дней на Гавайях по пути в США. Родители с обеих сторон были предупреждены об этом, но сейчас ей почему-то захотелось придаться к сватье Ан.

— Да, конечно, конечно, вы правы, — сказала сватья Ан. — Но мое родительское сердце с этим не соглашается. Я хотела сделать для них то, что делают другие родители для своих детей. Поэтому я заранее забронировала для них места в гостинице на острове Чеджудо⁴, чтобы после выпускной церемонии они смогли поехать в свадебное путешествие. Они пока еще не знают об этом и, наверное, сильно удивятся. Все сложности, связанные с отъездом, уже завершены, и у них впервые за последние месяцы появилось свободное время, так что, скорее всего, они обрадуются. Конечно, им надо будет по возвращении из Чеджудо сразу пересесть на другой самолет... Но это же лучше, чем бездельно болтаться несколько дней в Сеуле или выпивать с друзьями? Разве я не права?

— Да, вы правы, — быстро ответила она, с ужасом понимая, что ее терпение подходит к концу.

Сватья Ан зачем-то вытащила из сумочки белый конверт и аккуратно показала ей его содержимое. Это были билеты в оба конца и бронь в отеле «Хайят». Затем она осторожно положила конверт ей на колени и прошептала:

⁴ Самый большой остров и самая маленькая провинция Южной Кореи, главный курорт страны.

— Чуть позже, после окончания церемонии, отдайте билеты детям.

— Почему я? — с удивлением спросила она, чувствуя, как начинают краснеть щеки и как внутри снова поднимается злость.

— Какая разница, кто им это отдаст? На них ведь не написано конкретных имен, если вы, уважаемая сватья, поднесете конверт детям, они, наверное, обрадуются еще больше. А с нашей стороны будет естественным оплатить расходы на дорогу. Вы согласны со мной?

Что в действительности значат слова этой женщины? Сватья Ан кажется самой добротой, но невозможно ведь понять, что у нее на душе. Не сделав ничего постыдного, она все же была смущена тем, что попала в сети сватьи Ан, обладающей способностью так унижить человека. От растерянности и возмущения она грубо швырнула лежавший у нее на коленях белый конверт обратно сватье. Но тот ловко застрял в боковом кармане ее же сумочки, в которой, казалось, и не было никакой щели. Это был очень красивый и элегантный жест. От гнева или от стыда ее лицо пылало, словно костер. К счастью, в этот момент как раз закончилась церемония вручения дипломов, и пришедшие поздравить выпускников гости хлынули к выходу. Когда она, подхваченная потоком людей, толкаясь и чуть не падая, вышла на улицу, послеобеденная жара обдала ее тело, словно кипящая рисовая патока. Несколько раз она невольно произнесла вслух, что ей все надоело. Ей казалось, что она тает при такой жаре. Трудно будет в этой колышущейся толпе найти своего мужа и дочь с зятем, а также других членов семьи и родственников сватов, думала она. На месте, куда ее вынес людской поток, не было даже намека на тень, — она стояла в полном отчаянии, словно под пытками.

Муж первым нашел ее и принялся громко упрекать, указывая на людей, собравшихся недалеко под тенью большой дзельквы: «Что же ты стоишь здесь? Пошли туда». Увидев его, она сразу же вспомнила про белый конверт, застрявший в ее черной сумочке и выглядывав-

ший, как накрахмаленный треугольник носового платка в кармане официанта из кафе «Паваротти». Она быстро засунула конверт поглубже и последовала за мужем под тень дзельквы. Там уже собрались все остальные родственники. Они делали вид, что знают только Чэ Чжон, и, окружив со всех сторон Чэ Хуна, по очереди фотографировались с ними обоими. Сын же, как дурак, лишь глуповато улыбался, заваленный цветами и коробками с подарками. Еще в актовом зале она, увидев сватов со всеми этими свертками, подумала: зачем приносить все подарки сюда, если потом все равно заберут его к себе домой — там бы и подарили. Но было видно, что и другие родственники подготовили подарки. Она что — должна стыдиться, придя к сыну с пустыми руками? Но ей действительно стало стыдно. Она подумала: «Этот конверт — насмешка или выражение жалости из-за того, что мы пришли без подарков?»

Сын фотографировался со всеми вместе и по отдельности, здоровался со всеми подряд, все так же глупо улыбаясь. Было заметно, что он пока еще не пришел в себя. Чэ Чжон, пытавшаяся сфотографировать его с родной семьей, вышла из центра и с интересом наблюдала за происходящим со стороны.

Она вспомнила, что во время выпускной церемонии Чэ Чжон родственники ее жениха вели себя так же. Несмотря на то что это была первая встреча родственников, они совершенно игнорировали ее с мужем и фотографировались только с Чэ Чжон. Окружив ее со всех сторон, они восхищались ее красотой и элегантным нарядом. Но тогда поведение новой родни не раздражало ее. Она считала такое отношение нормальным, так как они с мужем были родителями невесты. Но поскольку у нее был еще и сын, она думала, что уж со стороны родственников невестки подобного пренебрежительного отношения не будет. В прошлый раз это было не так унизительно, и у нее был шанс отомстить — при желании. Кроме того, во время учебы у дочери появился любимый человек, и на выпускной церемонии из университета она полностью

завладела вниманием его родственников, — осознавать завистливые взгляды было не так уже плохо. А сейчас — ну что за дурацкий вид у сына?! Кого теперь-то упрекать, как не себя? Она пристально смотрела в его сторону, словно главнокомандующий.

Наконец Чэ Хун, кажется, почувствовал неодобрительный взгляд матери. Словно его поймали на чем-то нехорошем, он тут же подбежал к ней. Растерянно улыбающийся Чэ Хун, конечно, был ее сыном, но сейчас он был похож на дурака! И, словно собираясь загладить вину перед матерью за то, что бросил ее, он быстро снял со своей головы квадратную академическую шляпу и собрался надеть ей на голову. Чэ Чжон, наконец дождавшись своей очереди, подняла камеру, чтобы сфотографировать мать с сыном. Но она с силой оттолкнула его и убрала из-под шапки голову. «За кого ты принимаешь свою мать?» — хотела она возмутиться, но тут послышался голос мужа:

— Да что с тобой? Если ты рада, то покажи, что рада! Напрасно ты злишься в такой хороший день. Чэ Хун, не видишь, что твоей маме не хочется надевать шапку? Давай я ее надену! Как там ее называют, квадратная академическая шляпа или...

Сконфуженный Чэ Хун был спасен: он радостно водрузил на голову отца квадратную шапку и дружески обнял его. Тут уже не только Чэ Чжон, но и все члены семьи сватов, словно произошло нечто значимое, нацелили камеры на почтительного сына и гордого счастливого отца. На короткое время муж внезапно стал звездой. Хоть он и выглядел простодушно, как настоящий крестьянин из семидесятых годов, который продал землю и коров, чтобы помочь сыну окончить университет, но снова и снова позволял снимать себя. Глядя на то, как все радуются, она в душе пожелала, чтобы зять Чон, муж ее дочери Чэ Чжон, тоже как можно скорее получил степень магистра или доктора философии и пригласил тестя в США. Атмосфера снова стала дружественной и теплой, казалось, что время

специально течет медленно, чтобы все могли сполна насладиться каждой минутой.

Кто-то из родственников невестки мешал всем фотографировать, говоря, что у пруда, конечно, хорошо, но еще лучше будет пойти к летнему театру под открытым небом рядом с мемориальной башней в честь демократической студенческой молодежи. Ни у кого не нашлось возражений, поэтому огромная семья шумной толпой начала продвигаться к живописному месту, где уже собралось много народу.

Чэ Хун шагал то с членами одной семьи, то другой, то рядом с матерью, то с тещей, ловко подстраивался под них и сдерживал свой шаг. Было очевидно, что если бы не сын, соединяющий собой обе семьи, они могли бы на время потерять друг друга в толчее. Всякий раз, когда сын, дружески поболтав о чем-то с тещей, затем подходил к ней и брал под руку, ей становилось противно, и она задавалась вопросом: откуда у него эта привычка подхалимничать?

В летнем театре под открытым небом репетировали студенты, а к памятному обелиску стеклось море желающих сфотографироваться. Это место показалось ей подходящим для того, чтобы незаметно уйти. А сватья Ан, вероятно, подумала, что именно здесь стоило бы передать конверт, — у нее было достаточно времени, чтобы определить это.

Она тоже постоянно думала о белом конверте в боковом кармане ее сумочки: он беспокоил ее, словно колючка, прилипшая к нижнему белью. Выбрав момент, когда не было видно Чэ Хуна и родственников невестки, она поймала мужа за рукав и с силой притянула к себе. Внезапная мысль о бегстве совпала с последней возможностью сделать это. Она испугалась своей странной мысли, у нее гулко застучало сердце и задрожали вдруг ослабевшие ноги.

Когда она поняла, что ей удалось незаметно уйти, словно вору, убежавшему с деньгами, то ли от возбуждения, то ли от удовольствия ей показалось, будто ее тело раздулось, как воздушный шар перед тем, как лопнуть.

Может, это было не удовольствие, а бушующий внутри злой дух? Она отчетливо ощущала эту вырывавшуюся из нее злую силу. Насколько же эта возможность — сделать больно другим — была приятной! Она прикусила губу, не в силах сдержать смех.

Муж, насильно увлекаемый ею, все время спрашивал, куда они идут, но жена не отвечала. Он, вероятно, думал, что она ищет туалет, и послушно следовал за ней. Когда они подошли к главным воротам университета, она, успокоившись, равнодушно сказала:

— Я хотела незаметно уйти. В семье невестки сегодня хотят отправить Чэ Хуна и Сучжон в свадебное путешествие на остров Чеджудо — в качестве подарка на окончание университета и на медовый месяц. Если мы останемся, придется долго прощаться, а после всем вместе поужинать. Мы еще не настолько близко породнились, зачем нам оставаться?

— Правда? Да, в доме сватов приложили много усилий... Тем не менее было бы лучше вежливо проститься с ними — вдруг они будут искать нас, думая, что мы потерялись?

— Не волнуйся. Я по глазам сына поняла, что он, скорее всего, обо всем догадался. Он им все правильно объяснит.

— Разве мы не должны дать им денег хотя бы на карманные расходы? Ты, конечно, обо всем позаботилась заранее, но...

В последних словах мужа сквозила насмешка. Она совершила проступок без его согласия, и внезапно ей стало тоскливо. Она совершенно не понимала саму себя, свою попытку хоть на короткое время помешать радости сына и невестки, и овладевшую ею злобную силу, желавшую задержать отъезд сына хотя бы на день. Она будто выталкивала себя из собственного тела — таким было ощущение странного одиночества, не похожего на то, что она испытывала раньше. Злобный дух, словно морок, внезапно исчез, однако упрямство и желание чинить препятствия так и не прошли.

— Мы остались только вдвоем... Давай поужинаем вместе, а потом разойдемся, — спокойно сказал муж. В его предложении не было ничего интимного — чистая формальность.

— Солнце ведь еще высоко? — ответила она, несколько удивленная его предложением поужинать.

Едва видневшееся сквозь жаркую дымку солнце, не зная усталости, согревало все вокруг. В такую жару и не поверишь, что уже закончился первый месяц осени.

— И все-таки не лучше ли вместе поужинать и разойтись? — невозмутимо предложил муж. — Разве не знаешь, как неловко есть одному...

«Интересно, — подумала она, — почему он так спокойно произносит эти слова?» Представив на секунду, как будет сидеть с ним за одним столом, слушать его противный голос, наблюдать его грубые деревенские замашки, неряшливую одежду, она потеряла всякое желание ужинать.

— Сегодня я хочу съездить с тобой в деревню Барани. Почему ты так испугался? Нам что, нельзя туда ехать?

Барани — так называлась деревня, где жил муж. Она знала это со слов дочери. Чэ Чжон сказала, что название деревни очень красивое, но когда она впервые услышала «Барани», у нее испортилось настроение. Перед глазами всплыли образы стариков, которые, вытянув шеи, целыми днями пристально смотрят за околицу в надежде, что кто-то из детей случайно забредет к ним.

Муж удивился, но тут же равнодушно сообщил, что туда придется ехать на поезде. Ничего не говоря, она последовала за ним. Ей было жаль саму себя, напрасно суетившуюся сегодня для того, чтобы унять чувство потери сына, но решила идти до конца⁵. В любом случае сегодня она поступила неправильно.

⁵ В Корее выражение «идти до конца», используемое в разговоре между мужчиной и женщиной, если они не являются супругами, означает взаимное согласие на интимные отношения в каком-нибудь отеле.

Новая железная дорога выглядела чистой и надежной по сравнению со старой веткой. Муж сказал ей, что на станции Вангсимни надо пересесты на поезд национальной железной дороги и, доехав до конечной станции, пересесты на автобус. Словно получив ее согласие, он стал подробно объяснять, как они будут добираться до деревни Барани. Она делала вид, что слушает, пытаясь одновременно вспомнить что-нибудь связанное с этой деревней, но ничего, кроме рассказов дочери, в памяти не всплывало. Несмотря на то что она прожила в Сеуле долгое время, о местном транспорте она знала не больше, чем муж. Боясь потерять приобретенных с таким трудом постоянных клиентов, она ни разу не поменяла адрес своего магазина. Покупатели, жившие в основном в соседних многоквартирных домах, естественно, часто менялись. В ее работе было неважно, сколько терялось или приобреталось постоянных клиентов, важно, чтобы они были. При этом абсолютно все равно, кто они, где живут и чем зарабатывают на жизнь. Когда она разговаривала с клиентами, то чувствовала, что до конца постигла некую житейскую тайну. Она постаралась сделать свой магазинчик максимально уютным местом, где покупателям хотелось бы просто провести время за пустой болтовней, даже если нужного товара не нашлось. Но после открытия рядом с ее магазином большого универмага и появления перед ним автобусной остановки дела пошли хуже. Сначала постоянные клиенты, войдя в магазин, делали вид, что рассматривают товары, но стоило появиться автобусу, быстро выходили и садились в него.

Им с мужем пришлось несколько раз подниматься по лестницам, чтобы добраться до станции национальной железной дороги. Последняя лестница была узкой и располагалась в безлюдном месте, словно от кого-то скрываясь. Остывающая земля ждала захода солнца. Алый закат, отчаянно цепляясь за угол многоэтажки, ярко горел, словно пылающий древесный уголь. На открытой платформе, где они с мужем ждали поезд, негде

было скрыться от солнца. Она подумала, что эта платформа построена не для ожидания поезда, а для наказания ожидающих. Но люди стояли на раскалившейся за день бетонной платформе с отрешенным или беспечным видом, совершенно не обращая внимания на жару.

Лысая голова мужа, тускло отсвечивая, снова начала потеть. Глядя на него, она подумала, что если погладить его по голове, то пот будет липким, как смола корейской сосны. Об этом даже думать не хотелось. На бетонном столбе висело расписание движения поезда, согласно которому тот должен был ходить каждые двадцать минут. Она подумала, что здесь ей приходится терпеть не столько жару, сколько унижение.

Говорят, если упорно ждать чего-то, то обязательно будет результат. И действительно, вскоре на платформе стало так же прохладно, как и в метро. Пейзаж возле этого участка железной дороги выглядел настолько незнакомым, что ей не верилось: неужели в пределах Сеула может быть такое место? Это не было ни деревней, ни городом, скорее, заброшенное пустынное поле, через которое медленно протекала речка — поток протухшей воды. Видневшиеся вдаль массивные бетонные столбы, поддерживающие кривой мост, который вел неизвестно куда, казалось, пустили корни в заболоченной почве. Густая трава, упрямо пробивавшаяся сквозь ржавые куски искореженного металла и груды разбросанных как попало гнилых досок, казалось, хотела поглотить стоящий в отдалении заброшенный холодный дом. Деревенские дома-коробки выстроились так близко к железной дороге, что казалось, будто они касаются рельсов. Крыши были увешаны бельем, во дворах цвели лагерстремия и ярко-красный петушиный гребешок, но не было видно ни одного ребенка, грозившего бы проезжающим мимо поездам кулаком или камнем. Странная деревня.

Ее вдруг осенило: насколько муж похож на этот участок железной дороги! И стоило ей об этом подумать, как люди, пришедшие на эту станцию, чтобы сесть на поезд, тоже начали выглядеть странными по сравнению

с пассажирами метро, словно были людьми другой расы. Муж неподвижно сидел на скамейке с закрытыми глазами — неизвестно, спал или только притворялся. «Черт возьми, что я сейчас собираюсь сделать?» — мелькнуло у нее в голове. Разлука с сыном сильно подкосила ее, и она чувствовала себя так, словно внезапно провалилась куда-то. Разве она могла знать, что на этой, казалось бы, ровной дороге, по которой она шла столько лет, вдруг окажется столь глубокая яма? Чувствуя, что падает в бездонную пропасть, она уставилась на спящего мужа, словно схватилась за спасительную соломинку.

На станции, где выходило много людей, она разбудила его и, не в силах больше терпеть свое отвратительное настроение, стала протискиваться к выходу. Ничего не понимая, растерянный муж вышел вслед за ней на перрон. Он сказал, что им надо ехать до конечной, и собрался было снова сесть в поезд, но она с силой потянула его за собой:

— Я вышла здесь, потому что нам нужно сходить кое-куда.

— Куда? Вот так вдруг?

— Дети сегодня отправляются в свадебное путешествие, так? Давай и мы тоже попробуем весело провести время. Если отправимся в деревню Барани, кто там будет радоваться нам? Комары? — сказала она, вспомнив, как Чэ Чжон каждый раз обязательно брала с собой репеллент.

— Но ты же сама говорила, что хочешь съездить в деревню Барани, — спокойно, словно уговаривая маленького ребенка, напомнил муж.

Однако поняв, что не сможет переубедить ее, он зашагал вперед и спустя какое-то время вошел в ресторанчик, где готовили свиные ребрышки. Она вошла вслед за ним. Кондиционера не было, вместо него на потолке крутился вентилятор, похожий на пропеллер древнего самолета. Несмотря на то, что над каждым обеденным столом, где жарились на огне свиные ребрышки, висела вытяжная труба, огромный зал был полон дыма.

То ли оттого, что уже наступил вечер, то ли оттого, что ресторан был популярен среди местных жителей, в нем почти не было свободных мест. Внутри царили веселье и беззаботность. Было приятно смотреть на мужа, который вел себя естественно, словно бывал здесь раньше. Причиной, по которой он послушал ее и не сел обратно в поезд, был сильный голод.

Официант принес ребрышки, жаровню с горящим древесным углем и закуски к рису, а все остальное надо было набирать самим. Для удобства муж нарезал жареные куски мяса на мелкие части и, разложив их на решетке, попросил официанта сменить жаровню. Заметив, что она удивленно смотрит на то, как ловко он справляется с обжаркой, объяснил, что иногда приходит сюда попробовать дешевую, но вкусную и сытную еду.

Муж, до самой лысой макушки пропитанный запахом жаренных свиных ребрышек, наелся досыта и, выйдя довольным из ресторана, несколько раз повторил: «Это было очень сытно и не очень дорого». Она, не оглядываясь на него, быстро прошла вперед и прямо перед рестораном поймала такси. Усевшись на заднее сидение рядом с растерянным мужем и глазом не моргнув, она сообщила ему, что сейчас они поедут в какой-нибудь хороший «лав-отель» с прекрасным видом из окон. Сделав особый акцент на слове «лав-отель», она спокойно добавила:

— Ты ведь в таком месте ни разу не бывал?

— А ты ведешь себя так, словно была там не раз, — сказал он, все еще находясь в замешательстве.

— Ты так думаешь? Нет, для меня это тоже впервые, — ответила она.

Оба не только знали, что никто из них ни разу не посещал подобных мест; даже если бы один собственными глазами увидел второго входящим в «лав-отель», ему все равно и в голову бы не пришло заподозрить свою вторую половину в желании развратничать. «Да, мы такие, — подумала она. — Но значит ли это, что мы хорошие супруги? Как мы дошли до таких отношений?»

От ощущения, что все идет не так, как она планировала, у нее бессильно опустились руки. К счастью, такси остановилось перед трехэтажным домом с видом на реку Ханган. Добродушный водитель счел их старомодными супругами. Отель, согласно ее тайному замыслу, был конечным местом их долгих дневных скитаний.

Муж, заплатив за такси, подошел к стойке администратора.

— Немного отдохнете и поедете дальше? — спросил тот.

— Нет, нам хотелось бы остановиться на ночь, — сказал муж и повернулся к ней, словно ища согласия.

Услышав эти слова, она стыдливо покраснела, кивнула, отвернулась и стала внимательно смотреть в окно в конце коридора, в котором виднелось небо.

— А у тебя, оказывается, много денег, — заметила она немного иронично, следуя за мужем. Она сказала так, потому что тот, о ком она думала как о самом жадном человеке на свете, с легким сердцем расплатился не только за ужин, но и за отель. У него никогда не водилось лишних денег, он всегда был скупым до невозможности, но она не злилась на него за это. Они уже давно были равнодушны друг к другу, но его деликатность в денежных вопросах до сих пор ее удивляла — и ей стало стыдно за свои слова.

— Эти деньги были накоплены не для Чэ Хуна, а для выпускной церемонии. Я собрал небольшую сумму на случай, если вдруг придется заплатить за обед со сватами.

Она хотела что-то сказать ему, но после его спокойного, немного грустного ответа промолчала.

Небольшой номер в отеле был тускло освещен, но оказался уютным и не таким вульгарно-красивым, как она себе представляла. Через широкое окно она увидела реку Ханган и разбросанные по противоположному холмистому берегу красивые дома — не то коттеджи, не то отели. Она выглянула в окно: одна сторона сада так близко подходила к реке, что, если немного пройти по

красиво подстриженной лужайке, можно окунуть ноги в речную воду. Она долго смотрела в окно, пока супруг принимал душ.

— Уф, как хорошо!

Она повернулась и увидела вышедшего из ванной мужа. Улыбнувшись, она сказала: «Ой!» и стыдливо отвернулась. Стоящий перед ней в трусах муж выглядел отвратительно. Кожа на бедрах была как сморщенный водяной пузырь, а голени с редкими волосами под выступающими коленями были сухими, точно палки. Ей показалось, что по ее телу пробежали мурашки — такое она испытала к нему отвращение. Но это было не омерзение... нет, нечто иное. В том чувстве отвращения был какой-то блеск. Она не удивилась своим ощущениям. — они никогда не были нежными супругами. В те времена, когда они еще жили вместе, муж, вернувшись с работы, расхаживал по дому в одних трусах. И хотя она беспокоилась и часто говорила ему, что из-за его привычки невозможно будет жить с будущей невесткой, отвращения он в ней не вызывал. Правда, это не значило, что в то время он был привлекательным. Его можно было сравнить со старым шкафом для одежды, с письменным или обеденным столом — они ведь не вызывают никаких эмоций, когда стоят на своих местах. Так же и она была равнодушна и к мужу.

Удивленная неожиданным возникновением давно забытых чувств, она совсем перестала думать о конверте, полученном от сватьи Ан. И тут она увидела перед собой телефон. И хотя звонок, который нужно было сделать сегодня, значился в заранее предусмотренном ею сценарии, сердце ее взволнованно забилося. На другом конце провода трубку подняла сватья Ан. Пропустив слова приветствия, она быстро проговорила:

— Ой, что делать, сватья? Я забыла передать билеты детям! Муж так спешил! В такой день, как сегодня, мы посчитали, что нам лучше вежливо удалиться, чтобы ваша семья могла безраздельно владеть нашим сыном. Если бы мы остались, вы почувствовали бы себя неудобно.

Я сейчас в загородном доме друга мужа в Чонпхене. Супруг много времени проводит на ферме, поэтому стоит ему приехать в Сеул, он совершает всякие милые глупости, чтобы понравиться мне. Ох, о чем это я? Сделав такой срочный звонок, опять говорю о другом! Что сейчас делают наши дети? Они, наверное, не смогли улететь в свадебное путешествие, ведь билеты-то у меня... Завтра еще не будет поздно? Завтра рано утром я поеду в Сеул... Как подумаю, что я могла забыть об этом, хочется умереть со стыда. Ведь я расстроила планы детей! Что же делать?

— О, ничего страшного. Они отправились в свадебное путешествие, как и планировали. Из-за того, что нет билетов, разве отменят предварительный заказ? Ни о чем не волнуйтесь, желаю весело провести время, — ответила сватья Ан без всякой подковырки.

И хотя сватья говорила кратко, ей все же почудился пренебрежительный тон, который обнажал скрытый смысл. Если долго рассуждать о чужих недостатках, то со временем становишься похожим на того, кого ругаешь. Теперь же было все наоборот: если и следовало кого-то ругать, то только ее.

Как же так... Все ее усилия хоть немного помешать чужому счастью оказались напрасны. Странное удовольствие, которые она получила, когда плела интригу, вернулось обратно к ней, обернувшись насмешкой со стороны сватьи Ан. Она переживала собственную неполноценность и ощутила невыносимую боль в груди.

В этот момент донесся беспокойный голос мужа:

— Ты случаем не допустила какую-нибудь бестактность по отношению к семье сватов? Кажется, ты вела себя с ними крайне неприлично?

— Почему ты так говоришь? Ты же ничего не знаешь! — резко ответила она. Ей хотелось расплакаться от обиды: всё вышло не так, как она запланировала!

— Ты умна, даже чересчур, — сказал муж. — Я всегда искренне так считал, но заметил, что с того момента, как наш Чэ Хун стал унижаться перед свекровью, ты стала вести себя неприлично.

Чувствуя, что после любого слова, которое он сейчас скажет, у нее польются слезы, она стиснула зубы и промолчала. Снова раздался голос мужа:

— Чэ Хун сказал, что должен поехать за границу, чтобы продолжить учиться по специальности, иначе ему будет трудно зарабатывать себе на хлеб. Я не смог отговорить его, но беспокоюсь о расходах на его учебу. У меня нет других талантов, кроме как экономить деньги... И мне жаль, что ты так страдаешь.

— Нечего меня жалеть! Почему мы должны продолжать помогать детям? Я думаю, хватит и того, что мы уже сделали для них.

— А что мы сделали для детей?

— Когда невестка выходила замуж за нашего сына, сваты сказали, чтобы мы не беспокоились о расходах на свадьбу и подарки. Ты хоть знаешь, какая сумма нужна для проведения свадьбы, если все делать как следует, по старинной традиции? Сваты вошли в наше положение и сразу предложили нам забыть о тратах. А затем сообщили, что примерно такую же сумму они поменяют на доллары и пошлют детям. Когда же дети истратят эту порядочную сумму, которую возьмут с собой, невестке придется начать работать. Они едут учиться за границу, потому что я уговорила их.

— Куда это годится? Давай постараемся ежемесячно отсылать деньги детям, еще немного урезав текущие расходы, — сказал муж с пафосом.

— Вижу, тебе по душе надрываться! Но я не хочу и не могу больше экономить. У меня сейчас в магазине дела идут плохо, я даже подумываю закрыть его через некоторое время. И не жди, что я буду зарабатывать. Хочешь помочь им? Экономь на всем сам и отсылай деньги. Или езжай посмотреть Америку. И вообще, делай, что хочешь, только не трогай меня!

— Ты действительно не знаешь, сколько я трачу на жизнь?

Услышав в его голосе нотки грусти, она вскочила:

— Отдыхай. Я пойду немного проветрюсь.

Она отвернулась от лежащего в постели мужа и быстро вышла из комнаты, словно сбегала. Ей и вправду хотелось убежать. Но путь к бегству был отрезан — она ушла, оставив в номере свою сумочку. В коридоре на втором этаже было тихо, как в пустом доме. Запасной выход в конце коридора был слегка приоткрыт, там имелась небольшая комната для курения. Стальная спиральная лестница вела в сад. В тихом и безлюдном саду, который она осмотрела, спустившись по лестнице, находился небольшой пруд, а в тени деревьев стояла скамейка.

Она оглянулась: кое-где в комнатах третьего этажа горел свет, в других было темно. В их комнате свет был тусклым, едва заметным. Небольшая пустота, возникшая сегодня днем из-за бессмысленной суеты, превратилась в пустоту зияющую, сделав ее саму бесконечно маленькой и жалкой. Вероятно, это она и предчувствовала, суетясь целый день. Падая в бездонную яму, она, словно утопающий, хваталась за соломинку, и вот обнаружила, что последнее, за что она может схватиться, чтобы выжить, была всего лишь нога мужа. Это была яркая отчаянная реальность: ей придется встречать старость в одиночестве, она никогда больше не будет жить со своим мужем, деля с ним одну постель.

Сегодня она заманила его сюда не ради секса. Они уже были не в том возрасте, чтобы страстно желать этого. Да и в разгар молодости они не слишком любили подобное удовольствие. Они с трудом поддерживали рутинный супружеский секс, а после того, как разъехались, вообще перестали нуждаться в нем. Живя раздельно, они стали совершенно чужими людьми — у них не было даже чувственной близости. Будь у них хотя бы такая близость, возможно, нога мужа не выглядела бы сейчас столь неприятной. Если бы с окончанием интимной близости она не была бы так равнодушна к его телу, то, возможно, не пренебрегла бы сексом. Но то, что она почувствовала сегодня, не было сексуальным желанием. Она была бы довольна, даже если они ограничились лишь

почесыванием друг другу спины. Просто в этот день ей хотелось провести время с мужем, чтобы заполнить ту огромную пустоту, внезапно возникшую, как ей казалось, из-за разлуки с сыном. Разве в такой день исполнить подобное желание не было более красивой мечтой, чем страстное желание заняться сексом? Осознав, что даже почесывание друг другу спины ничем не поможет, она впервые пожалела, что прекратила интимные отношения с мужем. Она не знала, что это обернется бедой, которую, вероятно, уже нельзя исправить.

Она долго просидела на берегу реки, рассеянно глядя на текущую мимо воду, и вернулась обратно в номер. Тут было прохладнее, чем на берегу, где дул сильный ветер. Даже не сняв покрывало, муж лежал на кровати, раскинув руки, и храпел. Обнаженный, в широких изношенных трусах. Подумав, что он может простыть, она подавила в себе неприязнь и собралась уже приподнять край покрывала в цветных узорах, чтобы накрыть его. Невольно еще раз она взглянула на тело мужа.

Местами его кожа покраснела от комариных укусов; старые укусы выглядели бесчисленной россыпью синих точек. И как только проклятые комары могут пить кровь из настолько высохшей, похожей на палку, ноги? Разве можно быть такими безжалостными? Как же он вообще жил, если его тело стало вот таким?

Внезапно вся его чрезвычайно скромная и тяжелая жизнь предстала перед ее глазами. Получая хорошую пенсию, муж мог бы жить гораздо лучше, если бы не тратил почти все на свою семью.

Горячей волной к самому горлу подступило сострадание к мужу, который сам себя связал патриархальным долгом. Она тихо начала гладить покусанную комарами ногу мужа, словно старую мебель, истрепанную временем.

ЕЕ ДОМ

Невозможно представить, с каким чувством Коптан восприняла ту свадьбу.

Говорят, что при виде крови даже у здорового человека нарушается психика.

У кровавых слухов такой же эффект.

Не только члены семьи Коптан, но и жители деревни, казалось, потеряли рассудок.

Всё, что односельчане могли сделать для Коптан, — это не выдавать ее японской армии.

Прошлым летом на съезде писателей я организовала собрание, где в поддержку северокорейских поэтов декламировала их стихи. Я думала, что в этом мероприятии будут участвовать только поэты, однако уважаемые люди из всех слоев общества, сказав, что у каждого опытного чтеца свой индивидуальный стиль, попросили меня прочитать несколько их любимых стихотворений. Мне было неловко слышать о себе как об опытном чтеце, но поскольку собрание проводилось под лозунгом помощи Северной Корее, я не смогла отказать. Но главной причиной моего согласия были не имена известных людей, которые я даже не смогла запомнить, а то, что

среди предложенных ими произведений было одно стихотворение, которое мне очень хотелось продекламировать. В то время я была очарована стихотворением Ким Ёнтхэка¹ «Ее дом». Не могу сказать, что это мой самый любимый автор, но он определенно входил в число тех поэтов, чьи стихи мне нравились. Точно так же я не могу утверждать, что это стихотворение является его визитной карточкой. Я просто хотела его прочесть.

Вот оно:

С приходом осени весь дом желтеет от листьев гинкго.
На закате дня издали он первым бросается в глаза.
Когда я вспоминаю этот дом, он всегда грустный,
Когда я смотрю на него, он всегда дружелюбный.
Когда я ночью возвращаюсь домой,
То в черных горах вижу дом с теплым светом.
И я думаю о том, как она, сидя под этим светом, вышивает,
Вспоминаю ее плечи и черные волосы...
Это дом, где можно согреть руки.

Дом, где цветут абрикосы.
Дом, где весной абрикосы цветут белым.
Дом, где белые лепестки, пролетая над забором,
Мягко опадают на землю.
Когда в ведро с водой, которое она несет,
Падают лепестки, поднимаются волны,
Которые чисто омывают тот дом.

Когда желтые листья гинкго опадают,
Та девушка,
Ее отец
И старший брат,
Поднимаются на крышу,
И целый день покрывают ее желтым цветом.
Желтый дом.

Когда сквозь открытые ворота показывается двор,
Я вижу девушку, спящую по нему,
И слышу ее непонятные слова о том, что что-то случилось.

¹ Ким Ёнтхэк (род. 1948 г.) — современный южнокорейский поэт.

Когда иногда я вижу ее мелькающий подол,
Мне хочется войти во двор и помочь ей.

Желтый дом с лучами солнца во дворе —
Дом, над которым вьется вечерний дым,
Дом, где на заднем дворе созревает хурма.
Дом, где чирикают стайки воробьев.
Дом, над которым идет снег.

Дом, где снег, пройдя по краю карниза,
Утром спускается во двор.
Дом, где девушка, съездившись от холода,
Проходит через неподметенный двор,
Несет кимчи и, вздыхая:

«Ах, как красиво падает снег»,
Смотрит на небо.

Когда она, стряхнув снежинки с ресниц,
Открывает чан для хранения кимчи,
Белые снежинки мягко падают в него.
Дом, где на поясицу девушки, которая легла на чан,
Бесконечно падают снежинки.
Дом, куда и я снежинкой падать хочу.
В эту ночь и еще несколько ночей шел снег.
В безмолвную безлюдную ночь,
Когда из ее комнаты сочится теплый свет,
Скрывая следы, я прохожу через двор

и встаю перед ее окном.

Стоя под стрехой и глядя на туфли, покрытые снегом,
Страхиваю снег с волос и с плеч.

Дом, где голосом, не слышным даже снежинкам,
Хочется позвать ее.

Дом,
Ее
Дом.

В какой же день это случилось,
Когда однажды я столкнулся с ней,
Шагавшей с корзиной рисовой рассады на голове?
«О боже мой!» — испуганно воскликнув, она застыла
И, глядя на меня снизу вверх, не скрывая радости,
Широко улыбнулась, обнажив белые зубы,
Словно разбросанные в поле рисинки.
Та девушка,
Похожая на пион.
Та девушка...

Дом, где жила девятнадцатилетняя девушка, —
Первый в узком переулке нашего села.
Когда я возвращаюсь домой,
То, выйдя из машины, сразу смотрю на него.
Когда не вижу ее, проходя перед тем домом,
Мои шаги сами собой замедляются.
О, теперь в этом мире нет того дома —
Дома, построенного в моей душе.
Когда я закрываю глаза, в нем летают цветы абрикоса.
Дом, где падает снег между ветвями абрикоса,
Три дня идет похожий на хлопок снег.
Ее дом.
Дом, где всегда, каждую минуту,
Жила моя душа.
Дом,
Ее
Дом...
Как подумаю о нем,
Как подумаю о нем...

Впервые прочитав это стихотворение в литературном журнале «Зеленый обзор»², я была поражена, — оно как будто рассказывало историю любви девушки Коптан и юноши Мандыка из моей родной деревни. Сейчас Чан Мандыку уже больше семидесяти лет, но в нем все еще не погас молодой литературный задор. Несколько лет назад он говорил, что с наступлением весны у него начинает чаще биться сердце. Я предвидела хорошие отклики на это стихотворение и знала, насколько невыносимо болезненным бывает учащенное сердцебиение. Если бы это было стихотворение не Ким Ёнтхэка, а какого-нибудь неизвестного поэта, я бы ни на секунду не сомневалась, что его написал Чан Мандык под вымышленным именем. Я снова и снова перечитывала его. Тусклый сначала образ героя постепенно становился четче, словно фотография, погруженная в проявитель. Когда передо мной раскрылась вся красота его застенчивости,

² Литературный журнал, основанный в октябре 1999 года, выходит раз в два года.

я, не в силах превозмочь ноющую боль в душе, медленно опустошила бутылку вина.

Коптан была единственной дочерью в семье. У нее было четверо долговязых старших братьев. Каждую осень трудолюбивый отец и его крепкие сыновья раньше всех в деревне крыли крышу соломенными матами. Пять здоровых мужчин могли сделать это очень быстро, но самым первым на крышу их дома поднимался и при этом больше всех суетился Мандык. Он тогда был единственным из нашей деревни, кто учился в средней школе уездного городка, и, естественно, часто не мог участвовать в общественных работах, где требовалась взаимопомощь. Несмотря на то, что в доме Коптан не нуждались в дополнительных рабочих руках, он первым бросался на подмогу. Мандык был другом самого младшего сына в семье, однако все в деревне знали: едва заслышав, что в доме Коптан есть работа, Мандык готов мчаться туда сломя голову... но не из-за друга, а из-за его сестры.

Однажды в теплый осенний день, когда из кухонь, где готовился обед, в небо тянулся дымок, деревенские старики, завидев, что Мандык взобрался на крышу раньше хозяев и гордо расхаживает там, покачивали головами и цокали языками, с улыбкой приговаривая: «Конечно, когда твоя девушка красива, ты готов кланяться даже дому ее родителей». Вся деревня знала, что скоро Мандык станет мужем Коптан.

Но больше, чем у стариков, отношения Мандыка и Коптан вызывали интерес у моих ровесников, которые были младше этой пары. Разговаривая об их любви, мы испытывали странное волнение. В отсталом селе сороковых годов двадцатого века, кажется, и не бывало так, чтобы парень любил девушку втайне от родителей. По селу постоянно ходили слухи о том, что кто-то с кем-то украдкой встречается или кто-то в кого-то влюбился, или даже у кого-то с кем-то интимная связь. И если об этом становилось известно, то всё оборачивалось шумным скандалом, после которого родители уже не могли

ходить с гордо поднятой головой. Для них все кончалось плохо, если не сказать отвратительно, вплоть до того, что приходилось уезжать из деревни.

То, что Коптан и Мандык нравились друг другу, люди не считали чем-то неприличным или постыдным, поскольку те встречались у всех на виду. Возможно, они таким образом хотели уберечь свои романтические встречи от скандалов. Свести их отношения к чистой любви было неким общим стремлением деревенских жителей. Все деревенские парни изучали в частной школе хан-мун, а девушки в основном были неграмотными и могли учиться, только подглядывая из-за плеч парней. По слухам, еще нескоро они смогут посещать новую школу западного типа в уездном городке, который находился в семи километрах от деревни. Деревенские очень хотели, чтобы их дети имели возможность получать там образование. О любви они, кажется, думали примерно так же, испытывая непреодолимое любопытство в отношении новых цивилизованных нравов людей, выучившихся в большом городе. Возможно, именно поэтому любовь Мандыка и Коптан довольно рано признала не только молодежь, но и придирчивые ко всему старики, которые еще до начала их отношений радовались и, слегка прищурив глаза, представляли, что однажды Мандык и Коптан станут парой, на которую будет приятно смотреть. Отцы Коптан и Мандыка были крестьянами, в собственности у которых было столько земли, что урожая с нее хватало, чтобы продержаться до следующего года. Ко всему прочему они хорошо разбирались в людях. У Мандыка были только старшие сестры, а у Коптан — только старшие братья, оба в своих семьях были долгожданнами и любимыми детьми и, конечно же, заслуживали эту любовь.

У Коптан, в отличие от других сельских детей, была белая кожа и чистые ясные глаза с тонкими и длинными ресницами. Я не знала, как описать словами, насколько длинными были ее ресницы, и в конце концов нашла самое подходящее определение в стихотворении

Ким Ентхэка: «Они были длинными, как время отдыха, когда выпадал снег. Когда снег, растаяв, превращался в капли росы, влажные ресницы бросали тень на ее черные глаза, словно таяло тревожное состояние души, и ее лицо обретало грустное выражение».

Мандык был умным парнем: научишь его одной вещи — он сам догадается еще о десяти. Он был похож на драгоценный камень, украшающий шляпу, — в деревне трудно было встретить другого человека с такими способностями. Если Мандык был родившимся в ручье драконом, то Коптан — выросшим в грязи цветком лотоса. Люди, представляя, что в будущем (если им ничто не помешает), эти двое станут женихом и невестой, невольно вздыхали: какой же красивой парой они станут! Все единогласно утверждали, что это будет брак, заключенный на небесах. Обе семьи были крепкими, родители известны в деревне своими простодушием и честностью, а влюбленных люди с детства нарекли женихом и невестой, наблюдая за тем, как они растут. Их постоянно хвалили и баловали. Мандык и Коптан были самыми красивыми, словно из сна, цветами нашей деревни.

К каждому из них уже один-два раза наведывались свахи. Все чувствовали, что они были идеальной парой, словно само Небо связало их супружескими узами, однако свахи неожиданно натыкались на холодное отношение с их стороны. Когда мужчина и женщина любят друг друга, это похоже на игру Неба, результат которой человек не может предугадать или запланировать. И когда кто-нибудь строил насчет них планы, Мандык и Коптан изо всех сил сопротивлялись этим планам, желая их разрушить.

Однако Мандык и Коптан не предали чаяний жителей деревни, которые мечтали для них о счастливом исходе. Стоило им встретиться, как Коптан тут же покрывалась застенчивым румянцем. Люди постоянно говорили, что Коптан из-за Мандыка много раз роняла и разбивала большие глиняные кувшины для воды. Деревня была небольшой, едва насчитывала двадцать

домов. На всю деревню — один колодец. Носить воду было обязанностью женщин. Получить признание как домохозяйка женщина могла только в том случае, если, поставив кувшин с водой себе на голову и не удерживая его руками, пойдет свободной походкой, поглядывая по сторонам. Девушки восхищались ловкостью своих матерей, но в то же время чувствовали скрытую печаль: когда-нибудь и им придется достичь такого мастерства. Девочки с детства учились носить на голове небольшие глиняные кувшинчики для воды, которые назывались бангури. Они часто ломались, потому что были скорее игрушками, нежели предметами домашнего обихода. Когда кто-нибудь из нашей деревни хотел презрительно высказаться о девочке, то называл ее бангури.

Коптан была единственной дочерью и любимым ребенком в семье. В доме жили жёны двух ее старших братьев, и Коптан не надо было носить на голове кувшины для воды. Однако у нее имелся свой бангури: она была в том возрасте, когда хочется делать все то, что делают подруги. К сожалению, мастерством в ношении кувшина она не обладала: и шагу не могла ступить, не поддерживая бангури обеими руками. Однажды, когда Коптан несла на голове кувшин, вдалеке показался Мандык. Он быстро подбежал, чтобы помочь ей, но девочка, увидев его, воскликнула: «Ой!» — и наклонилась за опустившимся подолом юбки, — тут кувшин и выскользнул из ее рук. Надо ли говорить, что кувшин упал и разбился? В то время грудь четырнадцатилетней Коптан выросла размером с абрикосовую косточку. Из-под короткой распахнутой куртки, когда она попыталась прикрыться подолом юбки, нечаянно показались подмышки и грудь. В те времена, по нашим местным обычаям, молодые женщины особо не стеснялись показывать эти части тела. Часто можно было увидеть, как ребенок, сидя на спине у несущей на голове узелок с вещами матери, просовывал руку, нащупывал ее грудь и, потянув на себя, начинал сосать. Спустя много лет я часто спрашивала себя: «Может быть, связанный с грудью стыд — всего лишь

разновидность культурного феномена?» С одной стороны, в те времена в обществе рассматривали материнскую грудь как чашку с рисом для сына, а с другой — показать обнаженный пупок считалось большим позором. Конечно, в отношении невинной девушки все обстояло немного по-другому, но то, что Коптан вопреки местным обычаям хотела прикрыть свою грудь, а не пупок, пожертвовав для этого кувшином, было необычно.

Когда Мандык, первым из нашей деревни, продолжил учебу в средней школе уездного города, Коптан, уговорив отца, поступила в филиал начальной школы, который недавно открылся в четырех километрах от деревни. Это уже произошло после того случая, когда она разбила кувшин для воды. Филиал называли «упрощенной двухлетней начальной школой», и для поступления туда не было никаких возрастных ограничений: вместе со школьниками-мальчиками в одном классе могли учиться даже их отцы. То же самое, если мне не изменяет память, было и в средней школе. Мандык, окончив начальную школу, несколько лет занимался земледелием, помогая отцу, однако старшая сестра, вышедшая замуж за сеульца, постоянно подчеркивала необходимость учебы по новому западному стилю. По ее настоянию Мандык вынужден был с опозданием в несколько лет поступить в старшую школу.

Двухлетняя начальная школа была расположена по дороге в уездный город, в соседней большой деревне из пятидесяти дворов. Чтобы попасть в нее, детям приходилось переходить два перевала и один мост через ручей. Излишне говорить, что Мандык и Коптан шли в свои школы по одной и той же дороге. На первый взгляд они не ничем выделялись среди других детей. Коптан вечно плелась сзади, сильно отставая от всех. Мандык энергично шагал впереди, размахивая руками, но время от времени останавливался и ждал ее. В те времена даже супруги, выйдя из дома, не могли идти рядом: жена должна следовало ступать сзади, намного отстав

от мужа. Случалось и такое, что Мандык, для которого дорога была примерно вдвое длиннее, чем для Коптан, не выдерживая утомительно медленных шагов девушки, уходил вперед, оставляя ее одну.

В этой местности было много воды — из-за того, что многочисленные горные ручьи пропитывали поля, оплетая их, словно паутина. Особенно красивой была неглубокая речка, воды которой текли из узкого и длинного ущелья в горах. От тропинки до самой поверхности воды на крутых склонах весной и летом росли мелкие полевые цветы. На дне речки, между белой галькой и мелким песком под тенью цветов стайками резво плавали игривые рыбки, а разбегающаяся мелкая рябь была прозрачной словно кристалл. Через речку был перекинут глиняный мост. На холмы с двух сторон положили два деревянных столба, связав их чем-то похожим на соломенные веревки или лозы пуэрарии и обмазав глиной. Равномерно обмазанный глиной мост был очень удобен и являлся продолжением тропинки. Но после сильного дождя или весенней оттепели на мосту то тут, то там появлялись дыры, и он становился скользким. Правда, такое неудобство тут же устраняла чья-нибудь умелая рука, незаметно для всех ремонтировавшая мост, но проблема была в том, что ремонт обычно производили в середине сезона дождей³. Особенно боялись ходить по дырявому мосту девочки. Они считали более безопасным спуститься по склону холма к речке и, сняв обувь, перейти ее вброд. В это время года уровень воды в реке хоть и поднимался, но едва достигал пояса. Мальчишки-школьники шли впереди и, прощупывая длинными палками дно, указывали девочкам путь. Однако Мандык не мог стерпеть того, что Коптан вместе с другими мальчишками

³ Сезон дождей в Корее обычно длится с конца июня до конца июля. Хотя в последние годы, в связи с глобальным изменением климата, этот период может отличаться от общепринятых данных.

пересекает речку, высоко задрал юбку и намочив штаны. Он старался подгадать время, когда она шла в школу или возвращалась домой, и помогал ей перейти через дырявый мост. Постепенно пополз слух, что когда испуганная Коптан не хотела идти через мост, Мандык успокаивающе похлопывал ее по спине, и несколько раз они переходили мост, крепко обнявшись. Однако даже самые старые люди в деревне не считали это позором и не ругали влюбленных. Они хорошо относились к ним, думая, что те в любом случае поженятся, а их любовь казалась им такой же прекрасной, как у двух птичек, глядящих друг друга клювами. Даже если в разговорах вместо «глиняный мост» говорили «мост любви», никто не видел в этом ничего плохого.

Когда Мандык перешел в выпускной класс старшей школы, ему показалось, что у него открылись глаза на литературу. Некоторое время он был неразлучен со сборником стихов под названием «Мучительные танцы»⁴. Он никогда не оставлял его в книжной комнате и постоянно держал под мышкой, но это не выглядело красиво. Все мужчины, даже те, кто никогда и не ступал на порог государственной школы, умели читать ханмун — все мальчики обязаны были посещать частную школу по обучению ханмун. Я тоже могла прочесть название «Мучительные танцы», но совершенно не понимала его значение. Иероглифы в этом слове создавали причудливый образ — он отдавал хайкаллом. Я не знаю, откуда пришло это слово, но в то время оно пользовалось большой популярностью среди молодежи нашей деревни — им называлось все, что хоть немного носило иностранный или экзотический оттенок.

⁴ Название сборника стихов «懊惱 舞蹈» в русской транскрипции — «Онвей мудо», означающее «Пляски страданий». Это был первый сборник переводов современной поэзии Ким Оком, опубликованный в 1921 году. Книга содержит 77 стихотворений, в том числе таких поэтов, как П. Верлен, А. Самен, Гурмон, У. Йейтс и Ш. Бодлер.

В том, что в те годы молодежь увлекалась творчеством Чунвона⁵, была заслуга Мандыка. Книжки Чунвона: «Земля», «Бесконечно грустные истории любви», «Бездушные» — ходили по рукам до тех пор, пока не разваливались от ветхости. У всех юношей, кто хотя бы раз прочитал его произведения, глаза светились как звезды. Однако когда Ли Гвансу сменил псевдоним Чунвон на Господин Чан и произнес речь о том, что все молодые парни должны идти на войну, первым, кто разочаровался в авторе и усомнился в искренности его помыслов, был все тот же Мандык. Не будет преувеличением сказать, что в тот момент он буквально манипулировал сознанием деревенской молодежи. Это было несложно: с приближением окончания Второй мировой войны ситуация в деревнях с каждым днем становилась все более тяжелой. Из-за книг, которые распространял Мандык, всем сердцем соглашаясь с заложенными в них идеями, молодежь деревни рассуждала о литературе и открыто возмущалась тем, что творится в обществе. Само собой, центральной фигурой таких собраний был Мандык, пусть он и был всего лишь великовозрастным школьником. Такие мероприятия можно было рассматривать не как собрание молодежи времен японского колониального правления, а, скорее, как способ удовлетворения интеллектуального тщеславия Мандыка. Иногда он с пафосом читал не только свои стихи, но и стихи других поэтов. Впоследствии он узнал, что среди произведений, которые заставляли Коптан плакать, оказался фрагмент последней строфы одного из стихотворений Лим Хва⁶:

⁵ Чунвон — псевдоним известного корейского писателя Ли Гвансу (1892–1950), который считается основателем современной корейской прозы. Разочарование в Ли Гвансу связано с тем, что начиная с середины двадцатых годов он проявлял лояльность к японским колониальным властям.

⁶ Лим Хва (1908–1953) — известный корейский поэт и литературный критик.

Сегодня тоже дым
Поднялся выше облаков.
Несколько молодых людей
Погрузили слишком узкое небо
В свои полные надежды глаза.
Какими бы тонкими ни были раскрытые руки,
О! О, мое море, необъятнее, чем небеса!

Каждый раз, когда Мандык, широко раскинув руки, страстно говорил: «О! О, мое море, необъятнее, чем небеса!», у Коптан сердце трепетало от мысли, что она должна отпустить его в большой мир.

Иногда Коптан показывала мне письма, посланные ей Мандыком. И хотя никто не просил ее делать этого, она, словно оправдываясь, говорила, что ей жалко читать их одной... Честно говоря, я не могла поверить, что ей жалко читать адресованные ей любовные письма. С одной стороны, она, вероятно, хотела показать, что эти письма очень искренние, в них нет ничего, что стоило бы скрывать, а с другой — возможно, ей хотелось похвастаться красивыми словами и речевыми оборотами. Я до сих пор вспоминаю одну фразу: «Кажется, будто маленькие стражи стоят с красными фонарями», — фразу, которой Мандык описал росшу под забором ее дома махунку.

В то время почти все дома в нашей деревне были окружены растущими вдоль забора форзициями. Махунки были диким растением и свободно росли под забором любого дома. С весны до лета они ничем не отличались от таких же неприметных сорняков. И лишь когда трава, потеряв свой зеленый цвет, желтела, можно было увидеть, что там росла махунка. Созревшие махунки выглядели красивее, чем поменявший цвет клен, — они действительно были похожи на маленькие красные бумажные фонарики. К тому времени, когда красноватые листья хурмы уступали место более красивым желтым плодам, перец на полях окрашивался в малиновый цвет. А махунка была всего лишь бесполезным сорняком. Правда, иной раз скучающие девочки клали ее плоды в рот и громко хрустели. Под забором моего дома

тоже в изобилии росли махунки, но лишь у дома Коптан они превратились в маленьких стражей с красными фонарями в руках. Такими их увидел Мандык — возможно, потому что тосковал по ней.

В нашей деревне было также полно абрикосовых деревьев. Не нашлось бы ни одного двора, где бы они не росли. Их было так много, что люди называли нашу деревню Хянчольли, что означало «Аромат на тысячу ли». Весной вместе с форзицией цветы абрикосовых деревьев украшали всю деревню, однако их плоды были кисловатыми и вязали рот, как дички. Несмотря на то, что некоторые хозяева использовали их смена в качестве лекарства, плоды не ели даже дети, абрикосы гнили там же, где и падали. Когда повсюду пышно распускались абрикосовые цветы, а поля и холмы покрывали астрагалы и гвоздики, наша деревня становилась самой красивой в округе. Астрагал рос повсюду, гвоздика же встречалась лишь изредка. Когда сгнивший абрикос проникал в почву и превращался в удобрение, а цветы дикой розы опадали, глухая дорога становилась бесконечно тихой, словно лунная ночь.

Когда я, читая стихотворение «Ее дом», оглянулась на абрикосовые деревья у дома Коптан, даже мне среди множества абрикосовых деревьев Ханьчольли они показались особенными. Среди всех домов с соломенными крышами крыша ее дома выглядела для Мандыка наиболее желтой, а растущие повсюду махунки только у ее дома выглядели необыкновенно. Дом Коптан был первым в верхней части деревни Ханьчольли. Вода в речке, стекающая со склона горы за деревней, обогнув ее дом, протекала мимо чеков⁷ орошаемого рисового поля, расположенного недалеко от дома Мандыка, неся белые абрикосовые цветы. Одно из абрикосовых деревьев у дома Коптан было настолько большим, что ее отец приделал

⁷ Чек — участок пахотной земли для выращивания риса или других культур, залитый водой и огражденный валами для удерживания воды.

к нему прочные качели для дочери и ее подруг. Я подумала, что Мандык, возможно, сравнивал плывущие по речке белые цветы с любовными письмами от Коптан.

«Интересно: весной 1945 года в деревне Ханчольли тоже цвели абрикосы, махунки, гвоздики и астрагалы? — подумала я. — Конечно, они не могли не расцвести, хотя мне казалось, что они сделали это напрасно. А умерла ли любовь между Мандыком и Коптан еще до того, как они расцвели?»

Не успел Мандык окончить четырехлетнюю среднюю школу в уездном городе, как его призвали в армию. Оставалось всего несколько дней до его отъезда, и обе семьи попытались за это время сыграть свадьбу. В то время нередко бывало так, что холостому парню быстро подбирали подходящую девушку, чтобы он хотя бы оставил потомство. Мандык был единственным сыном в семье, поэтому не надо было передавать сачжуданчжа⁸ в дом невесты — все село знало, что они любят друг друга. Но, к удивлению многих, неожиданно Мандык отказался жениться. Сейчас, спустя годы, наверное, можно сказать, что таков был его закон любви. Даже если другие не понимали слов Мандыка, ему хватало того, что его понимала Коптан. Он гулял с ней в холодной ночи ранней весны, когда на полях еще лежал снег, до самого рассвета — пока не начинали петухи. Сейчас уже невозможно узнать, согласилась Коптан с его предложением или нет. Но даже если бы они не ходили до утра, а провели ночь где-нибудь на мельнице, родители и односельчане верили: рука Мандыка не коснулась груди Коптан. Такое целомудренное время тогда было. Не знаю, была ли это эпоха чистоты или глупости, но в те годы такими были мы все.

Японский флаг печально развевался на шесте над домом Мандыка, давая всем понять, что из этого дома насильно уведут мужчину на службу в японскую армию. Несколько дней длилось застолье, устроенное по случаю

⁸ Лист, на котором записаны дата и час рождения жениха.

отъезда Мандыка в армию. К счастью, семья не попалась инспекторам по надзору за производство самогона... Так продолжалось десять дней, но в конце концов настал момент, когда Мандык должен был поступить на военную службу. Ему, вероятно, нетрудно было убедить Коптан, чтобы она дождалась его, — он обещал ей обязательно вернуться домой живым. Мандык не верил, что его возлюбленная может выйти замуж за кого-то другого. Он хорошо знал: у членов ее семьи нет намерения выдавать ее за кого-то, кроме него. Наверное, Коптан никак не могла понять, если он так любит ее, то почему же уезжает, так и не женившись на ней. По этой причине ему пришлось долго ее уговаривать. Она была красивой девушкой с мягким характером, но если считала, что права, переубедить ее было непросто. Мандыка как будущего зятя никто за это не осуждал. Люди знали, что он идет туда, где умирают, и считали, что в глубине души он, возможно, просто не хотел оставлять Коптан вдовой. Можно сказать, что Мандык и Коптан были своего рода талисманами для деревни. Они хотели сохранить свою любовь неприкосновенной. Казалось, если они оба не будут счастливы, в деревню придет беда. Даже в таком бережном отношении к Коптан Мандык проявил свои лучшие качества. И старики, понимая, почему он так поступает, кивали.

После отъезда Мандыка молодежь начали насильно угонять в армию или на принудительные работы, в деревне остались только мужчины среднего возраста и глубокие старики. За исключением старшего, оставшегося присматривать за престарелыми родителями⁹, трое братьев Коптан были отправлены на работы, некогда богатый сыновьями дом опустел. И не только увели здоровых парней — форма реквизиции продовольствия тоже стала крайне жестокой. Поэтому в некогда богатой деревне

⁹ В прошлом у корейцев обязанность присматривать за престарелыми родителями возлагалась на старшего сына, который получал все наследство и состояние.

люди беспокоились, как пережить голодные весенние месяцы. В такие времена давала трещину отзывчивость и такого человека, который раньше даже в ненастную погоду отправлял к знакомым корзину с едой. Плохие новости, еще более тревожные, чем слухи о брюшном тифе, распространились по всей деревне. Нельзя сказать, что раньше я ничего не слышала о чонсиндэ — борделях для «утешения» японских солдат¹⁰. Уже довольно долго в деревне поговаривали, будто в волостном управлении есть официальные документы, согласно которым, если девушка захочет отправиться работать в Японию или на острова Южных морей, то может подать заявление и ее отправят туда бесплатно; после этого она сможет посылать домой деньги. В деревне не нашлось ни одной семьи, в которой бы собирались так поступить с собственной дочерью, но никто даже в кошмарном сне не мог представить, что девушек могут отправить на такие работы насильно. Однако слухи о наличии таких документов шли в разрез с реальными случаями, когда работники волостного управления вместе с полицейскими угрожали семьям, в которых были незамужние девушки, и силой уводили тех без объяснения причины. И пока люди, перешептываясь, твердили друг другу, что «такого не может быть», в деревне произошло трагическое событие — только это был уже не слух, а реальная история. Родители одной девушки увидели на въезде в деревню отряд работников волостного управления и полицейских, пришедших искать спрятанное зерно. Они предположили, что те пришли забрать их дочь в чонсиндэ, поэтому спрятали ее в сарае в скирде соломы. Ревизоры, увидев место, где могло храниться зерно, приблизились к нему и, как обычно, сразу же

¹⁰ Термин, использовавшийся для обозначения китайских, корейских и японских женщин, которые в годы Второй мировой войны насильственно зачислялись в военные бордели для удовлетворения сексуальных потребностей японских солдат на оккупированных территориях.

воткнули в него длинный шест с острым крюком на кончике. В тот же момент, как шест вонзился в стог сена в сарае, родители девушки с ужасом закричали: «Нет!» Поговаривали, что на конце копья висел кусок плоти девушки, а сама она то ли умерла на месте, то была отправлена в уездную больницу, и неизвестно, осталась ли в живых. Она потеряла очень много крови. В любом случае эта ужасная история перепугала все семьи, где были взрослые дочери.

Однажды в деревню из города приехал работавший на военном заводе брат Коптан вместе с мужчиной средних лет в гетрах. На его ботинках висели колокольчики. Брат сказал, что мужчина разведен и работает геодезистом на важной стройке в Синийчжу. Он и был женихом, которого спешно отыскивали родители Коптан после того, как до них дошли те страшные слухи о погибшей девушке. Мужчина рассказал, что развелся с женой из-за того, что за десять лет совместной жизни та не смогла родить ему ребенка. Поэтому он решил жениться снова. Он не смотрел на красивое лицо Коптан, вместо этого он внимательно рассматривал ее не слишком пышные бедра, все время повторял: «М-да... а родить-то она сможет?» — и недовольно качал головой. В то время было очень мало неженатых мужчин, которых не призвали в армию. Стройка, где работал этот старый жених, была очень важна для военных — естественно, ее работники автоматически освобождались от призыва в армию. Семья Коптан, словно потеряв рассудок, выдала свою красавицу за этого проныру — такой и бобы на молнии поджарит¹¹.

Невозможно представить, с каким чувством Коптан восприняла ту свадьбу. Говорят, что при виде крови даже у здорового человека нарушается психика. У кровавых слухов такой же эффект. Не только члены ее семьи, но и жители деревни, казалось, потеряли разум.

¹¹ В народе так говорят про очень шустрых и пронырливых людей.

Даже старейшины, еще недавно бывшие свидетелями любви Мандыка и Коптан и благосклонно относившиеся к ним, считали свадьбу единственным способом, который не позволит властям забрать ее в чонсиндэ и сделать женщиной для утех японских солдат. Мать Коптан была очень доброй и даже курице не могла шею свернуть, так как боялась крови. А те страшные слухи и вовсе лишили ее сна: она содрогалась от одной лишь мысли, что однажды за ее дочкой придут и насильно уведут в чонсиндэ. Коптан хотелось умереть из-за того, что она нарушила клятву, данную Мандыку, и вышла замуж за нелюбимого мужчину. Однако для самоубийства у нее не хватило силы духа. Мучительные переживания и душевные страдания сделали ее похожей на труп, осталось только тело, которое покинула душа. Ее окаменевшее лицо, когда она на третий день после свадьбы покидала родительский дом, не выражало никаких эмоций.

Еще до того, как Коптан уехала в далекий город Синьчжу и до ее первого посещения родителей после замужества, пришло радостное сообщение об освобождении страны от японского колониального правления. Но она больше не смогла вернуться в родительский дом с желтой соломенной крышей. Наш район был очень близок к тридцать восьмой параллели — и дорогу в далекий город Синьчжу в Северной Корее заблокировали.

Мандык остался жив и возвратился домой. Весной следующего года он сыграл свадьбу с девушкой по имени Сунэ из той же деревни Ханьчольли. Сунэ была пухленькой и очень симпатичной, но ее, конечно, не сравнишь с красавицей Коптан. Поговаривали, что в день свадьбы, согласно старой деревенской традиции, Мандыка подвесили на воротах, однако вернувшиеся с войны очерствевшие молодые парни вместо притворных и шуточных ударов с такой силой били его по подошвам ног, что Мандык горько расплакался. Уйдя в армию, он перенес все трудности, какие только можно было представить, — неужели он плакал из-за того, что его бьют? Но люди говорили, что ему хотелось выплакаться. Если

так думали жители деревни, не забывшие о красивой любви Мандыка и Коптан, то как же сильно болела душа у вышедшей замуж за Мандыка Сунэ! Однако молодые супруги не дали односельчанам времени полюбоваться их семейным счастьем и вскоре после свадьбы уехали в Сеул. Старшая сестра Мандыка, жившая там, нашла ему работу и забрала к себе.

После окончания Корейской войны 25 июня 1953 года линия фронта, проведенная по тридцать восьмой параллели, сделала деревню Хяньчольли территорией Северной Кореи. Мы с Мандыком не могли встретиться, но я слышала (сейчас уже не помню от кого), что они с женой живут хорошо. Внезапно возникающая время от времени мысль, что если Коптан не умерла до 25 июня, то, скорее всего, живет в Сеуле, спустя некоторое время исчезла. Жизнь в Сеуле означает, что даже близкие родственники могут не встречаться годами, пока не получат приглашение на свадьбу или похороны. Если люди не связаны общими интересами, то человеческие и родственные отношения начинают слабеть и забываться.

Прошло почти десять лет с тех пор, как я снова встретила Мандыка в Сеуле. Однажды мой дядя (к сожалению, его уже нет на этом свете) сказал мне, что хотел бы посетить национальное собрание жителей, и я поехала с ним. В Чжончжи старики, которые когда-то покинули родину, находили утешение для души, встречаясь там с такими же несчастными земляками. Подобные собрания проводились ежегодно, но дяде, впервые поехавшему туда, потребовалось немало времени, прежде чем он узнал кого-то из знакомых. Благодаря помощи со стороны организаторов собрания нас рассадили по волостям. Мы образовали группу Ли из деревни Ханьчольли. Кроме меня и дяди в нашей группе были незнакомые нам две пары пожилых супругов. Дядя скончался на следующий год; уже тогда ему было восемьдесят лет. Вероятно, зная, что скоро умрет, он внезапно захотел отправиться на национальное собрание покинувших родные места жителей: раз он не может вдохнуть запах

родной деревни, то хотя бы встретит земляков. С приближением смерти старики делают то, чего не делали раньше, и их дети и внуки обычно относятся к этому как к легкому старческому сумасбродству — видимо, поэтому у племянника, который отвозил нас, был такой недовольный вид.

Солидного вида пожилой мужчина из деревни Хань-чольли, кажется, не узнал дядю. Я вежливо поприветствовала его как человека, который жил когда-то в моей родной деревне. Я не особо присматривалась к нему и не смогла сразу понять, кто он такой. И если бы он чуть позже, давая мне свою визитную карточку, не попросил представиться, я бы, вероятно, так и не узнала бы его. Но когда я посмотрела на визитку, меня охватило странное чувство. Подняв голову, я снова внимательно взглянула на него и ясно вспомнила Мандыка. Телосложение у него было таким же, как и раньше, да и лицо тоже осталось почти мальчишеским — совсем не состарилось.

Мы никогда не были близкими друзьями. Я думала, что он, увлеченный Коптан, смотрел на нас равнодушно, как бык на курицу. В то время было абсолютно нормально, если парень, увлеченный одной девушкой, не обращал внимания на других. Наверное, и Чан Мандык думал так же. Он был очень популярен в деревне, но, как известно, нет в мире закона, согласно которому знаменитости обязаны узнавать своих поклонниц. Я сказала ему, что он несколько не изменился, и тут же смущенно улыбнулась. С моей стороны эти слова прозвучали довольно глупо, ведь я не смогла сразу узнать его.

Вспомнить его жену Сунэ оказалось труднее. Я не могла уверенно сказать, какая именно женщина из двух счастливых пожилых супружеских пар была Сунэ. Она же, притворившись, что узнала меня, первая сказала мне, что я несколько не изменилась. Когда я ходила в школу, никогда не дружила с детьми, которые были старше меня, а Сунэ в школу не ходила — она училась шить дома. Со стороны Мандык и Сунэ выглядели очень красивой и счастливой парой. Расставаться просто так

нам всем было жалко, для приличия мы обменялись номерами телефонов. К моему удивлению, Сунэ стала часто звонить, мы вместе обедали, ходили по магазинам и в конце концов подружались. Когда мы стали достаточно близки, чтобы делиться тайнами, она стала плакаться на судьбу, говоря, что Мандык до сих пор не забыл свою Коптан:

— Дорогая сестра, все говорят, что у меня счастливая судьба, но поверьте: нет такого красивого дикого абрикоса, как я! Я говорю это вам потому, что считаю вас своей сестрой. Если же я расскажу это другому человеку, то покажусь странной. Никто, кроме меня, не знает, что творится у меня на душе. Все мне говорят: где, мол, я найду такого мужа, который так хорошо зарабатывает, не гуляет на стороне, хорошо относится к детям, который умрет, не имея никакого греха передо мной. Но, наверное, глядя на такую злобную наложницу, как я, вы поймете: нет на свете более несчастной женщины! Ведь даже зная, что проклятая Коптан крепко прилипла к моему мужу, я не могу схватить ее за волосы и опозорить, — с ума можно сойти! К счастью, я встретила вас, дорогая сестра. А если бы этого не случилось, то кому еще я могла бы рассказать о своей обиде? Мой старик даже сейчас пишет ей любовные письма! Вы говорите «вряд ли»?! Сначала я тоже так себе говорила. Может быть, ему стало стыдно, — он говорит, что пишет не любовные письма, а стихи. Втайне от него я прочитала стихотворения с названиями «Цветок абрикоса падает на ваше плечо» и «Цветок абрикоса расцветает каждый год. Почему моя любимая, уйдя, не возвращается назад?» Разве такое можно назвать стихами? И это еще не все! Когда мы в прошлом году отправились отдохнуть в Китай, он заставил меня сильно переживать. Я последовала за ним, не зная его истинных намерений, и чувствовала себя круглой душой! После осмотра красот горы Пэктусан мы посетили китайский городок Даньдун, где сели на экскурсионный пароход на реке Амноккан и подплыли близко к границе с Северной Кореей. Когда

на северокорейской стороне показались дети, вышедшие поиграть на берег реки, я почувствовала странное волнение в груди. Китайцы праздно прогуливались по пароходу, а южнокорейцы стояли с напряженными лицами. Это было естественно. И тут мой старик, неожиданно уронив седую голову на перила парохода, стал громко плакать, вздрагивая всем телом. Вы думаете, это была печаль из-за разделения страны? Вовсе нет. С того места, где он стоял, был виден северокорейский город Синьйчжу. Мой муж просто сошел с ума оттого, что, будучи так близко, не мог посетить место, где жила проклятая Коптан! Мне хотелось тут же столкнуть его прямо в реку и сказать: «Ну и плыви к ней!» Вы думаете, было только это? Хорошо зарабатывая и имея неплохой бизнес, однажды он сказал, что ему не по душе растить детей здесь, и предложил переехать в Америку. Какое же у него было тайное намерение, когда он захотел там жить, если ни он, ни я не знаем ни слова по-английски? Ясно же какое: получив американское гражданство, можно посетить Северную Корею. Мне не хотелось быть обманутой. Когда я сказала ему, чтобы он переезжал жить на Север один, то он обозвал меня ненормальной и бессильно опустил на палубу. Для детей он непререкаемый авторитет. Поверьте, сестра: на самом деле только из-за любви и уважения детей к отцу я до сих пор терплю этот печальный для меня мир.

Если сказать коротко, то между мной и Сунэ в основном велись только такие разговоры. Действительно, слушая подобные рассказы и не зная, как на самом деле Мандык и Коптан любили друг друга, пожалуй, можно было бы и согласиться с ее выводами. Однако ее репертуар был ограничен всего несколькими эпизодами. И когда Сунэ, не имея никаких доказательств тому, что Мандык все еще любит Коптан, по многу раз пересказывала одно и то же, я начала испытывать неприязнь к ней. Но когда я начала жалеть Чан Мандыка больше, чем Сунэ, то вскоре узнала, что Сунэ покинула наш мир. Мне сообщили, что она страдала гипертонией и однажды

внезапно потеряла сознание. В течение трех дней Сунэ лежала без сознания, а после умерла. Когда я пришла выразить соболезнования, то была потрясена, увидев ее портрет. На этой фотографии она выглядела не старше двадцати пяти лет. Я подумала, что в последнее время мне не хочется видеть фотографии, на которых умершие выглядят слишком старыми, — можно было бы ставить фотографии, снятые за несколько лет до смерти. Однако водрузить перед плачущим вдовцом фотографию, на которой почившей жене двадцать пять, — это было слишком жестоко. Невольно я сравнила в мыслях образы молодых Сунэ и Коптан, хотя сравнивать-то было нечего. В моем воображении Коптан стала еще стройнее и красивее, а Сунэ оставалась все такой же, разве что была помоложе. В этот момент мне стало жалко ее: «Сколько трудных лет ты прожила рядом с безжалостной соперницей в любви? И насколько же тяжело было тебе соперничать всю жизнь с ней, с нестареющей женщиной, лицо которой не покрывалось морщинами?»

После смерти Сунэ мне долгое время не выпадало случая встретиться с Мандыком. Мне довелось столкнуться с ним на собрании: спустя два-три года после смерти жены он участвовал в акции помощи одной странной старухе, когда-то работавшей в чонсиндэ женщиной «для утешения» японских солдат. Это было весьма неожиданно, но я не могла не думать, что его появление на том собрании как-то связано с Коптан, — у меня было предубеждение к нему после рассказов Сунэ. После того как встреча закончилась, Мандык исчез из поля зрения. Я тоже, словно гналась за преступником, спешно покинула мероприятие. Выйдя на улицу, я увидела, как он уходит с опущенными плечами. Я окликнула его по имени, он остановился. Без предисловий, словно на допросе, я спросила его, не собирается ли он жениться во второй раз. Он ответил, что у него нет таких планов. Тогда я засыпала его вопросами:

— Вы все еще не забыли Коптан? Почему вы пришли сюда? Вам так жаль ту «женщину для утешения»?

Неужели вы пришли только из-за этой странной женщины? А если бы она не была «женщиной для утешения», вы могли бы пожениться? Вы действительно выдающийся человек!

Не отвечая на мой агрессивно-осуждающий тон, он молча отвернулся, зашагал дальше вперед и вскоре вошел в ближайший чайный дом. Я внимательно смотрела на этого пожилого человека, все еще выглядящего моложе своих лет, словно взяла на себя роль его жены Сунэ. Я зашла вслед за ним и под села к нему столик. Тихим голосом он сказал:

— То, что я до сих пор не смог забыть Коптан, — целиком и полностью на совести моей покойной жены. Честно говоря, сейчас я даже представить не могу лицо Коптан. Если бы моя жена постоянно не ворошила прошлое, я, наверное, даже имя ее забыл бы. Да, временами я тосковал по Коптан, но только потому, что такое чувство есть в глубине души у каждого из нас, ведь оно — словно нежный аромат, напоминающий о прошедшей юности. Разве это грех, что человек время от времени вспоминает юные годы, проведенные в родной деревне? Я плакал на экскурсионном пароходе не из-за Коптан — я пытался осознать: действительно ли передо мной Северная Корея? Когда я смотрел на нее из чужой страны, она была так близка, и я думал: почему из моей родины она превратилась в далекую и чужую страну? Мне было так грустно и стыдно, что у меня невольно хлынули слезы. Да, там находится город Синьчжу, но этот факт не особенно меня волновал. Поверьте: я не могу объяснить, почему я пришел сегодня на эту встречу... Может быть, из-за того, что некоторое время назад прочитал в одном журнале мнение японцев о проблеме «женщин для утешения». От их слов, что в этом, мол, не было ничего страшного, я пришел в ярость. Они говорили: а есть ли, мол, доказательства, что этих женщин действительно принуждали? «Уж слишком в Корее раздувают эту проблему. Почему, мол, там говорят об этом таким тоном?» Прочитав эти и другие высказы-

ния, я понял: у них нет представления о том, что они действительно совершили преступление, они ни в чем не раскаиваются. Я не смог этого вынести. Сейчас я уже не в состоянии вспомнить лицо Коптан, но все еще ясно ощущаю ее гнев, обиду и отчаяние, когда она выходила замуж. Мне просто хотелось добавить чувства Коптан к обиде той старухи, которую в молодости заставили быть «женщиной для утешения»; я хотел добавить к гневу этой старухи чувства других женщин, которые избежали подобной участи — но тоже потеряли счастье. Я думаю, что пострадавшие или покончившие с собой женщины в равной степени стали жертвами империалистического насилия. Да, конечно, многие женщины избежали подобной участи, но какой ценой? Когда женщина, желая избежать насилия, прыгает с десятого этажа и умирает, — разве не преступник виноват в этом? Разве можно считать это самоубийством? По всей Корее была уничтожена радость любви, ее ароматное дыхание, и если мы забудем эти преступления против мира и людей, мы не можем называться людьми. Понимаете ли вы мою душу? Я хочу добавить к обиде тех, кто пострадал, ярость тех, кто избежал этого.

На глаза Мандыка навернулись слезы.

КОЛЮЧКА СРЕДИ ЦВЕТОВ

*Вытаскивая вещи одну за другой, сестра стала называть их по именам:
вонсам¹, таный², чонгым³, диё⁴, мёнмок⁵, аксу⁶...
Это были аксессуары к погребальной одежде.
«Мама, прекратите, остановитесь!» —
взволнованно воскликнул племянник раньше меня.
Его жена, скрыв в ладонях лицо, выскочила из комнаты.*

Утром жена старшего племянника сообщила мне о смерти моей старшей сестры. Менее двух месяцев назад она отправилась в США — после того, как ее выгнали. Я тут же спросила, в каком морге находится ее тело, но, услышав смех родственницы, поняла, что сестра умерла не в Корее, а в США. Допустим, я задала глупый вопрос, — но смеяться-то зачем? К тому же смех

¹ Церемониальная одежда для похорон.

² Разновидность ханбока, надеваемая поверх куртки.

³ Деньги.

⁴ Матрас для гроба.

⁵ Лента, которой обматывают голову покойного.

⁶ Лоскут материи для обматывания рук покойника.

жены племянника был весьма игривым, что совершенно не соответствовало обстоятельствам.

— А если узнаете, где она находится, вы что, отправитесь туда?

— Ничто не мешает мне пойти — она была моей единственной сестрой. — Сказав это, я зарыдала.

Как же ужасно было осознавать, что, имея пять братьев и сестер, она осталась в полном одиночестве!

— Ну, вы даете, тетушка! Неужели вы думаете, что Америка находится где-то в районе Пусана или Тэгу?

— Ты сейчас где?

— Как — где? В Банпо. Вы забыли, где мы живем?

— Значит, ее старшая невестка не сможет поехать в Америку, потому что это далеко?

— Туда только что улетел мой муж. Сейчас сезон пониженного спроса, поэтому ему удалось купить билет, в противном случае даже не знаю, что бы мы делали. Кстати, я вообще без понятия, почему он так часто летает в Америку, — что он там потерял?

— Значит, ты не летишь на похороны, потому что у тебя нет билета?

— Тетя, мой сын сейчас оканчивает старшую школу. Как я могу его оставить?!

Голос жены племянника стал невероятно сухим. Я вздрогнула от ощущения, будто сначала мне польстили, а потом резко оттолкнули. Я знала: никто бы не осудил ее, даже если бы ее сын был учеником второго класса, а не выпускником; и даже если бы она пренебрегала установленным общественным укладом жизни.

Сказав, что ей надо позвонить еще кое-кому, жена племянника попрощалась со мной.

— Эмия⁷, а мне что делать? Неужели я должна просто тихонько сидеть в уголке? Как ты можешь так со мной поступать?! — проворчала я в трубку телефона.

Когда я поняла, что она не слушает меня, горечь потери сменилась не менее горькой обидой. Разве можно

⁷ Уважительное обращение к жене сына или племянника.

отправлять мою старшую сестру в последний путь так? Пока она жила в Сеуле, я не смогла уделить ей должного внимания. И чем больше думала о том, как относилась к ней жена племянника, тем больше меня охватывала ненависть к последней.

Прошло больше тридцати лет с тех пор, как моя старшая сестра уехала в США. За все это время она ни разу не побывала на родине. Даже когда ее старший сын, окончив там университет, женился и, найдя на родине работу, навсегда вернулся жить в Корею, она не последовала за ним. Она ни разу не приезжала проведать его, словно знала, что стоит ей покинуть США, и она тут же умрет. По правде говоря, то, что за это время оставшиеся с ней сын и дочери пустили там корни, было ее большой заслугой. Старший сын часто ездил в США, и мать не тосковала по нему.

До того, как семья сестры иммигрировала в Америку, старший сын, на тот момент ученик средней школы, уже свободно владел английским: каждый год он проводил несколько месяцев в другой стране, чтобы выбрать будущую профессию. Мои дети никогда не были за границей, и всякий раз, когда жена племянника говорила, что ее муж из-за частых полетов в США испортил себе желудок самолетной едой и подорвал здоровье непосильной работой, в ее голосе я чувствовала скрытую гордость.

Благодаря старшей сестре я чаще других из нашей семьи бывала за границей. Она была самой старшей, а я — самой младшей среди пятерых. У нас были еще трое братьев, но те, вскоре после того как отпраздновали свои шестидесятилетние юбилеи, один за другим покинули этот мир. После их смерти мы с сестрой остались единственными родными людьми. Естественно, несмотря на то, что мы жили далеко, с возрастом мы с каждым днем все больше беспокоились друг о друге и часто созванивались. Бывало, сестра неожиданно присылала авиабилет, и я немедленно летела к ней, проводила у нее один-два месяца и возвращалась домой. Конечно, все это благодаря тому, что за последние десять лет семья

сестры неплохо поднялась: среди родственников они считались самыми обеспеченными.

Возвращение старшей сестры на родину спустя тридцать лет вызвало множество пересудов. Сын старшего сына родился в США (разница в возрасте с младшим братом, выпускником средней школы, составляла десять лет) и был ее первым внуком. Нынешней весной он женился, и по такому случаю сестра впервые после своей иммиграции в США приехала на родину.

В тот день я встречала ее в аэропорту. Она прилетела в пестром джемпере, в небрежно переброшенном через плечо шарфе, в солнцезащитных очках поверх вьющихся волос и в сандалиях на босу ногу с красным педикюром. Для женщины за семьдесят ее одежда выглядела скорее вульгарной, нежели небрежно-неряшливой. Причем не только одежда совершенно не подходила ей, но и два ее чемодана. У одного из них, истрепанного и покрытого пятнами, швы в разных местах были аккуратно заклеены скотчем. Он был похож на корзину с крупным плетением и совершенно не сочетался с роскошным и очень дорогим на вид новым чемоданом от Louis Vuitton. Этот брендовый чемодан, украшенный едва заметным золотистым декором, тут же стер досаду, вызванную странной одеждой сестры, и породил у нас новые ожидания. Она ведь вернулась на родину спустя тридцать лет ради свадьбы первого внука. Не важно, как она была одета, но дядя и две тети, которые благополучно проживали в США и не смогли приехать на свадьбу, наверняка прислали превосходные подарки. Даже то, что новый чемодан возвышался над старым, было равносильно тому, как если бы на нем была наклеена надпись «Подарочный». Увидев выражение лица сестры, когда она аккуратно клала чемодан в багажник, я ни капли не сомневалась в том, что внутри хорошие и дорогие вещи.

Разбирая чемоданы в доме старшего сына, сестра вела себя странно: она делала все, чтобы никто даже и не думал спрашивать о содержимом того дорогого чемодана,

словно в нем находилась синчжу⁸. Стоило детям случайно ударить чемодан ногами, как она, выразив недовольство, тут же извинялась, говоря, что ничего страшного не произошло, и осторожно отодвигала чемодан в укромный уголок комнаты, словно скупщик, который пытается скрыть краденое. Выставив напоказ подарки из старого чемодана, сестра вызвала еще большее любопытство относительно содержимого нового, поскольку среди высыпавшихся из старого чемодана вещей не обнаружилось ничего ценного. Там было пакетов двадцать растворимого кофе, свыше тридцати штук дешевых губных помад, сделанных на Тайване, примерно столько же дешевых компактных пудрениц... Лишь несколько предметов в чемодане были относительно дорогими. Там же находилась и одежда сестры, но я, честно говоря, была смущена тем, что подарки оказались такими дешевыми. Каждому она привезла растворимый кофе, вспомнив обо всех членах семьи свата, даже о его четвероюродных братьях. Жена племянника, встретившись со мной взглядом, тихо сказала:

— Ваша старшая сестра действительно многого не знает, не правда ли?

Она специально говорила на диалекте, который моя сестра плохо понимала, пытаясь таким образом не накалить обстановку. Разумеется: ведь в то время, когда сестра готовилась уехать из Кореи, люди были благодарны даже за пакет американского растворимого кофе! Скорее всего, сестра просто не знала, что сейчас почти все пьют зерновой кофе, а быстрорастворимый напиток уже давно не пользуется такой бешеной популярностью, как раньше. На лице жены племянника, которая все это время нагло смотрела на мою сестру, появилась усмешка. Намеками я давала ей понять, чтобы она потерпела немного и ничего пока не говорила, — я ждала, когда покажется содержимое нового чемодана. Сестра вы-

⁸ Поминальная дощечка с именем покойного, хранящаяся в молельне.

тащила все, что было в старом потрепанном чемодане и желая, проверить, совпадает ли число подарков, принялась подсчитывать на пальцах.

Проскользнув на кухню, жена племянника начала готовить еду. Оттуда доносились звук вытяжки и запах жареной кульби — вяленой горбуши. Интересно: она сейчас жарит кульби за пятьдесят тысяч вон⁹? Когда один-два раза в год мне приходилось бывать у них по делам, связанным с сестрой, жена племянника всегда принимала меня вежливо и почтительно и без всякого сожаления щедро выставляла на стол дорогую еду. Однажды она пожарила к моему приходу целую огромную вяленую горбушу из приморского города Ёнгвана, которая стоила больше пятидесяти тысяч вон.

Стол был уставлен разнообразными блюдами: несколько видов кимчи, кальбицим¹⁰, чапчэ¹¹, чжоню¹² — такой стол можно было увидеть разве что на богатой свадьбе. Но я, зная, что эти блюда сестра ела и в США, быстро пододвинула к ней тарелку с жареной кульби.

— Сестра, попробуйте, пожалуйста, кульби. Это та самая желтая кульби из города Ёнгвана стоимостью больше пятидесяти долларов за штуку.

— Ой, что ты такое говоришь, побойся Неба! Сколько, говоришь, стоит такая невзрачная желтая горбуша? — недоверчиво переспросила старшая сестра и отодвинула тарелку от себя. — В Америке...

— Сестра, — перебила я ее, — в Америке ловят не желтую горбушу, а белую. Как же мы могли поставить вам на стол белую горбушу, а не желтую?

Но она, вероятно, считая, что американская горбуша была настоящей, а корейская горбуша импортирована из Китая, стала рассуждать, насколько дешевле в США не только горбуша, но и редька, и капуста — словно

⁹ Денежная единица Южной Кореи.

¹⁰ Отварная говяжья грудинка.

¹¹ Корейское рагу.

¹² Мясо (рыба, овощи) в кляре.

замужняя женщина, получающая удовольствие от ведения домашнего хозяйства. Я ощутила холодное равнодушие со стороны жены племянника и почувствовала, как моя сестра и ее невестка, незаметно для остальных, ожесточенно сражаются друг с другом. У меня перехватило дыхание от чувства, будто я — единственная, кто способен прекратить это сражение. Я подумала, что надо бы изменить тему разговора, даже если мне придется согласиться с ней, что это белая горбуша, а не желтая.

— Сестра, почему вы не открываете чемодан фирмы «Louis Vuitton»? — с улыбкой и как можно мягче спросила я. — Вы собираетесь открыть его, когда я уйду и останутся только члены вашей семьи? Так не годится, сестра! Это ведь подарки для невесты вашего старшего внука, верно? Наверное, дядя и тети тоже послали что-нибудь от себя. Они обычно любят похвастаться тем, что могут себе позволить большие расходы. Только так они смогут получить уважение старшей невестки и старшего племянника. Если же я не смогу увидеть эти подарки, то не уйду сегодня домой, так и знайте.

— Уважаемая тетя, вы не пойдете домой, если нам не покажут подарки? — переспросила меня жена старшего племянника. — Оставайтесь здесь до свадьбы Чан У. Пообщаетесь с сестрой. Когда будут отправлять хам¹³, вы, согласно традиции, должны будете принять участие в церемонии.

Выражение лица жены племянника смягчилось. Она сказала это так вежливо, что я ничего не могла ей возразить. Скоро и у нее появится невестка — теперь, когда мы стареем вместе, она знала, как утешить пожилого человека. И она, и я интересовались содержимым нового чемодана исключительно из женского любопытства и желания поскорее схватить подарок и рассмотреть его. «Ах, да!» — положив на стол ложку, проговорила сестра и быстро встала из-за стола. Не успела я ей сказать, что

¹³ Деревянная шкатулка с подарками и письмом жениха, посылаемая невесте.

никто не хочет смотреть подарки во время еды, как она уже вернулась с толстым конвертом.

— Я и сама хотела принести его, когда вы все соберетесь в одном месте. В этом конверте — деньги от вашего деверя и двух золовок. Когда они собрались посовещаться, какой сделать подарок, я посоветовала им подарить деньги, ведь они родственники со стороны жениха. Разве я не права? А поскольку они не знали, сколько денег следует дарить, то сумму тоже определила я. Наверное, я была похожа на разбойника, средь бела дня вымогая с них по тысяче долларов. Они ведь уже стали настоящими янки, а как известно, даже довольно состоятельный янки не выложит тысячу долларов на свадьбу родного сына — настолько они скупые. Тем не менее мои дети получили прекрасное традиционное воспитание: не говоря ни слова, они дали по тысяче долларов.

В Америке кроме моей старшей сестры со своими семьями жили ее второй сын и две дочери; в конверте, вероятно, было три тысячи долларов. Даже если бы они купили подарки, то вряд ли послали бы вещи стоимостью больше тысячи долларов. Я бывала в доме каждого из племянников, — хоть они и жили хорошо, но у каждого имелись большие долги. И выделить по тысяче долларов для племянника, известного им только по переписке, оказалось для них весьма непросто. Я подумала, что старшая сестра может гордиться собой и своими хорошо воспитанными в старых традициях детьми.

Жена старшего племянника, похоже, думала о том же. Я беспокоилась о том, насколько же им будет трудно после таких трат, но в то же время осталась довольна. Если они вместо подарков прислали деньги, то что же в таком случае означает новый чемодан? Интерес к нему, угасший было из-за конверта с деньгами, разгорелся с новой силой. Чем больше сестра пыталась отодвинуть его в укромный угол, тем сильнее он, словно незнакомый гость за столом, возбуждал наше любопытство. Честно говоря, мне не нравилось такое ощущение. Я понимала, что жена старшего племянника думает так же, как я, и из-за этого мучилась чувством вины перед сестрой.

С появлением подарочного конверта с деньгами все, за исключением старшей сестры, положили ложки на стол, словно потеряли аппетит. Она же продолжала есть как ни в чем не бывало, словно хотела кому-то досадить. Я заметила, что из-за нее, державшей до конца ужи-на ложку и палочки для еды, остальные члены семьи постоянно переглядываются между собой. Не понимая причины своих чувств, я решила заговорить, чтобы разрядить напряженную обстановку.

— Сестра, пожалуйста, перестаньте есть, давайте откроем чемодан. Я просто умираю от любопытства!

— Разве я не все подарки вам показала? Я показала все, что привезла, включая конверт с деньгами. Что еще вас интересует? — непонимающе спросила она, медленно положив ложку и палочки на стол.

— Вы еще не показали нам содержимое нового чемодана.

— Там ничего нет, сестра.

— То есть вы хотите сказать, что он пустой?

— Нет, я просто хочу сказать, что американских товаров практически не осталось... — подозрительно медленно проямлила старшая сестра.

— Ну, вы даете, сестра! Неужели вы думаете, что мы помешались на американских товарах? Какая разница, американский товар или китайский? Я просто хотела посмотреть, что же вы так бережете в чемодане, словно поминальную дощечку!

— Ну, что ж, если вам так хочется посмотреть — давайте посмотрим, — сухо ответила она и, с недовольным видом встав из-за стола, медленно направилась в свою комнату.

Когда я последовала за ней, у меня невольно испортилось настроение, словно я влипла в какую-то грязную историю. У меня не было намерения обидеть сестру — я сказала это в шутку и не понимала, почему та вдруг стала такой серьезной. Я посчитала, что все произошло из-за настроения этого дома. Несколько десятилетий старший сын и его жена совершенно не заботились о ста-

рой матери. У меня возникло желание защитить сестру, даже если никто меня об этом не просил.

Более-менее прибранная комната все же напоминала кладовку, — вещи были разбросаны в беспорядке. Посреди всего этого, покосившись, и высился вызвавший всеобщий интерес чемодан фирмы «Louis Vuitton». Отказавшись от моей помощи, сестра вытащила его в центр комнаты. Окруженная со всех сторон членами семьи, которые тихо вошли вслед за ней, она неловко и очень медленно раскрыла чемодан. Аккуратно сложенные внутри него вещи внезапно резко приподнялись, словно под ними была установлена тугая пружина. Будто свежий легкий ветерок промчался сквозь бамбуковую рощу.

Вскрикнув от неожиданности, все невольно отступили на шаг назад. В чемодане были желтоватые пеньковые платья и аксессуары к ним. Не успели мы оправиться от удивления, как сестра, вытаскивая вещи одну за другой, стала называть их по именам: вонсам, таный, чонгым, диё, мёнмок, аксу... Это были аксессуары к погребальной одежде.

— Мама, прекратите, остановитесь! — взволнованно воскликнул племянник, опередив меня.

Его жена, скрыв в ладонях лицо, выскочила из комнаты. Остальные члены семьи, шумно переговариваясь, вышли вслед за ней и стали ее утешать. Я же была занята тем, что запихивала вещи обратно в чемодан, — у меня не было времени размышлять, почему следует утешать притворно рыдающую жену старшего племянника. Я подумала, что лучше будет убрать вещи, вызвавшие такой переполох в доме.

— Раз уж так получилось, попрошу проводить меня в последний путь в той церемониальной одежде, которую я привезла с собой, — сквозь стиснутые зубы процедила старшая сестра.

Она сказала это с вызовом, что совсем было на нее не похоже. Сестра говорила о церемониальной одежде для похорон, которую привезла с собой, не забыв ни одного аксессуара. «А что в этом такого?» — спрашивала

она. Я сказала, что нехорошо накануне свадьбы хранить в доме погребальную одежду. Однако сестра, совершенно не волнуясь о своем поступке, протяжно зевнула и сообщила, что хочет пораньше лечь спать. Некоторое время я слушала соболезнования, высказываемые за дверью, затем постелила новое мягкое и легкое постельное белье для сестры, о которой впервые будет заботиться жена старшего племянника.

Знала ли моя старшая сестра, какое страшное давление она оказала на свою невестку? Мысленно задаваясь этим вопросом, я посмотрела на сестру, но та закрыла глаза, словно ей до смерти надоели все эти разговоры. Посмотрев на нее — одутловатую и жалкую — сверху вниз, я тихо вышла из комнаты.

Жена старшего племянника горячо спорила с кем-то по телефону. Она говорила так, словно рот у нее был полон слюны.

— А если нет?! Если не так — то что это значит?! Хорошо воспитанные дочери самоуверенно заявили, что совершенно не знали об этом, и ты тоже говоришь, что не знала? Ты говоришь — «недоразумение»? Что еще может означать то, что ты отправила вместе с семидесятилетней старухой церемониальную одежду для похорон, как не то, что ты отправила ее сюда умирать? До сих пор она ходила от дома к дому — вы использовали ее как домработницу. Теперь же, когда все дети выросли и не о чем беспокоиться, когда она физически ослабла, ты сбаврила ее сюда и решила, что это здорово, не так ли? И что мне теперь делать? На словах-то ты хорошо говоришь: мол, я старшая невестка, но неужели ты думаешь, что я дура? Ты, наверное, решила, что у меня нет характера? Так вот, слушай. И ты, и я, выйдя замуж за людей, не имеющих за душой ни гроша, всего в этой жизни добились сами! Тем не менее ты использовала старуху как рабочую силу. Я же рано освободилась от родительского дома мужа и ничего хорошего не видела. Моя совесть чиста. Когда семья старухи начала мне надоедать, как раз подвернулся шанс вернуться на родину, и я им воспользовалась. Теперь я свободна

от семьи мужа. А у него, хорошо говорящего по-английски, появилось множество возможностей. Мы оставили прекрасную страну, где женщинам легко жить, и заново начали жить в Корее. Почему ты так говоришь? Я такая же женщина, как и ты! Если бы ты заранее намекнула о своих тайных намерениях, я бы так не говорила сейчас! Я знаю, что ты тоже выросла, не получив нормального образования, но не предполагала, что ты такая расчетливая! Как ты могла послать мне дурацкую погребальную одежду, когда мой сын женится?! Я бы даже с врагом так не поступила! Да, меня это разозлило! Я бы еще поняла, если бы ты отправила старуху к тем, кто жестоко эксплуатировал ее, но я не могу понять, почему ты отправила ее с погребальной одеждой на свадьбу моего любимого сына?! Ну, давай, скажи что-нибудь в свое оправдание! Неужели ты, прожив долгое время в Америке, до сих пор не знаешь, что можно делать, а что — нельзя? Я не знаю, что ты задумала, но сколько бы ты ни оправдывала себя и сколько бы все ни отрицала, я хочу, чтобы ты знала: меня так просто не проведешь!

Видимо, племяннику стало стыдно передо мной, ведь я слышала, о чем говорит его жена. Сделав страшные глаза, он вырвал у нее из рук трубку и громко крикнул в нее:

— Ты не можешь заткнуться? Разве ты не знаешь, что одни слова можно говорить перед детьми, а другие — нельзя?

— Ваша мать заснула, — вмешалась я в разговор. — Судя по всему, она очень устала из-за разницы во времени. Я хотела провести рядом с ней всю ночь и поговорить по душам, но она отказалась, а мне нужно идти.

Я быстро покинула этот дом, никто не стал меня задерживать. У меня тоже были дорогие мне люди: внуки, невестка и сын, — о которых я не могла точно сказать, почтительны ли они по отношению ко мне. Дочь всегда волновалась за меня, и будь у нее такая возможность, наверное, забрала бы меня к себе. Я ни капли не сожалела, что племянник и его жена не стали меня задерживать,

но стоило мне подумать о том, что еще предстоит пережить моей старшей сестре в их доме, — меня охватило отчаяние, и я невольно замедлила шаг.

Вернувшись домой, я сразу же, втайне от домохозяев, из своей комнаты позвонила старшей племяннице в США. Я хотела, чтобы разговор оплачивался с моей стороны, поэтому позвонила сама. Она жила в районе Лагуна-Бич (это пригород Лос-Анджелеса). Характер племянницы был мягче, чем у ее старшего брата. Однако жена последнего, видимо, уже связалась с ней, — племянница знала о случившемся. Тем не менее, судя по ее удивленному тону, она совершенно не понимала, из-за чего такой переполох.

— Жена старшего брата ни с того ни с сего недовольно спросила меня, знала ли я о том, что в чемодане мамы церемониальная одежда для похорон. Но откуда же мне знать об этом, если мама вылетела в Корею из дома младшего брата, который живет в Сан-Франциско? Я лишь отправила с ней деньги, даже проводить ее не смогла. Ну а если бы даже и знала — что в этом такого? Если мать решила взять с собой что-то в поездку, как я ей могу запретить? Погребальную одежду ведь шьют для того, чтобы проводить человека в последний путь. Может быть, мама взяла ее с собой на всякий случай, если скончается во время поездки в Корею. Эта одежда могла бы избавить от хлопот моего брата и его жену, ведь им не придется заботиться о погребальной одежде, если вдруг такое случится. Неужели никому из вас не понятно, что она сделала это без всякой задней мысли? Словно предчувствуя, что вот-вот должна умереть, она с нетерпением ждала года с дополнительным, тринадцатым, лунным месяцем, и чуть ли не умоляла детей, чтобы они разрешили ей поехать на родину. Вы хоть знаете, насколько дорогая эта одежда? Я с самого начала не хотела просить невестку, которая живет здесь, — все сделала сама. И это оказалось дешевле, чем говорили. Среди местных пожилых корейцев весьма популярно приготовление погребальной одежды в год с тринадц-

цатым лунным месяцем, — и, естественно, цены на шитье очень высоки. Корейская община здесь достаточно большая. Я сшила так же, как делали другие, но мама сказала, что это китайская пенька, и отказалась от нее — она хотела погребальную одежду только из корейской пеньки. Тетя, вы же прекрасно знаете, что значит для нас мать, — неужели я могла отказать ей? Поэтому готовую одежду из китайской пеньки подарила одному бедному пожилому человеку, а затем мы снова скинулись, купили пеньку из уезда Андон провинции Северная Кенсандо, и я сшила погребальную одежду из нее. Но я не понимаю, из-за чего у вас случился такой громкий скандал! Тетя, вы же знаете, как жарко в Лос-Анджелесе! Тем не менее порой бывают и холодные зимы, и некоторые пожилые люди выходят из дома в норковых шубах. У меня тоже есть норковая шуба, правда, она уже не так красива. Неужели вы не можете понять нашу мать и снисходительно отнестись к тому, что она привезла с собой погребальную одежду?

Когда я услышала рассказ племянницы, то мне показалось, что в погребальной одежде сестры действительно не было никакого скрытого умысла. Я подумала, что жена старшего племянника отреагировала так остро из-за полученного ею в аэропорту шока, — ведь образ моей старшей сестры совершенно не соответствовал знаменательному событию. Но как это объяснить племяннице, которая сравнивает норковую шубу с погребальной одеждой, и заставить ее понять возникший в наших душах конфликт? Я ответила ей, что, похоже, ее мать задержится здесь не надолго, и на этом закончила разговор.

Однако скандал с погребальной одеждой старшей сестры, к сожалению, на этом не закончился. Спустя несколько дней после ее приезда мы получили сообщение, что со стороны невесты прислали свадебные подарки и нас приглашают посмотреть их. Несмотря на то, что все члены семьи жениха находились за границей, сваты приготовили подарки и для них и раздали их родственникам жениха. В сообщении говорилось, что мне тоже пришел

свадебный подарок. Для нас с сестрой это были отрезы из шелка; у старшей сестры отрез для турумаги — корейского верхнего халата, а у меня — для юбки и кофты. Это неравенство даров соответствовало нашему с сестрой неравенству в возрасте, но я не обижалась, напротив, было даже приятно. У сестры отрез был светло-розового цвета, а у меня — золотистого. Я размотала рулон ткани, набросила его на плечо сестры, демонстрируя красоту материала, и сказала: «И как только они умудрились выбрать такой подходящий цвет?» Проницательность сватов поистине удивляла. Впервые за долгое время старшая сестра улыбнулась, и морщины на ее лице разгладились. Неожиданно она вскочила с места и встала перед большим зеркалом. Затем опустила с плеча шелковую ткань до пят и стала показывать ее, поворачиваясь к нам то одним боком, то другим. Я почувствовала, как в это время тихо оттаивают наши холодные души, как разглаживаются изящные складки шелка высшего качества, как незаметно отходят на второй план житейские дела. Но слова сестры, которые та неожиданно произнесла, восхищенно разглядывая себя в зеркале, в тот момент были действительно неуместными.

— Было бы чудесно сшить из этого шелка погребальную одежду, не правда ли? — слабым голосом проговорила она, сверкнув белоснежной улыбкой и ожидая нашего согласия.

В этот момент даже мне стало жутко. Что уж говорить о жене старшего племянника — та пришла в ярость и не нашла слов для ответа; лицо ее побагровело. Я поспешно покинула дом племянника, словно за мной гнались, — я отказалась от мысли примирить их, оставшись ночевать в их доме. Положив конверт с деньгами за шитье на шелковый отрез, преподнесенный мне в качестве свадебного подарка, я похлопала жену племянника по плечу и сказала, что придется терпеть: моя старшая сестра, похоже, страдает старческим слабоумием.

— Вот что я скажу тебе: у твоих золовок и деверя даже в мыслях не было вытолкать сюда мою старшую

сестру умирать! Не будучи особо почтительными детьми, они сказали, что у их матери достаточно денег, так что впредь, даже если она заболит, вам не придется беспокоиться о стоимости лечения. Я тоже не так много знаю об Америке, но ясно одно: она приехала сюда не для того, чтобы провести здесь остаток жизни, — не стоит этого бояться. Пока она здесь, относись к ней хорошо. Как только свадьба закончится, я позабочусь о том, чтобы она надолго здесь не задержалась, — добавила я.

Я ни на минуту не забывала, что таково было желание жены старшего племянника. Но как же невыносимо ей было слышать о погребальной одежде, если в день свадьбы она не вручила своей свекрови одежду из того подарочного шелка!

В день свадьбы сестра надела желтовато-зеленый ханбок. После торжества она осталась в доме сына и в течение месяца хорошо проводила там время: без проблем со здоровьем и стычек с невесткой. Вспоминая, какой прием мне оказывала сестра в США, я понимала, что должна была пригласить ее погостить к себе на несколько дней и попросить свою дочь, которая хорошо водит машину, чтобы та прокатила нас с ветерком по окрестностям Сеула. Но почему-то такого желания не возникало. Не было и закона, согласно которому сестра или я должны были все время находиться в поле зрения своих невесток. Однако мне достаточно было мельком взглянуть на мрачную жену старшего племянника, чтобы представить, насколько нежеланным гостем была моя сестра в доме у старшего сына, — для них она была абсолютно чужим человеком.

После этого случилось еще одно событие, которое заставило меня поспешно отправить сестру домой, словно неприятный груз. К счастью, оно не имело никакого отношения к погребальной одежде. Однако это происшествие было еще более странным. Мне позвонила жена старшего племянника и попросила прийти как можно скорее. Когда я прибежала к ним домой, сестра сидела с отрешенным взглядом среди густо опавших цветов. Искромсав

в течение ночи присланный сватами отрез шелка на мелкие розовые кусочки, по размеру и форме напоминающие мух, она отсутствующим взглядом уставилась куда-то вдаль. От этого нереальность ее поступка только усиливалась. Сестра посмотрела на меня и улыбнулась такой же белоснежной улыбкой, как и в тот день, когда я развернула отрез шелка и накинула его ей на плечо.

Я испуганно спросила: «Сестра, почему вы так поступили?» — и, подбежав к ней, обняла. Ее тело, не знавшее, на какое безумие она еще способна, было легким словно зола. Потрясенная иррациональным ощущением, будто я обнимаю не сестру, а ветер, я невольно оттолкнула ее от себя.

— И даже в таком случае я плохая невестка? — набросилась на меня жена племянника, пронизывая взглядом.

В этот момент она была крайне неприятной, но мне ничего не оставалось — только встать на ее сторону. Я решила помочь ей как можно быстрее отправить мою сестру обратно в США. Это оказалось не так уж сложно. Живущая там племянница была мягче и добрее, чем ее старший брат. Когда я позвонила ей и сказала, что ее мать хочет вернуться домой, назвала день и время вылета, она ответила: «Я поняла вас, тетя», — и повесила трубку. На этом разговор закончился. Поскольку это сделала я, проблема решилась достаточно просто; если бы дело решала жена племянника, вероятно, возникло бы гораздо больше лишних разговоров.

В последний раз я видела свою сестру живой в день ее вылета в США. По сравнению с моментом прилета в Корею, она выглядела гораздо изящнее и держалась с достоинством, словно это был совершенно другой человек. На ней был желтовато-зеленый ханбок — тот самый, который она надевала на свадьбу старшего внука; белые носки-посон выглядывали из резиновой обуви, сделанной в Корее. Аккуратно зачесанные назад волосы, успевшие за это время отрасти, хорошо сочетались с ее маленьким ростом и чуть опущенными, усталыми плечами. Из багажа у сестры был все тот же чемодан фирмы

«Louis Vuitton»; старый чемодан, похожий на плетеную корзину, выбросили, заменив на новый и удобный. Глядя на два больших раздутых чемодана, было понятно, что семья моего старшего племянника послала много подарков брату и двум сестрам, живущим в США. Жена старшего племянника не особенно с ними дружила, однако тщеславия ей было не занимать.

— Говорят, в Америке хорошая вода, но для пожилых людей все же лучше вода из Кореи. Иначе как объяснить то, что в течение нескольких месяцев ваша свекровь так похорошела? — польстила я жене старшего племянника.

Это действительно было так, и в душе я благодарила жену племянника за то, что она все это время терпела столь чуждающую и эксцентричную свекровь и так спокойно отправила ее домой. В зале ожидания провожающие родственники и улетающая сестра обнимались по-европейски, касаясь щеками. Это зрелище не смущало меня и даже было в какой-то степени приятно. Я, как и все остальные, на прощание обняла сестру и коснулась щекой ее щеки. Ей не было стыдно перед другими пассажирами — ее вышли провожать не менее десяти родственников, — но у меня, считавшей, что больше ни у кого из присутствующих нет желания сохранить во время объятий чувство родства, защемило в душе и невольно задрожали веки. Сестра же не проявляла никаких чувств.

Жена старшего племянника тихо сказала мне, что отобрала у свекрови целую корзину лоскутков, оставшихся от подаренного сватами отреза шелковой ткани. А прошлой ночью, тщательно проверяя ее багаж, обнаружила, что внутри чемодана фирмы «Louis Vuitton» среди погребальной одежды разбросаны лепестки цветов. Выходя из аэропорта, жена племянника прошептала мне о последней слабости своей свекрови.

— Ну и что? Как ты поступила? — тяжело дыша, спросила я.

— Что значит — «как поступила»? Притворилась, будто ничего не видела.

— Спасибо, ты все сделала правильно.

Успокоившись и с облегчением вздохнув, я отказалась от предложения старшего племянника подвезти меня до Сеула и направилась к автобусной остановке. Каждый раз, когда его жена наушничала о странном поведении моей сестры, я думала, что больше не хочу ее видеть, ибо в такие моменты она казалась мне злым духом, предвещающим несчастье.

С того дня прошло меньше двух месяцев: и вот именно от нее я получила известие о смерти своей старшей сестры. В принципе, два месяца — не такой уж короткий срок. Отправив сестру домой, я ни разу не поинтересовалась, как она жила все это время. Конечно, нельзя сказать, чтобы я не думала о ней вообще. У меня не возникало мысли позвонить или написать письмо, я просто ждала трагическую новость. В любом случае я понимала, что не в силах чем-либо помочь. И считала, что отсутствие плохих новостей — тоже хорошая новость.

В аэропорту сестру встретила дочь старшего племянника. Скорей всего, она же и заботилась о моей сестре до самой ее смерти. Каждый раз, когда я ездила в США навестить сестру, именно в ее доме лучше всего ко мне относились и именно там я спокойнее всего себя чувствовала. Говорили, что дом дочери племянника находится в одном из самых богатых регионов страны. Этот район был похож рекламную на картинку: редкие дома с черепичными крышами и аккуратными садиками, выстроенные в соответствии с рельефом местности. Двор дома дочери племянника выходил прямо к океану. В конце двора площадью примерно в триста тридцать квадратных метров прямо под обрывом на побережье с шумом набегала волна и с силой обрушивалась на берег белой пеной, яростно атакуя его, словно хищный зверь. Я спросила сестру: не боится ли она жить в таком месте? Та ответила: а что, мол, страшного в Тихом океане? «Разве не страшно жить на берегу океана?» — Об этом я не решилась ее спросить.

Однажды мы с ней целый день бродили по деревне, в которой жила племянница. Там было столько прекрас-

ных цветов, что нам казалось, будто мы в ботаническом саду! Желтые полевые цветы, в изобилии растущие в заброшенных местах или на отвесной скале, издали напоминали рапс. Здесь их называли «дикой горчицей».

В деревне жили известный киноактер, богатый адвокат и вышедшие на пенсию высокопоставленные чиновники. Указывая пальцем на их дома, сестра подробно рассказывала о каждом из них так, будто лично их знала. Выходит, муж моей внучатой племянницы зарабатывает более чем достаточно, раз корейцы могут жить в этом районе. Но сестра сказала, что далеко не все корейцы, живущие здесь, хорошо зарабатывают. Кивая на какой-нибудь дом, она поясняла, что за теми воротами в доме с двумя бассейнами живут корейские эмигранты, наделавшие больших долгов, а в доме, похожем на замок, где сейчас самый разгар ремонта, обосновался кореец, который несколько лет назад опубликовал скандальную статью в газете и, заработав на этом огромные деньги, сбежал сюда. Она делала вид, будто знает все обо всех.

Дорога, окружающая деревню, выглядела злобещей словно спина анаконды и даже какой-то пустынной, но время от времени по ней проезжали машины.

В тот день сестра выглядела необычно веселой и радостной, хотя ночью мы обе стонали от усталости. Почему же, бродя по деревне целый день, мы не встретили там ни одного человека? Да и вообще, в этой ли деревне живут люди, о которых она рассказывала? Я не знала, почему после смерти сестры постоянно сомневалась в правдивости ее рассказней.

Посчитав, что похороны уже закончились и старший племянник вернулся домой, я, изнывая от желания расспросить его, как все прошло, решила позвонить. Трубку подняла не его жена, как это обычно бывало, а он сам. Племянник сказал, что сегодня впервые после похорон вышел на работу и, естественно, вспоминал обо мне. Позднее он добавил, что пошлет за мной машину и, если мне будет удобно, угостит меня обедом. Я была

сыта, но отказываться не стала, поскольку по интонации племянника поняла: он хочет мне что-то сказать.

Я знала, что сестры с возрастом становятся похожи друг на друга и что для их детей наше с сестрой сходство послужит неплохим утешением после потери родной матери.

Мы встретились в довольно дорогом японском ресторане. Мой племянник приехал заранее и ждал в зале, куда меня любезно провел официант.

Как только я вошла, племянник тут же вскочил и радостно поприветствовал меня, с теплотой пожимая мою руку. Такое сильное проявление родственных чувств он даже во сне не осмелился бы продемонстрировать перед своей женой. Сочетание вкусов овощей и мяса чжон-голя¹⁴ в горшочке было мягким и сладким, но едва ли съедобным для корейца. Чаше, чем горячий бульон, племянник шумно потягивал сакэ¹⁵. Он сказал, что его мать умерла в больнице санаторного типа для психически больных людей во время приступа эпилепсии. Это рассказала ему после похорон его дочь Кёне.

— Почему же Кёне не сообщила мне об этой болезни? Хотя, по правде говоря, даже если бы я и знал, вряд ли это что-нибудь бы изменило. Тетя, почему мысль о том, что, если бы даже я понимал мать, результат был бы тем же, так мучает меня? — чуть не плача спрашивал он, обхватив голову руками. Обычно молчаливый и спокойный, сейчас племянник не был похож сам на себя и без остановки говорил о своей матери. Из-за его рассказа мне на миг показалось, что я сижу не напротив племянника, а напротив своей сестры и слушаю историю ее жизни.

— ...Когда я впервые отправилась в Америку, мне было уже за шестьдесят. В то время в Корее было очень тяжело жить. Старший брат моего мужа, потерпев неудачу в бизнесе, иммигрировал туда раньше всех бла-

¹⁴ Солянка из мяса, овощей, грибов и т. п.

¹⁵ Традиционный японский алкогольный напиток крепостью примерно 15 градусов.

годаря связям младшей сестры жены, которая вышла замуж за американского военного. Спустя несколько лет он стал жить гораздо лучше и на каждый день рождения присылал матери по сто долларов. По тем временам это были настолько большие деньги, что их бы вполне хватило, чтобы сыграть приличную свадьбу.

Моя свекровь, осознав, что ее сын уехал в Америку и стал богачом, с каждым днем становилась все заносчивее и беспокоилась за своего второго сына — моего мужа, — который жил лишь на одну зарплату. Это даже было не столько беспокойство, сколько досада от невозможности конкурировать с другими. А для этого мой муж был уже слишком стар. Все, кто мог преуспеть в его возрасте, уже давно преуспели, а кто не сделал этого до сорока пяти лет, терял всякую надежду на успех. Лучший друг моего мужа, выпускник престижного университета, не один год работал за границей и сделал там великолепную карьеру. Этот факт, а также неудовлетворенность работой в маленькой фирме заставили моего мужа тоже задуматься о том, чтобы уехать. Целыми днями он бубнил себе под нос, что надо немедленно уволиться из этой несчастной фирмы, — ничто его здесь не держит. Возможно, на его идею о том, что он живет здесь как бродяга, повлияли и рассказы нашедшего там приличную работу старшего брата о многочисленных возможностях и красивой природе. Убедив себя, будто какая-то неведомая сила несправедливо выталкивает его на обочину жизни, муж постепенно пришел к мысли, что он должен уехать в страну, которую так расхваливает старший брат, в страну, где соблюдаются законы и где усердно работающий человек может жить достойно. Мой муж не был доверчивым человеком — он не верил словам брата безоговорочно, но в те времена многие уезжали из Кореи в поисках лучшей жизни. Тогда все вокруг были недовольны, а иммиграция в Америку казалась тем спасительным выходом, о котором хоть раз да мечтал каждый кореец. Статус человека мгновенно повышался, едва он вылетал из корейского аэропорта.

Приложив все свои силы, мы наконец смогли иммигрировать в Америку. Свекровь уже умерла, и это несколько облегчило нам жизненные трудности: в частности, исчезло беспокойство о том, сможем ли мы прижиться в чужой стране. Нас было шестеро: мы с мужем и четверо детей.

Семья старшего брата мужа вместе с разведенной свояченицей держала небольшой ресторантик в Лос-Анджелесе. Заведение, которым владел кореец, было пропитано терпким запахом кимчи и чоткала¹⁶ куда сильнее, чем любой захудалый ресторантик в корейском захолустье. Старший брат мужа говорил, что многие их клиенты ностальгируют по этому запаху, однако нам, жаждавшим отведать местной еды, он совсем не понравился. И сильнее всех возмущался этим запахом мой муж.

Старший брат мужа сообщил, что его свояченица хочет независимости, и на ее место он планировал поставить своего брата. Однако мой муж, приехавший с настоящими иммиграционными документами и практически в совершенстве знавший английский язык, не хотел работать в маленьком ресторанике, где порой за целый день не услышишь ни слова по-английски. Пытаясь всеми возможными способами влиться в американское общество, он стал потихоньку тратить привезенные с собой деньги. Когда у мужа окончательно испортились отношения со старшим братом, он ушел из ресторана. Я тоже больше не могла там работать, и нам стало весьма затруднительно обучать детей. Старший брат мужа гордился тем, что его дети посещают хорошую школу, и связывал с ними большие надежды. Он самоуверенно говорил, что, работая день и ночь как собака, тратит деньги как министр¹⁷. Но даже если муж и зарабатывает хорошо, в американском

¹⁶ Засоленная пища в корейской кухне, приготовленная из морепродуктов, таких как креветки, устрицы, моллюски, рыба, рыбные икра и внутренности. Используют как добавку к кимчи.

¹⁷ «Работай как собака, трать как министр» — старая корейская пословица.

обществе жить очень трудно, поэтому жена тоже должна работать — таков был неизменный совет людей, который хорошо подходил таким людям, как мы. В отличие от мужа, я изучала английский язык лишь в женской школе во времена колониального правления японцев и потому испытала стыд из-за своих скромных познаний, вначале у меня даже не хватало смелости использовать их. Мне было легче умереть, чем работать у людей, с которыми невозможно взаимопонимание. Цветному человеку трудно выдержать отношение белых — они держались как хозяева. А такому робкому человеку, как я, очень нелегко было справиться с таким стрессом.

Первую официальную работу я нашла в компании, занимавшейся замораживанием креветок. Моя задача состояла в том, чтобы сортировать замороженные креветки — в зависимости от их размеров разделять их на несколько категорий и упаковывать в коробки. Зарплату выдавали раз в неделю в соответствии с объемом проделанной работы (моя была самой маленькой). Это было естественно, ведь я работала медленнее всех. Но несмотря на это, я была довольна. Мне нравилось, что я могу зарабатывать своим трудом, к тому же у меня появились коллеги, которые выполняли такую же работу, в основном — полные мексиканские девушки. Они были добрыми и веселыми, и больше всего в них мне нравилось то, что я могла свободно с ними общаться. Я почти не понимала английский язык, на котором говорили белые люди, в то время как мексиканский английский казался для меня на удивление понятным.

Неожиданно мне предложили работу в офисе. Она была довольно проста и заключалась в регистрации количества входящей и исходящей биомассы. Платили здесь больше, к тому же теперь мне не приходилось заниматься тяжелым трудом. Я была в этом деле новичком и работала хуже всех, но, когда поняла, какие перспективы передо мной открываются, почему-то испытала сильную неловкость перед коллегами. Однако, прежде чем попасть на эту работу, я прошла нелегкий

путь. Все началось с того, что креветки, отправленные нашей фирмой в супермаркеты, стали возвращать обратно в больших количествах. Причиной тому послужило то, что мы без разбору смешивали маленькие и большие креветки, не считаясь с маркировкой на упаковках. Когда возвращенный товар проверили, это действительно оказалось так. Чтобы узнать, кто из сотрудников недобросовестно относится к своим обязанностям, на упаковках стали делать специальный знак с указанием имени — теперь легко было определить, кто именно фасовал данный пакет. После проверки выяснилось, что я оказалась единственной, кто работал добросовестно. И хотя в компании имелся порядок продвижения по карьерной лестнице, я первой из новичков получила повышение. Но чувствовала я себя при этом весьма неловко и все время бормотала: «I am sorry». Стоило мне встретить директора, инспектора или кого-то из коллег, я поневоле извинялась. Опасаясь, что кто-нибудь станет мне завидовать, я вела себя более чем скромно, хотя, честно говоря, на душе у меня было неспокойно. Постепенно моя приниженность и постоянное заискивание перед всеми стали вызывать насмешки. Не знаю, кто и что сказал начальству, но вскоре меня перевели работать в цех, где ужасная механическая машина перемалывала рыбу вместе с костями. Процесс чистки той машины был крайне тяжелым. Машина была очень большой, люди говорили, что кому-то из-за ошибки управления отрезало руку до предплечья. Я испугалась и очень скоро оттуда уволилась. Из всей этой истории я твердо уяснила: нельзя жить, постоянно склоняя голову перед всеми и чувствуя себя без вины виноватой.

Пожалуй, единственной пользой от работы в компании по замораживанию креветок было то, что от мексиканок, работавших вместе со мной, я слышала о надежном бюро по трудоустройству, которое возглавляла японка. Я неплохо знала японский, и мне казалось, что если я смогу свободно изъясниться на этом языке в бюро, то передо мной откроется путь к достойной жизни.

Это предположение не выходило за рамки моих ожиданий. Директором бюро по трудоустройству действительно оказалась пожилая японка. Я рассчитывала, что мое знание японского окажется весьма полезным для бюро, но она, желая лучше узнать о моих способностях, заставила меня много говорить. Изголодавшись по общению, я принялась рассказывать, не останавливаясь, словно сняла с себя тормоза. Улыбаясь, японка задавала вопросы по ходу дела и поддакивала. Делала она это для того, чтобы узнать, какой вид работ я могу выполнять (само собой, я пришла, выучив по-японски несколько слов о том, что я могу делать). И несмотря на то, что особых навыков у меня не было, она тут же начала подыскивать для меня работу, которая могла бы мне подойти и где я могла бы преуспеть. Я переживала настоящее счастье. Это чувство разительно отличалось от тех эмоций, которое я испытывала, отвечая на вопросы, когда пыталась самостоятельно найти хоть какую-то работу. С некоторой неловкостью я откровенно рассказала японке о том, что не успела окончить университет, что прежде, чем иммигрировать, ни разу не работала, что являюсь выпускницей известной женской школы в Корее, которая заботилась об учениках, словно мудрая мать. Рассказывая о школьных годах, я со щемящей тоской вспомнила, что моим любимым предметом были кройка и шитье по-европейски. Для всех девочек обучение в женской высшей школе было последним полученным образованием, где в старшем классе основательно преподавали такие предметы, как правила этикета, искусство кулинарии и шитье, столь необходимые в реальной жизни. Одним из этих предметов и были кройка и шитье по-европейски. Этот предмет вела учительница, обладавшая редкой западной красотой, и ее уроки у нас были очень популярны. Швейное оборудование было отличным; под руководством этой прекрасной учительницы мы получили основательную базовую подготовку в работе на швейных машинках и могли свободно кроить одежду любого типа и размера.

Когда я выходила замуж, сохраненные конспекты по кройке и шитью и полученные навыки очень мне пригодились. Я вспомнила, что никогда не покупала дочерям платья, — всегда шила их сама. И все это — благодаря школьным урокам и конспектам.

Судя по тому, что я рассказала той женщине даже о таких почти забытых старых вещах, я отчаянно нуждалась в разговоре, который бы выходил за рамки обычных собеседований по поиску работы. С первого же дня я почувствовала дружеское расположение к этой японке. Мы были примерно одинакового возраста и имели общий язык, на котором могли выражать свои чувства и мысли. Раньше я никому не могла так свободно, не стесняясь, рассказать о себе. Но она, похоже, слушала мою историю с прекрасным профессионализмом.

Вскоре с ее помощью я нашла работу швеи в ателье пошива одежды по индивидуальным заказам. Этим ателье владела француженка. Зарплата здесь была намного выше, чем в фирме по замораживанию креветок, — очевидно, японка преувеличила мои способности. Беспокоясь о последствиях, я уже собиралась было сообщить ей, что откажусь, но именно в тот день японка была очень занята, а за мной пришел человек из этого ателье. И мне ничего не оставалось, кроме как пойти на новое рабочее место.

Ателье по пошиву модной одежды находилось в чистом и спокойном переулке, недалеко от японского района. Я пришла работать туда по рекомендации японки, однако та неповторимая атмосфера, когда даже самые простые вещи выглядели очень модными, стала для меня удивительным примером прекрасного сосуществования Японии и Франции. И хотя это было ателье европейской одежды, у него не было витрины. Если войти в него, толкнув дверь — наподобие тех, какие распространены в европейских кафедральных соборах, — можно было увидеть комнату с большим окном, в которой стояли в изящных позах бледные, надменные и даже немного печальные манекены, облаченные в платья из дорогих тканей, таких как атлас или шифон, с красиво свисающими складками.

Чтобы попасть в рабочий кабинет француженки, следовало пройти через маленький зал с приемной, который был идеально прибран и рационально обустроен для работы. На лице владелицы ателье не имелось ни одной морщины, но при этом оно было настолько высохшим и худым, что невозможно точно определить ее возраст, а пухлые губы, покрашенные ярко-оранжевой помадой, выглядели так, словно в них зажат цветок настурции. Далее располагалась рабочая комната, где были установлены швейные машинки, за которыми работали несколько арабов. Я не могла понять ни слова из того, о чем говорили между собой они и француженка. Хозяйка ателье давала мне краткие инструкции на простом английском, иногда на японском. Некоторые слова она произносила так тихо, что проще было догадаться, о чем идет речь, глядя на ее губы. Мне же говорить почти не требовалось. Однако с тех пор, как я вступила на американскую землю, именно в этом ателье молчание было самым приятным. Это было даже не столько молчание, сколько растворение в работе, которая заключалась в том, чтобы раскроить ткань по тому образцу, что давала француженка. Вспоминая уроки любимой учительницы, я распарывала швы спереди и сзади, слева и справа по корпусу, кроила, тщательно отслеживая, чтобы проймы смотрели в противоположные стороны. И даже когда на ткани не было рисунка, кройка таким способом была основой. Француженка удивлялась этому и хвалила меня. Вскоре я поняла, что она мне доверяет, и что моя очередная работа ей нравится.

Мой муж тем временем все еще блуждал в поисках места под солнцем, а я уже смогла ощутить чувство полной безопасности, пройдя кризис иммигрантской жизни.

Работы всегда было много, но я почти не видела клиентов, которые бы приходили подогнуть одежду. Да и те, кто являлся, были не хозяевами, а слугами. Мне не верилось, что в американском обществе существует столь консервативное, закрытое, аристократическое общество, которое или звонило, или посылало для подгонки одежды своих слуг. И все-таки это было реальностью.

В свободное от работы время я пробовала провести аналогию с тем высшим слоем общества, о котором когда-то читала в одном мистическом романе: среди бушующей чумы, называемой в то время Черной смертью, хозяин замка, собрав избранных дворян, наделенных властью и богатствами, и полностью изолировав их от внешнего мира, приготовился встретиться с чумой лицом к лицу и победить ее. Находясь в условиях совершенной обороны в замке, куда не то что чума, даже кончик иглы или даже само время не могли проникнуть, они все равно не избежали ужаса Черной смерти. Изо дня в день они искали спасения от страха смерти в пороках и развратных плясках, но однажды с испугом обнаружили, что среди них бродит незнакомка в черном одеянии, хотя в замке никоим образом не могло быть посторонних. Это и была Черная смерть — танцующие дворяне один за другим умерли от страха.

Глядя на эти костюмы, я иной раз думала, что они очень хорошо подошли бы тем высокомерным и эгоистичным дворянам полностью изолированного замка из старого романа.

Гораздо больше, чем эти мистические одежды со свисающими складками, мне нравились шелковые комнатные тапочки, на которых владелица ателье собственноручно вышивала фальшивыми жемчугами узоры; вуаль из тонкой шелковой ткани; корсаж, расцветавший сногшибательно красивыми цветами, которые были ловко вырезаны ножницами с блестящими длинными лезвиями из лоскутков или остатков ткани. Я тихо наблюдала, как француженка каждый день с упоением погружалась в работу. Корсаж, который украшал отливающее черным, серебристым или фиолетовым оттенком платье, несмотря на то, что был сделан в подобной же цветовой гамме, придавал этой нереалистичной одежде удивительное чувство осязаемости. И хотя корсаж выглядел так, будто хотел выйти из-под платья, продырявив его, в то же время он оставался кокетливо-очаровательным. Француженка, возможно, сама того не подозревая, играла со своей уже

готовой одеждой, сшитой для серьезных или торжественных случаев. Я каждый раз видела, как самозабвенно она мастерила корсаж, словно забавлялась с ним; как по утрам, стоя перед зеркалом, с таким же видом наносит оранжевую губную помаду. Стоило мне представить ее без помады, как по спине пробегали мурашки.

Я чувствовала себя неловко из-за того, что среди всех сотрудников ателье я выполняла самую легкую работу, и по возможности старалась задерживаться там как можно дольше и уходила домой после того, как заканчивала уборку в офисе. Где бы я ни находилась, чувство неловкости и вины было главной моей проблемой. Я брала ключи, чтобы открывать и закрывать ателье. Оставаясь в идеально прибранном кабинете француженки, искушенная запретом, с гулко стучащим сердцем я часто смотрелась в висевшее на стене огромное зеркало, накинув на себя готовую одежду, которую еще не успели унести. Одежда для девушек и женщин, которую я тайком примеряла, соответствовала телосложению западной женщины и для меня была непомерно большой. Однако ощущение текстуры первоклассной ткани приводило меня в неописуемый восторг, а расцветающий на груди корсаж был прекрасен, как сохранившаяся во мне легкомысленность. Ах, как я любила то время! Тогда я могла ощущать в душе суету страсти, которая была сладкой, но в то же время тревожной словно лихорадка.

Ателье европейской одежды оказалось гораздо более знаменитым, чем я предполагала. Однажды туда нагрянула съемочная группа местной телекомпании вместе с огромным количеством оборудования. Эти люди вели себя так, словно у них была договоренность с хозяйкой. Я была поражена, однако остальные сотрудники ателье, ничуть не удивившись, приветствовали их. Повсюду было установлено яркое освещение, воткнуты штепсели, вокруг, шумно переговариваясь, туда-сюда сновали люди с микрофонами и камерами. Они разговаривали по-английски. Я понимала их, но шум очень беспокоил меня: мне казалось, что вместе с ним утекает тишина.

Один из инженеров, устанавливавших оборудование, был азиатской наружности. Он был похож на корейца, и я попробовала обратиться к нему на корейском. Но он пожал плечами, широко раскрыл руки, жестом показывая, что не понимает меня, и лицо его сразу же приняло равнодушное выражение. Я продолжала наблюдать за ним и, когда регулируемое устройство не захотело настраиваться, услышала, как он выругался по-японски. Тогда я подумала, что, если не удастся поговорить с инженером по-корейски, пообщаюсь с ним по-японски. Поэтому подождала, пока тот закончит свою работу, и неожиданно для него заговорила по-японски. На этот раз он обрадовался. Однако с моей стороны было роковой ошибкой спросить его, достаточно ли знаменито ателье модной европейской одежды, чтобы снимать о нем репортаж для телевидения. Он ответил, что их группа занимается лишь съемкой необычных работ, а француженка известна тем, что шьет погребальные одежды для богатых людей по очень высоким ценам.

И тут я осознала, что вечерние платья, которые я примеряла по вечерам, оставаясь с ними наедине, были погребальными одеждами. В тот же день я ушла из ателье, прекрасно зная, что у меня никогда не будет такой комфортной и хорошо оплачиваемой работы. Я больше не хотела работать там. У меня было много финансовых проблем, пока у мужа не появилась стабильная работа, но я ни разу не пожалела, что оставила ту работу, и больше не заглядывала в японское бюро по трудоустройству.

Как влюбленная девушка, которая крепко обняла своего возлюбленного, оказавшегося скелетом, стала сохнуть от горя, — так же и я больше не могла вернуться в прошлое. Да, на этой работе не приходилось иметь дело непосредственно с трупами, — и с моей стороны было большой глупостью упустить столь хорошее рабочее место. Однако запрет, связанный с мертвецами, оказался настолько силен, что я не в силах была преодолеть древнюю культуру своей страны.

ЖЕНЩИНА, КОТОРАЯ ИГРАЛА С МЯЧОМ

*У нее возникло внезапное желание поиграть с ним.
Сделать все те оскорбительные и вульгарные вещи,
которые он проделывал с ней.*

*Хозяин должен стать рабом, а раб — хозяином.
Оказывается, роли так легко могут поменяться!
Теперь она сможет прижечь сигаретой его грязное
предплечье,
приказать ему ползать по полу комнаты,
заставить его, как собаку, облизывать все ее тело.*

Выйдя на конечной автобусной остановке, Аран прошла мимо дома и направилась в сторону «Парка скульптур». Дом был слишком тесным, чтобы вздохнуть там полной грудью и успокоить душу. Место, которое жители деревни называли Парком скульптур, на самом деле представляло собой широкий луг. Когда-то некий скульптор реконструировал близлежащий крестьянский дом, организовал в нем чайную, установил скульптуры на свободных участках и оформил его как парк. Теперь же от этой чайной не осталось и следа, однако разбросанные то тут, то там остатки скульптур сохранились. О самом скульпторе говорили, что он то ли умер, то ли иммигрировал,

а большинство уцелевших статуй либо были повреждены, либо стали уродливыми. Каждый раз отправляясь туда, Аран задумывалась о том, арендовал ли скульптор парк или же самовольно завладел этим участком земли.

Наверное, у земли тоже есть что-то вроде судьбы. Несмотря на то, что расстояние от центра города до транспортно́й дороги было небольшим, цена на землю в этом районе не росла. Говорят, что когда-то этот район был окраиной Сеула. Здесь располагалась деревня, жителями которой были люди, потерявшие свои дома. Их привезли сюда, раздали каждому примерно по тридцать три квадратных метра земли и уехали, оставив несчастных, словно мусор. То ли начало было неправильным, то ли еще что, но после этого самым важным событием в районе было возникновение жилого комплекса, который состоял из одного многоэтажного дома, сдаваемого в аренду, и многоэтажного жилого дома для жителей деревни. Оба дома предназначались беднякам и каждому из них недалеко от дома выделили тридцать три квадратных метра земли. Дом, в котором Аран купила квартиру, находился далеко от конечной автобусной остановки, на окраине деревни, где было тихо и немногочисленно и можно перевести дух.

В Парке скульптур не имелось скамеек. Их заменяли развалины скульптур. Иногда на глаза попадались столбики с надписями на табличках, однако скульптуры и эти столбики чрезвычайно редко соответствовали друг другу. Столбики для табличек, скромно стоящие без скульптур, выглядели грустными и нелепыми, словно памятники на пустых могилах. Однако в надписях на табличках не было ничего скромного.

«Эта скульптура сделана из олова. Что такое олово? Олово человек добывает с тех пор, как начал использовать огонь. Напряженные отношения между человеком, землей и огнем всегда заставляли трепетать мою душу. Я не верю в творческий импульс без трепета в душе».

Почти на всех табличках надписи были именно в такой манере, — чудаковатый скульптор умничал. Когда

возле черной груды металлолома Аран увидела такой столбик с табличкой, она, онемев от изумления и что-то пробормотав, остановилась. Она села на удобное, ровное, словно поверхность ручной мельницы, место возле скульптуры, похожей на стекающую лаву, и закатала рукава блузки. На предплечье все еще виднелись следы ожогов от сигарет. Когда-то набухавшие красным цветом, словно вишня, теперь они сморщились и стали коричневыми. Для любого будет очевидно, что эти шрамы — следы от ожогов.

Аран редко курила. Она делала это, когда из-за суетливой и убогой жизни не могла разобраться в себе: стоит ли ей вообще надеяться на лучшее? Вот в такие моменты Аран и выкуривала сигарету. Она курила не потому, что познавала вкус сигареты, а потому, что была очарована образом курящей мисс Ким — квартирантки в доме, где проживала Аран.

Мисс Ким была хорошенькой девушкой. Она работала бухгалтером в кафе отеля, расположенного на окраине деревни, и с ее губ то и дело срывалось слово «деньги, деньги, деньги». Видимо, мисс Ким не могла вести себя иначе: зарабатывала она немного, а вот траты были большими. Сама мисс Ким могла бы смириться с собственной бедностью, но на нее надеялась ее семья. Несмотря на страх, что директор, учуяв запах сигареты, тут же уволит ее, она так и не смогла бросить курить. Из-за того, что ей приходилось терпеть никотиновый голод во время работы, она очень аппетитно, если можно так выразиться, курила. Когда Аран спросила: «Неужели это так вкусно?», мисс Ким ответила: «Я курю не из-за вкуса сигареты, а чтобы успокоиться и избавиться от скверного настроения». — «Ого, правда? Может, мне тоже попробовать?» — воскликнула Аран и попыталась расспросить ее подробнее. Усердно подражая мисс Ким, она начала курить, однако так и не смогла сказать, что познала вкус сигареты или обрела спокойствие. Но когда ее парень, Хон, в четвертый раз провалил экзамен на судью, настроение у Аран действительно было скверным,

как у побитой собаки. Ее рука потянулась к пачке сигарет. Она выкурила три подряд, тесная гостиная и кухня заполнились дымом. В это время вбежал Хон. Он вырвал у нее сигарету и прижег ею предплечье Аран в четырех местах. Бешено вращая глазами, он закричал, почему она так переживает, будто не знала, что он в очередной раз провалится. Аран исполнилось тридцать лет. Нет, конечно, она знала, что он в четвертый раз провалится, однако сейчас его злость была обращена не на беспокойство тридцатилетней женщины, а на ее тело. Глядя на оставленные им ожоги на предплечье Аран, он, словно бабушка, испуганная синяками пришедшего домой избитым внука, начал медленно и умело возбуждать ее, глядя влюбленными глазами. Ее тело, издавая запах горелой плоти, словно перезревший персик, бессильно рухнуло на пол. Даже после того, как они закончили заниматься любовью, Аран продолжала крепко обнимать его, не отпуская, — ей хотелось, чтобы он сказал, что она еще не старая дева. Однако даже в те счастливые минуты она не была полностью поглощена сексом, а думала об утешающей надежде на брак, которую невозможно было удержать, как бы она ни пыталась.

То, что такая красавица, как Аран, к тридцати годам не смогла выйти замуж, даже в фирме, где она работала, долгое время было основной темой для пересудов. Но теперь в фирме не осталось мужчин, которые бы давились слюной, глядя на нее. Все холостяки стали счастливыми отцами, а девушки, даже те, которые уступали Аран в красоте, нашли себе достойных мужей или же покинули фирму, а иные продолжали выходить на работу, выпячивая округлившиеся животы. Для этих женщин красота Аран была чем-то, что не заслуживает внимания, и она об этом хорошо знала. Красота и бедность. Их сочетание не подавляло Аран, и она выглядела до нахальства спокойной. Она смогла продержаться в фирме до тридцати лет именно благодаря своей красоте, которая рано или поздно становилась объектом восхищения или зависти. Аран во что бы то ни стало хотела показать

коллегам приглашение на свадьбу с человеком, который сдал государственный экзамен на судью. Она так держалась за Хона не из-за его прохладного сексуального тела, а из-за мечты о том, что когда-нибудь он непременно выбьется из грязи в князи.

«Собака! Собака! Собака!..» — Аран, не веря тому, что в состоянии так громко кричать, выкрикнула эти слова в пустоту и опустила рукава блузки. Совсем скоро в фирме перейдут на форму с короткими рукавами. Аран фыркнула и презрительно усмехнулась. Даже если до этого дня ей придется покинуть фирму, она относилась к этому как к незначительному делу. Как будто ей было все равно. Отныне можно ничего не терпеть. Ни-че-го. Теперь уже нет необходимости сдерживать желание сказать собаке, что она собака. Теперь можно потакать прихоти женщины-работницы, которая, сколь бы долго и усердно ни работала, никогда не сделает карьеры; можно уйти из фирмы, занимающей первое место в стране; можно не ютиться в тесной квартирке площадью сорок шесть квадратных метров. Неужели это не сон, а реальность? Ей казалось: если не поделиться с кем-то этой нереальной радостью, она исчезнет словно дым. Но, к сожалению, не с мисс Ким. Аран подумала, что с ее стороны будет жестокостью говорить мисс Ким о куче денег, в тридцать пять раз превышающей сумму, которую та всю жизнь мечтала хотя бы просто подержать в руках, — десять миллионов вон. Да, это был бы крайне жестокий поступок с ее стороны. Когда человека пытаются, он, само собой, начинает испытывать злобу по отношению к своему мучителю, — таков естественный инстинкт самосохранения. Аран не хотелось пачкать свое счастье злобой мисс Ким, но все же хорошо, что она о ней вспомнила. В какой-то мере Аран могла предположить, что, сколько бы мисс Ким ни старалась, сколько бы ни лезла из кожи вон, она никогда не сможет догадаться о счастливой сумме в размере трехсот пятидесяти миллионов вон, которую Аран крепко держала в руках. Не в силах справиться с ощущением, что она

раздувается, словно воздушный шар, Аран легко вско-чила с основания оловянной скульптуры с ее бессмысленной философией. Аран чувствовала себя так, будто сейчас не идет, а парит над землей. Восторг в ее душе смешивался с тревогой.

«Боль бытия» — таково было название исчезнувшей скульптуры, написанное на табличке, которая крепилась к воткнутому в землю одинокому столбику. Зазнайство скульптора... Аран усмехнулась и внезапно, словно ее ноги прилипли к земле, застыла на месте. Она вспомнила название скульптуры. В это время года цвет луга был самым красивым — такой же, как и в прошлом году. Тогда Хон, провалив экзамены в третий раз, сказал, что поедет куда-нибудь проветрить голову, и исчез. От него не было никаких вестей. В тот яркий солнечный день Аран подумала: «А вдруг он еще там?» — и позвонила в экзаменационную комиссию. Узнав, что Хона там нет, она вышла прогуляться в Парк скульптур, чтобы унять печаль и заполнить пустоту в душе. В тот день, как и раньше, здесь не было скульптуры, а стоял лишь столбик с надписью: «Боль бытия». Это название по сравнению с ее душевной, сердечной и головной болью, показалось ей наивной игрой слов, и она усмехнулась.

Как раз в это время к ногам Аран подкатился мячик. Бросившие его люди стояли поодаль, хлопали в ладоши и смеялись. Это были молодые супруги с маленьким ребенком, который медленно топал вразвалочку, чем очень походил на утку. Мячик, который малыш толкнул ногой, докатился до Аран: поверхность луга была наклонной. Однако молодые супруги, кажется, подумали, что мяч докатился до нее благодаря силе в ногах малыша. Они заливались смехом, хлопая в ладоши, а ребенок, следуя за мячиком, подбежал к Аран. Белый мягкий резиновый шар был намного больше бейсбольного и едва мог уместиться в двух ладонях взрослого человека. Затаив дыхание, Аран разглядывала мяч. В нынешнее время такой нечасто встретишь. Он напомнил ей далекое детство. На миг ей показалось, что исходной точкой

отправления мяча была не нога малыша, а ее детство. Аран замерла на месте, чтобы прикатившийся из ее детства мяч коснулся ее, словно она была мишенью.

...Это был праздник, День детей¹. Дети из села с убогими деревянными лачугами ушли, получив по дешевому подарку, но внутри переулка по-прежнему стоял веселый смех. Аран выбрала себе в подарок резиновый мячик. Вернувшись поздно вечером мать, сожалея, что не смогла подготовить для нее подарок, отвела дочь в местный магазин канцелярских товаров. Кроме школьных принадлежностей, в День детей магазин торговал различными игрушками, которые подготовили на скорую руку. Аран выбрала среди них самый дешевый белый резиновый мячик. Матери, видимо, стало жаль ее, и она предложила ей взять еще какую-нибудь куклу, но девочка отрицательно покачала головой. Она действительно забрала то, что хотела, но также подумала о матери и специально указала на самую дешевую вещь. Аран играла с мячом до тех пор, пока он не потерял упругость. Ударяя по мячу одной рукой, она, ни разу его не потеряв, обходила всю деревню и демонстрировала местным ребятишкам удивительное мастерство поочередно перекидывать мяч с одной ноги на другую или подбрасывать его вверх. Многие дети просили у нее мяч, утверждая, что тоже так могут, однако никто из них так и не сумел повторить ее трюки. Куда бы ни укатился тот белый мячик, он обязательно возвращался к ней. И лишь когда он утратил упругость и перестал возвращаться, Аран потеряла к нему интерес.

Холодный белый мяч, с которым играл малыш и который вот-вот должен был обязательно прикатиться

¹ Ежегодно 5 мая в Южной Корее отмечается государственный праздник — День детей. В этот день во всех городах и селах проводятся массовые развлекательные мероприятия, спортивные состязания, героями которых, конечно же, являются дети. Организаторы праздничных мероприятий и акций делают все возможное, чтобы дети чувствовали себя счастливыми и любимыми.

прямо к ней, словно увлекаемый магнитом кусок железа, внезапно исчез из поля зрения. Бежавший за ним малыш остановился и громко заплакал. Родители, смеясь, быстро побежали к нему. Успокаивая его, Аран сказала: «Малыш, я найду его, не плачь». Приговаривая так, она ощупывала руками густую траву в том месте, где, как ей казалось, незаметно исчез мяч. В непосредственной близости от таблички «Боль бытия» виднелись два глубоких отверстия. Возможно, это были следы пропавшей скульптуры, — неизвестно было, украли ее или просто сломали. Глаза, ослепшие от яркого солнечного света, не могли различить, что находится в глубине отверстия, и она просунула туда руку до самого плеча. С трудом нащупав твердую упругость мяча, Аран поняла, насколько же глубоким было отверстие. «Малыш, сейчас старшая сестра вытащит мяч, потерпи немного», — сказала Аран, не прекращая попытки. Она не видела перед собой плачущего ребенка, но все равно продолжала успокаивать его. Диаметры мяча и отверстия были почти одинаковыми. Она касалась пальцами мяча, но вытащить его было очень трудно. В конце концов с большим трудом Аран все-таки удалось извлечь игрушку. Но малыш не стал дожидаться: ухватившись обеими ручками за руки отца и матери и раскачиваясь на них, как на качелях, он медленно отдалялся от нее. Слышалось тихое перешептывание молодых родителей, похожее на чириканье. Колыхавшиеся на слабом ветру мягкие волосы, словно дразня, щекотали щеки Аран. Покраснев от горячей обиды, она снова швырнула брошенный хозяевами мяч в отверстие. То, что малыш не взял мяча, расстроило ее больше, чем грязь, забившаяся под ногти.

Возле таблички «Боль бытия» по-прежнему виднелись два черных отверстия. «Интересно, — подумала Аран, — неужели белый мяч все еще там?» Она легла на землю и как можно глубже просунула руку в отверстие. В первом из них она нащупала пластиковый пакет и влажную почву, а во втором — потерявший упругость и полностью облепленный глиной мяч. Аран вытащила

мяч и направилась к водопроводной колонке, которая качала воду из-под земли. До того как городские власти определили, что эта вода не питьевая, некоторые люди искренне верили в то, что здесь находится источник минеральной воды, и набирали ее себе домой. Аран вымыла мячик и бросила на газон. Под солнечными лучами мячик надулся и принял привычную форму, и Аран легонько коснулась кончиками пальцев его поверхности. Свободно катая мячик по ярко-зеленому газону, она почувствовала, как по каждому капилляру ее тела расходуется волнующее наслаждение — от кончиков пальцев до макушки. Необъяснимый, чудесный контакт с мячом! Аран казалось, что она не катает мяч, она будто сама стала им. Впервые в своей скучной и беспросветной жизни, в которой она не имела возможности поступать так, как ей хочется, она ощутила радость свободы — через единство с мячом под солнечным светом. Она воспринимала это чувство всем телом. Это было похоже на сон, — можно ли сразу к такому привыкнуть?

Примерно месяц назад Аран прочла в газете о смерти президента Чжин Хёкбу, но за неделю до этого ей позволил его старший сын Чжонги. Когда она узнала о смерти президента Чжина, первой мыслью, которая пришла ей в голову, было: «Какое счастье, что мать умерла раньше этого старика!» Если бы ее мать была жива, она — несмотря на то, как с ней обращались в доме президента Чжина, — умоляла бы Аран пойти туда и принять участие в похоронном обряде. В детстве, когда Аран не было еще и десяти, она по настоянию матери пошла на празднование семидесятилетнего юбилея президента Чжина. Тогда она была оскорблена членами его семьи, и нанесенная обида до сих пор глубоко ранила ее душу. Вплоть до смерти матери тот случай служил ей хорошей отговоркой, чтобы не подчиняться ее приказам. Каждый раз, ссорясь с матерью, Аран имела возможность использовать перенесенные ею оскорбления как оружие, чтобы нанести ей поражение. Однако существовала особая причина, по которой она этого не делала. Дело было

в чувстве, которое Аран испытала, когда, повзрослев, впервые оказалась в теплых объятиях отца. В самый разгар торжества она приблизилась к великолепно украшенному столу юбиляра. Не только потому, что была смелой, или незрелой, или бессильной против взрослых, но и потому, что сознавала: она — лишь стрела, выпущенная матерью.

Когда все члены семьи этого уважаемого пожилого человека в один голос вопрошали: «Как она посмела прийти сюда?» — и сверлили ее пронзительными, словно острие шила, взглядами, Аран, скривив от обиды губы, с трудом сдерживала слезы. И тут президент Чжин растолкал людей, подошел к ней и, сказав, что ребенок ни в чем не виноват, крепко обнял ее. Она прижалась к его груди, словно маленькая птичка, и по стуку сердца тяжело дышащего старого человека поняла, что он нужен ей как защитник от любой боли. Он же, приобняв Аран за плечи, сквозь толпу вывел ее из зала и кому-то передал. Аран сейчас не помнила, кто это был, — кажется, официант из отеля. Спустившись с ней на лифте, он проводил ее до парадного входа и, поймав такси, посадил в него. По словам матери, тот пожилой человек был отцом Аран. Его не назовешь «моложавым стариком», он уже практически принадлежал потустороннему миру.

Если верить словам матери, она была любовницей президента Чжина. Но Аран никогда не видела, чтобы та когда-либо исполняла роль любовницы. Ее мать совершенно не была похожа на общепринятое представление о любовницах: хитрую и алчную красотку с привычкой к лени и роскоши, обладающую бессовестной жадной денег и повышенным интересом к мужчинам. До самой своей смерти мать трудилась домработницей в трех или четырех домах. Во всех жили одинокие женщины: богатая девушка, вдова, профессор и директор школы. Даже если ее рекомендовали в более богатый дом, где проживали одинокий мужчина или супружеская пара, мать отказывалась — в этом проявлялась ее

необычная избирательность. О том, что мать когда-то была чьей-то любовницей, напоминал лишь истрепанный фотоальбом. На фотографии мать и президент Чжин больше были похожи на отца и дочь, чем на супругов, но между ними всегда стояла маленькая Аран. Казалось, этот фотоальбом был сделан специально для дочери, ибо в нем не было фотографий, где мать и президент Чжин были бы вдвоем. Обычно президент, словно дедушка, впервые увидевший свою внучку, смотрел на Аран великодушным и счастливым взглядом или прижимал ее к груди. Этот семейный образ даже сейчас хранился в ее памяти. В то время, вероятно, тайная семья президента еще не была обнаружена его законной женой. Счастье длилось недолго — это можно было понять по тому, что ребенок на фотографиях не рос, оставаясь младенцем. На выцветших старых снимках, как это часто бывает, выражение лица было посредственным, а одежда выглядела стереотипно банальной, но сколько Аран себя помнила, во взгляде матери всегда таилась тревога. Она никогда не рассказывала дочери о том, как о ее существовании узнала законная жена президента Чжина. Аран же, в свою очередь, никогда ее об этом не спрашивал. Наверняка мать прошла через множество ужасных невзгод, о которых ей не хотелось вспоминать.

Вместо того чтобы нормально расстаться с президентом Чжином, мать поставила ему условие: он должен вписать имя их общей дочери Аран в родословную книгу семьи. Но добиться этого ей так и не удалось. Аран не раз видела, как мать, тяжело вздыхая, злилась и говорила, что это несправедливо, это вопреки соглашению, заключенному между ней и президентом Чжином. Однако мать была не из тех, кто отсиживался в уголке, тихо вздыхая и ничего не предпринимая. Когда не осталось причин встречаться с президентом Чжином, она сделала все, чтобы в его доме узнали о существовании Аран. Она посылала ему по почте приглашения на церемонию окончания дочерью начальной школы или поступления ее в старшую школу и, естественно, табели

успеваемости и копии дипломов, полученных на конкурсах изобразительного искусства или сочинений. То, что она заставила Аран пойти на празднование семидесятилетнего юбилея президента, было очередным способом привлечь его внимание к дочери. Однако, несмотря на все старания матери, только спустя десять лет, когда Аран уже училась в выпускном классе старшей школы, ее захотели вписать в родословную семьи Чжин. Тогда она впервые познакомилась со своим братом Чжонги, старшим сыном президента Чжина. Причиной, по которой Чжонги первым предложил ей встретиться, было то, что президент Чжин несколько лет тому назад ушел в отставку. Брат сообщил, что одновременно с уходом с поста президента и передачей ему своих полномочий отец тщательно распределил свое состояние. Чжонги сказал, что они впишут Аран в родословную семьи, но взамен просит ее пообещать, что они будут жить как чужие люди. Аран тогда была старшеклассницей. В то время ей казалось, что, с одной стороны, она уже знает все, а с другой — что не знает вообще ничего. Очевидно, она не представляла интереса для своего сводного брата Чжонги. Его настоящим партнером в переговорах была мать, а Аран — всего лишь инструмент, косвенная валюта для торгов.

— Я не знаю, почему твоя мать так хочет, чтобы я признал, что ты дочь моего отца. Однако для тебя нет ни одного пхуна² из оставленного отцом имущества. Кроме того, наша семья не относится к знатному роду... Мой дедушка сколотил свое состояние, работая сначала чернорабочим на стройке, а затем прорабом, — сказал он и сочувственно усмехнулся.

Однако в его словах не прозвучало и намек на сочувствие. В тот момент он был похож на Нольбу³. Чжонги

² Денежная единица в Корее, примерно равная одной копейке.

³ Нольбу — имя отрицательного персонажа народной повести, который представляет собой воплощение жадности.

был неприятным, невоспитанным и жадным человеком. Похоже, лишь отдав полуразвалившийся старый дом, он мог успокоиться. После этого разговора Аран при каждом удобном случае повторяла слова старшего сына президента, чтобы посмеяться над матерью. Аран казалось, что мать должны были сильнее унижить после того, как она успешно добилась включения Аран в родословную книгу семьи Чжин. Ответ матери всегда звучал одинаково: «Я сделала это не потому, что претендую на его состояние или статус, я лишь хотела, чтобы признали сам факт отцовства». До конца своих дней мать слишком много мнила о себе... Заносчивость матери вызывала неприязнь, но в то же время Аран понимала, что та говорит совсем не то, что думает. После того как имя Аран включили в родословную книгу президента Чжина, мать сказала, что теперь у нее в душе не осталось затаенного горя. Внезапно ослабев, она вскоре заболела и еще до того, как Аран поступила в университет, покинула этот мир. Неужели мать на самом деле покинула этот мир без затаенного горя? Аран в этом сомневалась. Может быть, мать так скоропостижно скончалась из-за печали, ведь в результате длительной войны она все-таки не получила того, чего добивалась? Аран было удобно так рассуждать: она ненавидела сложные для понимания вещи и из-за этого не любила мать. Да, сложные для понимания вещи, да еще тесно переплетенные с абсолютным лицемерием, вызывали у Аран отвращение. Из слухов она узнала, что спустя три года после смерти ее матери президент Чжин потерял законную жену. Тогда Аран ходила на работу и одновременно училась в вечерней школе, — словом, была очень занята и не испытала по этому поводу никаких чувств. Если бы ее несчастная мать была жива, то, возможно, она бы тоже могла быть вписана в родословную семьи Чжин... Но Аран не могла даже думать о таком: сама мысль о членах той процветающей, омерзительной и замкнутой на себе семьи была ей противна.

Внезапно позвонили из дома президента Чжина. Хоть Аран формально и была вписана в родословную

семьи, с ее членами она держалась как абсолютно чужой человек. Она подумала, что все это очень странно, но бояться-то ей было нечего. В доме президента Чжина сделали все, чтобы у нее даже мысли не возникло желать чего-либо из состояния семьи. Семья президента Чжина поступила с Аран подло, однако не доставляла ей особых хлопот, и это ее устраивало. Ее удивило, что они пригласили ее не в офис, а на какую-то квартиру. Когда Аран прибыла туда в назначенное время, атмосфера была очень холодной и напряженной. Там ее уже ждали несколько пожилых мужчин во главе с братом Чжонги и несколько женщин, пожилых и среднего возраста. Выглядели они солидно и благородно. Все были в траурных одеждах, которые хорошо сочетались с их затвердевшими лицами, словно они с самого рождения никогда не улыбались. Возможно, они приходились дочерьми или невестками покойному президенту Чжин Хёкбу. Несмотря на то, что прошел уже месяц со дня его смерти, домочадцы до сих пор носили траурную одежду. По мнению Аран, это было только напоказ. Сама она была в костюме желтого цвета. Аран была уверена, что ей подходит любой цвет, но желтый делал ее вид вызывающим.

— Она даже на похороны не пришла, а ведь он считал ее своей дочкой! — пробормотала самая пожилая из женщин, смерив Аран взглядом.

— Хённим, только посмотрите на ее одежду.

— Было бы за что критиковать!

— Терпите.

— Вы позвали меня только для того, чтобы сказать это? А как же разговоры о том, что мы будем жить как чужие? — с вызовом спросила Аран, глядя прямо в глаза Чжонги и не обращая внимания на слова женщин.

— Сестра, пожалуйста, оставьте нас одних, — вежливо попросил Чжонги самую пожилую женщину.

После его слов женщины в траурной одежде одна за другой тихо удалились на женскую половину квартиры, и в комнате остались только мужчины. За исключением

Чжонги, Аран никого не знала. Один из них, очень благопристойный, передал Аран свою визитную карточку. Во всем его облике чувствовалась профессиональная вежливость. Он явно был не из семьи Чжин — это был их адвокат по фамилии Ли.

— Вот адвокат, приводящий в исполнение волю отца. Оказывается, отец завещал эту квартиру тебе, — равнодушно сказал Чжонги, словно речь шла о чужом человеке.

— Эту квартиру? Вы надо мной издеваетесь?

— Это правда, — подтвердил только что вручивший ей визитную карточку адвокат.

Его слова звучали гораздо официальнее, чем слова брата.

— Даже если это воля отца, вы же не такие господа, чтобы запросто отдать эту квартиру мне, верно?

— Ты говоришь «господа»? Хорошо, что ты не по годам смышленная, но все-таки ведешь себя слишком вызывающе. Признаюсь честно: мне, конечно, не хочется отдавать тебе эту квартиру, но что поделать, ведь завещание отца нотариально заверено, — ответил Чжонги, хотя Аран обращалась к адвокату.

Несмотря на злые слова Аран, он улыбался. Улыбка его не была притворной — она была хитрой и лукавой, хорошо показывающей его характер. Она словно говорила: «Ты играешь со мной? Ну давай, поиграй». С трудом сдерживая чувство обиды, Аран готова была вот-вот взорваться, но Чжонги принял строгий вид:

— Наследство было распределено еще до того, как наша семья внесла тебя в родословную семьи. Эта квартира — последнее имущество отца. К тому же именно в ней он ушел из жизни. Возможно, именно поэтому вся наша семья чувствуют себя так, словно отец оставил все имущество только тебе. Конечно, твоя квартира ни в какое сравнение не идет со всем тем, что отец оставил нам при жизни, — это очень небольшая часть его состояния. Но мы разделили имущество между собой, а ты, как нам думается, все взяла одна. Это можно считать своего рода

предательством со стороны отца по отношению к нам. Особенно болезненно переживала случившееся наша старшая сестра — из-за этого она даже чуть не потеряла сознание. А знаешь почему? Когда отец окончательно слег, она купила квартиру этажом выше, дневала и ночевала там, ухаживая за ним до самого последнего дня. Думаешь, легко было так поступать замужней женщиной⁴? Однако, зная, что невестке ухаживать за больным свекром намного труднее, чем за своим отцом, она решила сделать это вместо нее. Так продолжалось почти пять лет. Сыновья, как им и полагается, чувствовали вину — они многим обязаны своей старшей сестре⁵. Мы, братья, теперь ни в чем не можем перечить ей. Она сказала, что не сможет видеть, как ты будешь жить в этой квартире, и попросила нас не допустить этого. Что нам остается сделать? С нашей стороны это будет своеобразным искуплением вины перед ней и компенсация за ее жертву. Но несмотря на просьбу сестры, отец все-таки завещал эту квартиру именно тебе, и мы не можем игнорировать его волю. Поэтому мы решили выкупить у тебя эту квартиру.

Аран отрицательно покачала головой, тем самым показывая, что не понимает, что здесь происходит. Адвокат, встретившись с ней взглядом, ободряюще кивнул.

Брат продолжал:

— В прошлом году цена квартиры составляла четыреста пятьдесят миллионов вон. Но ты, конечно, знаешь про кризис Международного валютного фонда. После этого проклятого кризиса цена квартиры сильно упала — сегодня ее никто не купит даже за триста миллионов вон. Хотя, говорят, при срочной продаже можно

⁴ В недавнем прошлом в Корее замужняя дочь считалась отрезанным ломтем, чужим человеком. Она не могла даже прийти в дом родителей без разрешения со стороны семьи мужа.

⁵ В прошлом за отцом мужа была обязана ухаживать жена старшего сына. Если она этого не делала, это считалось позором.

найти покупателя. Если ты мне не веришь, можешь потом зайти в агентство недвижимости и спросить у них. Уважаемый адвокат Ли здесь для того, чтобы сделать все возможное для твоей выгоды, а не для нашей пользы. Если ты будешь считать его своим доверенным лицом, то не ошибешься. Мы заранее с ним все обговорили и решили дать тебе триста пятьдесят миллионов вон после вычета всевозможных расходов на оформление. Мы покупаем у тебя эту квартиру за большую цену, чем она стоит сейчас. Если ты возьмешь деньги, то сможешь купить квартиру получше этой, а если возьмешь их наличными, то с процентами эта сумма может увеличиться до четырехсот пятидесяти миллионов вон — как было до глобального экономического кризиса. В любом случае хуже тебе точно не будет. Ты понимаешь, о чем я говорю? Раз уж так получилось, что мы не можем отдать тебе эту квартиру, я сделал все, чтобы ты не чувствовала себя ущемленной. Не думай, что я пытаюсь обмануть тебя, — я скорее съем печень блохи, чем нарушу слово! Мы ведем такие переговоры, потому что не хотим, чтобы ты въехала сюда. Не только старшая сестра живет этажом выше, но и большинство моих братьев живут в этом или соседнем жилом комплексе.

— Хорошо, я согласна.

Адвокат Ли одобрительно кивнул и положил перед ней пачку документов. Аран была настолько растеряна, что ничего не чувствовала. Она просто ставила печать туда, куда указывал адвокат. Каждый раз, когда она случайно встречалась с ним взглядом, ей казалось, будто она обменивается паролем с единственным своим сторонником во вражеском лагере. Чжонги попросил в течение недели завершить все формальности по оформлению купли-продажи квартиры, потому что он заплатит всю сумму сразу — триста пятьдесят миллионов вон — без авансового и промежуточного платежа.

В это время из женской половины квартиры выскочила пожилая женщина с седыми волосами и слюной на губах и сказала: «Брат, ты все зафиксировал —

теперь все закончено?» Вслед за ней, словно стая цапель, одна за другой вышли остальные женщины в траурных одеждах.

— Исключи ее из родословной семьи! Она хитрая девка! Используя родословную, эта хитрая белая лиса⁶ соблазнила нашего отца!

Адвокат Ли торопливо поднял Аран и, обняв ее за плечи, быстро вывел из квартиры. Пока они ждали лифт, их догнал Чжонги, сказал ей, что впредь не будет каких-либо проблем, и попросил ее спокойно ждать. Адвокат Ли поймал такси и, посадив в него Аран, направился в сторону автостоянки. В этот момент он показался ей тем официантом, которого она видела в день семидесятилетия президента Чжин Хёкбу и который проводил ее тогда до парадного входа и также посадил в такси. Старшая сестра Чжонги выглядела лет на семьдесят.

После этого разговора прошла почти неделя, которую Аран прожила, не веря в реальность трехсот пятидесяти миллионов вон. Она совершенно не тревожилась о том, достанется ли ей такая огромная сумма, или нет. Несмотря на то, что она не была такой жадной до денег, как ее мать, все-таки прошедшая неделя показалась сущим адом. Она, как и ее мать, не верила в появление неожиданного богатства. Мать часто говорила ей: «Дочка, в этом мире нет бесплатного рисового пирога»⁷. И это было ее жизненным кредо. Даже если бы ей и передали такую огромную сумму, Аран все равно боялась бы членов своей семьи, которые долго не хотели включать ее в общую родословную книгу. С их точки зрения, она была грязной, презренной и злой нищенкой, приносящей беду. Мать больше всего ненавидела жестокость Аран, когда та спрашивала, зачем та ее родила. Аран снова

⁶ Речь идет о белой лисе из корейской народной сказки, которая, превратившись в красивую девушку, соблазняла и обманывала мужчин.

⁷ Аналог выражения «бесплатный сыр бывает только в мышеловке».

подумала: какое счастье, что матери больше нет в живых! Временами она чувствовала сильное желание убить уже мертвую мать. «Аран, разве ты грязная, презренная и злая?» — спрашивала она себя в такие минуты. Аран могла простить матери то, что она была любовницей, но ни за что не могла простить ей свое рождение.

Через неделю после того памятного дня рано утром позвонил адвокат Ли. Он сказал, чтобы Аран пришла не в ту квартиру, где была в прошлый раз, а в офис президента Чжина. Когда она явилась, сидевший там адвокат Ли уже получил от президента тридцать пять чеков на десять миллионов вон каждый. Странно, но Чжонги напомнил ей отца в день его семидесятилетия. С одной стороны, он выглядел почти таким же старым, как отец, а с другой — казался очень родным человеком. Аран, само собой, была смущена внезапно возникшим чувством родства и нарочно вела себя равнодушно по отношению к чекам на триста пятьдесят миллионов вон. Наверное, она выглядела смешной. Странно улыбувшись краем губ, Чжонги сказал:

— Не знаю, ходила ли ты проверять стоимость квартиры, но данная сумма намного превышает текущие рыночные цены на жилье. Адвокат Ли согласен с этим: если смотреть с точки зрения процентной ставки, сумма может вырасти больше, чем было до глобального экономического кризиса. Конечно, ты свободна в своих действиях — можешь купить квартиру, а можешь хранить деньги наличными. Но если хочешь, я могу узнать о быстроликвидных товарах, которые обеспечат самый высокий процент. Наверное, не составит труда получать по четыре-пять миллионов вон в месяц. Это, конечно, моя идея, но мне кажется, что, пока ты не вышла замуж, лучше приумножать свое состояние, чем купить квартиру. Если будешь получать в виде процентов по четыре-пять миллионов вон в месяц, то сможешь позволить себе все, что захочешь. Полагаю, ты уже упустила подходящее время для замужества. Может быть, стоит задуматься об учебе за границей? Если ты захо-

чешь сделать карьеру, для тебя это уже не проблема. Если вместо покупки дома ты захочешь вложить деньги в себя, то сможешь жить, ни о чем не думая. Это, конечно, всего лишь мое пожелание. Поступай как хочешь. Триста пятьдесят миллионов вон, с которых дополнительно можно получать в виде процентов четыре-пять миллионов вон в месяц — вполне достаточная сумма, чтобы существовать без проблем.

Аран была абсолютно спокойна, когда назвали основную сумму в размере трехсот пятидесяти миллионов вон, но была потрясена суммой в четыре-пять миллионов вон, которую она может дополнительно получать каждый месяц. Дрожа от внезапно возникшего непонятного страха и одновременно с этим испытывая приятное волнение, она размышляла о том, за что ей привалило такое счастье. «Может быть, именно о таком счастье для меня страстно мечтала мать?» — думала она с улыбкой.

— Прекрасно! Оказывается, я могу поехать учиться за границу, — сказала Аран, обращаясь к белому мячу, который катала ногами. И вдруг она изо всех сил ударила по нему ногой, желая послать его как можно дальше. Но то ли ударила несильно, то ли мяч был тяжелым — он упал недалеко и вернулся обратно к ней, словно преданный щенок. «Эй, дурачок!» — сказала Аран и засунула его обратно в то отверстие, откуда вытащила.

Вернувшись домой, Аран сразу же позвонила в фирму. Едва сдерживая возбуждение, она слабым голосом сказала, что сильно простудилась и, возможно, несколько дней не сможет выйти из дома. Это случилось впервые за все время ее работы. Руководитель, неплохо относившийся к ней, сказал, что понимает ее, и пожелал скорейшего выздоровления. Видимо, он рассказал об этом коллегам. Чуть позже те начали названивать и попрекать: как, мол, можно в наше время не выходить на работу из-за такой мелочи, как простуда? Было очевидно: все они искренне беспокоились о ней, не понимая, почему она не вышла на работу. На миг она почувствовала себя благородной дамой при дворе короля

и нарочито слабым голосом сказала, что ей просто хочется хорошо отдохнуть. Мисс Ким, которая уходила на работу раньше нее и возвращалась домой позже, увидев Аран, лежащую допоздна в постели, сделала неожиданное категоричное заключение: «Сестра, тебя уволили!» Аран в ответ лишь неопределенно улыбалась, не отрицая и не соглашаясь. Глядя на спокойно лежащую Аран, мисс Ким, даже как будто немного завидуя ей из-за «увольнения», заговорила о депозите в размере десяти миллионов вон:

— Сестра, ты, кажется, скопила немного денег. Тебе хорошо. Есть жилье и нет семьи, о которой надо заботиться. А я вот не могу допустить, чтобы меня уволили. Во что бы то ни стало я должна заработать десять миллионов вон в этом году, а после этого пусть увольняют, или сама уволюсь. Вот увидишь: я добьюсь своего.

«Интересно, — подумала Аран, — догадывается ли она, какую крупную сумму денег я получила?» Она почувствовала сострадание, думая об убогом воображении мисс Ким, которое не могло вообразить сумму большую, чем десять миллионов вон.

В течение последующих трех дней Аран, была сыта суммой в триста пятьдесят миллионов вон, хоть и не ела, и чувствовала себя бодро, хоть и не спала. В первый день из-за возбуждения она не могла уснуть всю ночь, на следующий потеряла аппетит, пытаясь спрятать слишком большую пачку чеков в маленькой квартире площадью в сорок шесть квадратных метров. Аран потеряла не только аппетит, но и способность сосредоточиться, целыми днями она слонялась по квартире без всякой цели, не в силах думать ни о чем другом, кроме денег. Выйти на улицу с такой пачкой было страшно, но еще страшнее казалось оставлять их в квартире: ей только и оставалось, что сторожить свои деньги. Она на некоторое время вышла в переулок и посмотрела на окна своей квартиры, и внезапно испугалась: ей почудилось, что квартира, где хранились деньги, в несколько раз превышающие ее стоимость, стала выглядеть как-то иначе.

Она подумала: «Если в моих глазах она изменилась, то, может быть, и вор обратит на нее внимание?» Все, кто бродил по переулку, виделись ей подозрительными личностями и профессиональными ворами. Но изменилась не только квартира: Аран внезапно почувствовала себя очень благородной и богатой, словно все ее тело покрылось золотой чешуей.

Дни напролет она гладила громоздкую пачку чеков или пересчитывала их, она то распределяла их на несколько частей, то собирала вместе, по несколько раз меняя решение о способе их хранения. В конце дня она так сильно уставала, что ничего другого уже просто не хотела делать. По ночам она использовала чеки то как закладки для книг, то прятала их в одежде, то клала под кровать... У нее не было времени подумать, как поступить с ними в будущем. Ей самой не нравилось то, как она себя вела, но в то же время Аран хотелось быть сторожем трехсот пятидесяти миллионов вон. Возможно, желание время от времени гладить огромную сумму денег было искренним состоянием ее души. Временами она жаждала поменять эти чеки на наличные деньги и считать их всю ночь напролет. Когда Аран, не зная, как поступить с чеками на триста пятьдесят миллионов вон, довела себя до сильного переутомления, ей позвонил Чжонги. Он начал разговор с того, что спросил о деньгах.

— Я все еще храню их в том состоянии, в каком мне их дали. Почему вы спрашиваете об этом? — ответила она с некоторым раздражением.

— Ты хорошо поступила. Все это время я ждал, что ты захочешь поговорить со мной, но ты не звонила. Ведь ты тоже жила в обществе, — верю, что ты немного разбираешься в его настроении. В последнее время было немало случаев, когда человек, благополучно завершивший свою общественную жизнь, при выходе в отставку растрачивал свое денежное пособие, и я не мог не беспокоиться о тебе. Отец тоже желал, чтобы ты ни в чем не нуждалась, поэтому он завещал тебе квартиру. Я знаю, что он не желал оставлять тебе деньги. Таким образом он

дал понять, что больше не хочет тебя знать. Да, кстати, в последнее время агентства по недвижимости говорят, что цены на квартиры сильно упали, и специалисты утверждают, что в ближайшее время надежды на их рост нет. Процентные ставки тоже имеют тенденцию к снижению, но они пока еще высоки. Конечно, сейчас тем, кто ведет бизнес, как мы, трудно, но для тех, кто имеет депозит, — просто рай! Прежде чем процентные ставки снизятся еще больше, постарайся инвестировать в высокодоходные финансовые инструменты. Это лучшее, что я могу посоветовать. Как раз одна удачная инвестиционная компания предложила мне привлечь денежные средства для приобретения высокодоходных товаров. Я тут же вспомнил о тебе и позвонил. Как ты к этому относишься? В прошлый раз я тоже говорил тебе, что в зависимости от типа депозита можно гарантированно получать процентную ставку в размере четырех-пяти миллионов вон в месяц.

Что тогда, что сейчас она охотнее бы поверила в существование нескольких миллионов вон, чем в несколько сотен миллионов. Немного подумав, Аран наконец согласилась. Чжонги сказал, что отправит к ней домой сотрудника инвестиционной компании. И действительно, часа через два пришел человек с подарком. Правда, он оказался не рядовым работником, а начальником филиала той самой инвестиционной компании. Сразу, как он пришел, снова позвонил Чжонги и сказал, чтобы она, полностью доверившись начальнику, сделала инвестицию. Начальник филиала инвестиционной компании упрекнул Аран за равнодушное отношение к финансам и за то, что она в течение недели хранила триста пятьдесят миллионов в шкафу для одежды. Знает ли она, какая сумма набегаает за день от начисления процентов? Он сказал Аран, что есть четыре вида вкладов: льготные ставки по налогам, фиксированные процентные ставки со сроком погашения в шесть месяцев, сроки погашения в один год и депозит, в котором можно получать проценты ежемесячно.

Как только они договорились, начальник филиала инвестиционной компании сказал, что не стоит терять ни одного дня. Он достал депозитный сертификат и гарантийный чек и, поставив на них печать с датой, забрал с собой пачку чеков на триста пятьдесят миллионов вон.

Когда Аран подумала, что даже если она будет просто лежать, не двигаясь, то в день будет набегать сто тысяч вон, ей это показалось сном. Насколько же легко зарабатывать деньги! «И почему я не поступила так раньше? — с сожалением подумала она. — Какой же душой я была, теряя каждый день сотни тысяч вон! И как же хорошо, что я оставила эти деньги нетронутыми до звонка Чжонги». Она была уверена, что выглядела в его глазах искренней, а не заносчивой, прежде всего потому, что начальник филиала инвестиционной компании лично посетил ее и унес пачку чеков, чтобы открыть депозит. Она пришла в восторг от мысли, что ее социальный статус повысился, и расслабленно наслаждалась вкусом апельсинового сока, который ей принесли в качестве подарка.

Аран проспала до обеда. Когда она пробудилась от беспокойного сна, ее надменное тщеславие — ведь она теперь принадлежит к высшему обществу и даже сам начальник филиала инвестиционной компании пришел к ней домой за деньгами, — внезапно превратилось в страшное подозрение. Она никогда не слышала, чтобы начальник филиала известной инвестиционной компании лично приходил к кому-то в дом за деньгами для вклада. «Если меня обманули, то обманули по-крупному!» — мелькнуло в голове. Она слышала, что порой даже абсолютно бескорыстному человеку на короткое время жадность застилает глаза и он становится жертвой обмана. «В моем случае, видимо, мне тоже что-то попало в глаза, — подумала она, — раз из-за суммы ежедневного процента у меня помутилось сознание». Стоило лишь промелькнуть этой мысли, как ей показалось, что она сходит с ума. Если сравнить эту тревогу с тем беспокойством, которое она испытывала бессон-

ными ночами, пряча щеки по всей квартире, то разница была огромной. Аран подумала: вряд ли брат, заставивший ее поверить ему, поступил бы с ней так жестоко. Но вот остальные члены семьи спокойно могли сначала дать деньги, а затем с удовлетворенной улыбкой коварно их отнять. Их воображаемые насмешки, превратившись в слуховую галлюцинацию, звенели у Аран в ушах. На мгновение у нее мелькнула мысль, что у них ведь нет причины так жестоко поступать человеком, который их не трогает. Но гораздо больше Аран думала о том, что родственники все-таки приготовили для нее коварную ловушку. Но даже сейчас у нее не хватило смелости позвонить брату и прояснить ситуацию: поступив так, она бы явила ему нищету внезапно разбогатевшего человека. Когда начальник филиала сказал ей, что на следующий день он или отправит человека, или сам лично принесет сберкнижку, Аран с большим трудом провела ночь, утешая себя мыслью, что не ударит в грязь лицом, если подождет до завтрашнего дня. У нее возникло новое подозрение: если ей принесут сберкнижку, то сможет ли она доверять ее подлинности? Она дала себе слово, что никогда больше не поступит так глупо: отдавать огромные деньги незнакомому человеку! Сильно волнуясь, Аран позвонила по телефону, указанному на визитной карточке начальника филиала инвестиционной компании. Ей казалось, что она обязательно попадет не к нему или голос в телефоне скажет, что это несуществующий номер. Однако начальник филиала тут же поднял трубку. Прежде чем он успел что-то сказать, Аран выпалила: «Вам не нужно приходить — я как раз буду по делам рядом с вашим офисом и зайду к вам сама».

Великолепное огромное офисное здание компании находилось в центре города. Как только Аран вошла внутрь него, ее вежливо, как VIP-гостью, проводили до кабинета начальника филиала. Она села на мягкий диван, положив ногу на ногу, и вскоре ей подали чашку ароматного зеленого чая. Сотрудница принесла ее сберкнижку в кабинет начальника филиала. Прежде, чем Аран получила ее на

руки, она еще раз выслушала от него детальное объяснение преимуществ и особенностей того или иного депозита, отличавшихся между собой различными процентными ставками. «Говорят, вы вскоре отправитесь учиться за границу?» — спросил он Аран, покончив со всеми формальными процедурами и лично проводив ее до парадного входа. Глаза его весело блестели.

Аран, как и полагается VIP-гостю, старалась идти изящно и с чувством собственного достоинства. Выйдя из здания, она обернулась и долго смотрела на него. «Раз это великолепное здание стоит непоколебимо и не исчезло, как мираж, — подумала она, — значит, мои триста пятьдесят миллионов вон не пропадут». Как только кошмар от переживаний из-за денег исчез, мир сразу стал прекрасным. Спокойно, словно иностранка, она прогуливалась по улице, вдоль которой стояли чистые и ровные здания. Увлеченная сладковатым ароматом, она вошла в чайный дом, где, слушая рэп, вспомнила свою немного странную, похожую на дурочку мать, которая не выходила на работу в дождливый день, предпочитая слушать шансон. Ощущение обладания огромными деньгами стало теперь реальным, беспокойство исчезло, как мираж. Несмотря на эту реальность, тело и душа Аран внезапно стали легкими, словно воздушные шары. Она будто прошла жестокую официальную церемонию, после которой у нее укрепился иммунитет, как после сильной лихорадки, — казалось, что ей больше не грозит назойливый страх перед будущим. Она с наслаждением понаблюдала за жизнью, которая упорно липла к ней, словно навязчивый человек, и, проведя какое-то время в чайной, отправилась домой. Когда она посмотрела на грязную деревню, откуда теперь могла уехать в любое место, то с удивлением поняла, что наблюдать за ее жизнью было интересно, словно там снимается фильм. Когда у тебя много денег, жизнь действительно прекрасна.

Оказавшись рядом с Парком скульптур, она внезапно вспомнила про белый мяч — он мог до сих пор

находиться в той дыре. Как же нехорошо она поступила с мячиком, засунув его в грязное отверстие, ведь ему явно нравилось катиться по лугу. «Бедный мой мячик!» — подумала Аран и прямоиком направилась в Парк скульптур. Она вытащила мячик из отверстия и, свободно покатав его некоторое время по лугу, начала играть с ним кончиками пальцев ног. Несмотря на то, что в душе что-то зудело, эта детская игра доставляла ей освежающее удовольствие, словно газированная вода в жаркую погоду. Аран решила, что, когда придет домой, прежде всего позвонит Хону. Ей вдруг захотелось заняться с ним сексом. Как же долго она не спала с ним! У нее возникло внезапное желание поиграть с ним. Сделать все те оскорбительные и вульгарные вещи, которые он проделывал с ней. Хозяин должен стать рабом, а раб — хозяином. Оказывается, роли так легко могут поменяться! Теперь она сможет прижечь сигаретой его грязное предплечье, приказать ему ползать по полу комнаты, заставить его, как собаку, облизывать все ее тело. Как только она представила это, то зашлась в приступе гомерического хохота, словно сумасшедшая.

Среди желаний, которые ей хотелось поскорее исполнить, было не только желание переспать с ним. Аран хотела сказать Хону, что отныне она ему не жена, делящая с ним невзгоды и покорно ждущая, пока он разбогатеет. Теперь она — женщина, мечтавшая выбиться из грязи в князи, которая наконец-то достигла своей цели. Он и все восемь членов его семьи, также пытавшихся вырваться из бедности, превратились для нее в ночной кошмар, ей больше не нужно о них думать. Однако это вовсе не означает, что Хон стал для нее совершенно бесполезным. Его можно использовать в качестве подходящего мужа, когда ей потребуется, — она все-таки женщина, скучающая по мужской ласке и любви, ну а если надоест — выбросить, как поношенную обувь. «Теперь бояться расставания должна не я, а ты, дорогой мой Хон!» — подумала она и улыбнулась. Только сейчас она, кажется, поняла причину, почему до сих

пор ведущая роль отводилась мужчинам, — в этом мире лидер тот, кто обладает большими деньгами.

Аран представила, что белый мячик, который она сейчас катала кончиками пальцев ног, был вовсе не мячиком, а ее парнем Хоном. Это оказалось намного веселее, чем воображать мячом себя. Она изо всех сил ударила по мячу ногой. В отличие от прошлого раза, он долго летел, а затем, не успев упасть на землю, исчез за краем скульптуры «Боль бытия». «Неплохо, этот удар можно назвать „мяч в отверстие“⁸», — еле слышно пробормотала Аран. Но в этот раз она не собиралась вытаскивать его.

Вот таким образом в конце концов произошло ее примирение с домом президента Чжина. Как только Аран познала силу денег, она внезапно почувствовала грусть и теперь, кажется, смогла простить семью президента Чжин за все испытанные ею страдания.

В центре города витала едва уловимая, неясная и необычная грусть. И внезапно Аран почувствовала аромат вчерашнего дня — смесь запахов свежей травы и навоза.

⁸ «Hole in one» — выражение используется в гольфе, когда одним ударом мяч загоняют в лунку.

ВИЗА J-1

*Роберт долго вертел в руках его паспорт.
Ли Чангу было неприятно, что его документ
рассматривают столько времени.
Он очень хотел получить паспорт обратно и начал
с того, что сказал: «Спасибо».
Однако Роберт не был похож на полотно коварного
и сложного конвейера,
на котором во сне плыл его паспорт.*

Преподавать с каждым днем становилось все утомительнее. Жена всегда проявляла заботу о нем, когда он после занятий валился без сил, но сегодня, несмотря на страшную усталость, он почувствовал, что она относится к нему гораздо лучше, чем в обычные дни, словно хочет этим что-то сказать. И он ждал. Наконец, даже не убрав со стола после ужина, она заговорила:

— Дон Мин сказал, что назначил день свадьбы на четвертое августа. Это время там самое жаркое. Когда я спросила его, почему именно в разгар лета, он ответил, что лучше всего устроить торжество, когда у детей наступят летние каникулы, чтобы наша семья обязательно смогла присутствовать. И хотя родня невесты хотела

справить свадьбу в мае, он все же настоял на августе, утверждая, что так хочет наша сторона. А все из-за его упорства, которое наши родители не в силах преодолеть. Однако не стоит слишком из-за этого беспокоиться. — Жена говорила с таким видом, словно ничего необычного не происходит, хотя он видел, каких трудов ей стоило это спокойствие. Все так же в резиновых перчатках она повернулась к раковине и продолжила мыть посуду.

Дон Мин был младшим братом его жены. Выдав ее замуж, семья в полном составе иммигрировала в США и расселилась по штату Калифорния. Он подумал, что поездка не доставит особых неудобств, поскольку об этом просили родители жены. Пожалев супругу, которая унижалась перед ним, он с наигранным весельем сказал:

— Отлично! Хороший повод проветриться впервые за долгое время — давай, если позволят обстоятельства, съездим на свадьбу. И детей с собой возьмем — хорошая идея! Свекровь, наверное, хочет видеть своих внуков больше, чем зятя. Что скажешь на это, дорогая?

— Правда, ты не шутишь? Разве ты можешь поехать в Америку, не получив извинений от американского посла? — серьезно спросила жена, быстро снимая резиновые перчатки.

У нее было такое выражение лица, словно она не могла в это поверить. Только тогда Ли Чангу понял, почему все это время жена так странно себя вела: она, видимо, уже не ждала, что он действительно сможет получить извинения от американского посла. К тому же она понимала: он сказал так потому, что у него не было выбора — это было в какой-то степени обещание самому себе. Он рассердился на нее, словно его поймали с поличным во время распутства с некрасивой женщиной. И еще был зол на самого себя. У него испортилось настроение. Чтобы жена не увидела этого, он сказал: «Наш народ легко можно унижить», — тем самым желая свалить свою забывчивость и перенесенное оскорбление на национальный характер.

В середине марта позапрошлого года ему позвонила Ким Хесук. В тот момент Ли Чангу сидел в учительской и размышлял о том, что предмет, который он преподает, слишком трудный. Но он думал так по привычке, — в последнее время особо сложной работы не было.

— Здравствуйте, вы учитель Ли Чангу, верно? Добрый день. Как ваше самочувствие? Это Ким Хесук, ученица двадцать третьего выпуска.

Ее голос был мягким и приятным.

— Что случилось? Почему ты звонишь? — сказал он уклончиво, сделав вид, что узнал ее. Но на самом деле по голосу он не мог вспомнить ее лицо.

Ли Чангу работал преподавателем корейского языка в женской средней школе уже больше двадцати лет, но чтобы выделить имя Ким Хесук из всех учениц, окончивших школу за все это время, надо было перебрать несколько десятков имен. Кажется, девушка почувствовала это в его уклончивом ответе.

— Я в Америке, в Лос-Анджелесе. Еще до отъезда туда на учебу я заходила в школу попрощаться... Я Ким Хесук — та самая ученица, которая заняла первое место на двадцать третьей выпускной церемонии и получила премию от директора Ли, теперь вспомнили?

Что-то такое он смутно припомнил. Ким Хесук была единственной выпускницей, занявшей первое место в классах, в которых он работал классным руководителем. Из богатой семьи, всегда опрятная и красивая, умная от природы, немного прямолинейная в общении (в школе ее называли «ботаником»), она без затруднения поступила в престижный Сеульский университет. Она была примерной ученицей, и ему как классному руководителю не требовалось уделять ей повышенное внимание. Когда он понял, кто такая Ким Хесук, вместо радости ощутил неприятный стыд при воспоминании о двадцать третьей выпускной церемонии. Ему не хотелось вспоминать о том, что тогда случилось. Директор и все остальные преподаватели школы шумно требовали от него хорошего угощения — ведь его ученица

Ким Хесук заняла первое место среди выпускниц. По традиции, классный руководитель, ученица которого занимала первое место, обязан угостить всех коллег, и на этот раз Ли Чангу должен был особенно щедро раскошелиться: его воспитанница еще и поступила в лучшее учебное заведение страны — в Сеульский университет! Тогда он впервые получил руководство над выпускным классом, но ему казалось, будто он занимался этим каждый год. Ли Чангу даже представить не мог, как много денег предстоит потратить на угощение! В этой школе преподаватели очень часто ели вне ее стен. Иногда, после шумного обсуждения дизайна и стоимости новой одежды, купленной кем-то из женщин-преподавателей, кто-нибудь говорил, что надо бы обмыть покупку. В школьной столовой в дополнение к обеду можно было купить жареное мясо. Ему сказали, что если дать поварихе денег на мясо, она приготовит его. Ли Чангу сначала хотел поступить так же. Но он счел, что по случаю двойной радости должен хорошенько расстараться, поэтому решил угостить всех жареными ребрышками в популярном ресторане. Впрочем, выяснив, сколько будет стоить такое угощение, он передумал и пригласил коллег в гостиничный буфет, причем взял на себя все расходы. Учителям с самого начала показалось странным, что их позвали не в популярный ресторан, как они ожидали, а в гостиничный буфет. Узнав, что угощение оплатили не родители Ким Хесук, а лично Ли Чангу, стали обращаться с ним как с дураком и скорчили такие лица, словно у них пропал аппетит. Один из них с возмущением ушел, напоследок пнув стол ногой; другой пытался наставлять: мол, родителей примерной ученицы тоже стоило бы научить хорошим манерам. Ли Чангу лишь растерянно моргал: ему казалось, что коллеги ожесточенно грызут не ребрышки, а его самого. Он, словно преступник, покорно сносил все эти упреки, в то же время сгорая от стыда за свой коллектив.

То, что Ли Чангу посвятил себя преподаванию, все не означало, что он видел в этом свое истинное при-

звание. Не было это и средством к существованию. Он поступил в университет в начале семидесятых, когда по всей стране вспыхивали ожесточенные студенческие бунты и проводились антиправительственные демонстрации. И хотя его не арестовывали и даже не отчислили из университета, Ли Чангу до хрипоты распевал песни студентов-активистов и вполне разделял настроение того времени, когда несправедливую власть клеймили позором. Но даже сознательно участвуя в студенческом движении, он из-за своей трусости был не в силах полностью посвятить себя борьбе. А боевой дух его товарищей, казалось, пронзал само Небо; они вставали с колен, чтобы умереть стоя... Но в конце концов все это оказался лишь временной, хотя и пламенной, страстью: немногие из них впоследствии «пошли в народ», замаскировавшись под политиков. Ли Чангу восхищался единством слов и дела и не мог полностью доверять их огненным речам и поступкам. Он выбрал наиболее подходящий путь, чтобы избавиться от этой двусмысленности: хорошо, конечно, посвятить свою жизнь служению людям, но важно и самому пожить среди народа. Он сознательно решил преподавать общие предметы, потому что считал: те знания, которые получают его ученики, будут наиболее полезны для них в обычной жизни. Возможно, причиной его решения стало также презрение к мелочности и обывательщине.

Первым прозвищем, которое Ли Чангу получил на новом месте работы, в школе, было Девушка. Увидев, как симпатичный молодой мужчина при взгляде на них краснеет и смущается, явно не зная, куда себя деть, старшеклассницы, видимо, посчитали, что он попросту стесняется их. Когда они видели его, то радовались и громко хлопали в ладоши. У них было скрытое желание поиграть с этим привлекательным молодым человеком. Однако он не помнит, чтобы в то время ему нравилась хоть одна из этих девушек. Стоило Ли Чангу встать за кафедру, его охватывало чувство, будто он ничего не знает, и от этого у него краснело лицо. Прозвище

Девушка продержалось недолго: вскоре Ли Чангу превратился в бесчувственного, холодного и скучного преподавателя; к тому же он был холост. Однако порой он по-прежнему вел себя неуверенно и стеснительно. Правда, теперь он не краснел — вместо этого у него начинала гореть душа, но заметно это было лишь ему одному.

— Давно тебя не слышал. Что случилось? — спросил он слабым и сухим голосом, который не изменился бы, даже если бы звонили не из Лос-Анджелеса, а с Луны.

— Я хотела бы пригласить вас к нам. Как насчет того, чтобы приехать после двадцать шестого мая?

— Спасибо за приглашение, но я вдоволь насмотрелся на Америку. Все родственники моей жены живут там.

— Я приглашаю вас не в туристическую поездку. Я хочу официально предложить вам поучаствовать в научной конференции, которую проводит кафедра Восточной Азии университета С., где я работаю. Вот уже третий год подряд я провожу конференцию на тему «Колониальный опыт и современность: Корея, Япония и Китай» и приглашаю поучаствовать корейских писателей. Я тоже выступаю там с докладом.

— Так ты хочешь, чтобы и я выступил?

— Вовсе нет! Моя статья, основанная на вашем рассказе «Деревня камышовых шляп», посвящена колониальному периоду истории нашей страны. Вы, наверное, не знаете, насколько я горячая поклонница вашего творчества и добросовестный исследователь ваших увлекательных произведений!

— Правда? — переспросил он, но даже ему самому показалось, что его голос внезапно стал раздраженным.

Ли Чангу был холоден не только к своим ученицам, но даже к собственным детям. Стоило ему услышать от кого-то о своих произведениях, он тут же начинал нервничать и отчаянно защищать их.

— Учитель, не говорите так страшно! Мне кажется, будто я совершила большую ошибку, а вы меня браните! Ладно, хватит об этом. Давайте перейдем к главному:

я приглашаю вас как автора. Я планирую использовать английский перевод вашего рассказа «Деревня камышовых шляп» и хочу разослать его участникам нашей конференции, чтобы они получили первичное представление о рассказе, а также ознакомить их с кратким содержанием моей статьи для использования ее в качестве предмета для обсуждения в назначенный день. Распорядок дня, вероятно, будет включать знакомство с вами. Естественно, я представляю вас не как школьного учителя, а как писателя Ли Чангу. Конечно, я предполагаю, что вас засыплют вопросами, поэтому собираюсь составить повестку дня и сыграть роль посредника в процессе обсуждения. А чтобы все прошло хорошо, мне кажется, я должна в общих чертах знать ваше мнение о связи колониального периода и современности. Я могу сделать устный перевод. Мне действительно хочется, чтобы все прошло хорошо... Если вы сможете, пришлите заранее наброски... В Америке, особенно в Калифорнии, наблюдается большой интерес к культуре Восточной Азии, и число исследователей постоянно растет.

— Значит, у тебя есть друзья, которые могут прочитать и понять мой рассказ на корейском языке без перевода на английский?

— Нет, они еще не достигли такого уровня. Хотя есть один друг, который чуть-чуть понимает, но... Вы не беспокойтесь насчет устного перевода: я уверена, что смогу хорошо его сделать.

— Это ты перевела на английский язык «Деревню камышовых шляп»?

— Нет, не я, — не возникло необходимости. При финансовой поддержке «Фонда корейской литературы» это сделала переводчик Хелен Кан. Впоследствии он был включен в сборник рассказов корейской литературы, изданный в одном американском издательстве. Неужели вы не знали об этом?

— Хелен Кан... Мне она известна. На твой взгляд, она хороший переводчик? Можно ли доверять ее переводу?

— Конечно. Она лучший переводчик из всех, кого я знаю. Она иммигрировала в Америку, когда училась в начальной школе, жила с бабушкой и прекрасно понимает наш язык. Само собой, она также свободно владеет и английским. Она, кстати, замужем за американцем. Хелен — моя ровесница, но, несмотря на молодость, она решила распространять корейскую литературу на английском языке. Очень амбициозная и необыкновенно умная женщина!

Дослушав, Ли Чангу с раздражением ответил:

— Я постараюсь поучаствовать в вашем мероприятии, если ты пришлешь мне официальное приглашение, — после чего повесил телефонную трубку. Он разозлился сразу же, как только услышал, что используется перевод Хелен Кан, поэтому так поспешно оборвал разговор.

Все, что он точно знал о себе, — так это то, что в течение двадцати лет был обычным учителем. Он совершенно не был уверен в том, что сумел также стать хорошим писателем. Не знал, хорошо ли продаются его книги и имеют ли люди представление о нем как о писателе. Он всегда огорчался, что не способен делать два дела одновременно, например слушать музыку и читать книгу. Но даже зная об этой своей слабой стороне, Ли Чангу решил совместить профессии учителя и писателя, каждую из которых нельзя было счесть легкой. Он удивлялся тому, что, не будучи отличником, смог успешно окончить университет и полученными там знаниями зарабатывать на жизнь. Однако сказать, что он совсем отвернулся от идеологии, в которую вложил гораздо больше времени и страсти, чем в учебу, было бы несправедливо. Иными словами, ему не хотелось терять уважение к самому себе. Преподавание и писательство были для него опорами, — они подпирали его чувство собственного достоинства и давали средства к существованию. Для поддержания высокого мнения о себе он решил писать как минимум один-два рассказа в год, чего бы это ему ни стоило. Главная проблема состояла не в том, чтобы разделить время между двумя видами деятельности, а в

том, что если он не перевоплощался из учителя в писателя, то не мог написать даже одну-единственную строчку. Само собой, у него имелась возможность для такой «трансформации» только во время школьных каникул, но в это время было непросто писать рассказы, и это тоже его раздражало. Обычно во время работы в школе он не страдал забывчивостью, но сейчас внезапная амнезия привела его в замешательство: как он мог забыть, что в мае будет лишь середина семестра! Ли Чангу тут же пожалел, что согласился так легко, хотя ему почему-то показалось, что он в любом случае должен участвовать в этой конференции. К тому же Ким Хесук говорила таким серьезным тоном, что ей было невозможно отказать. Вероятно, он дал согласие даже не из-за ее просьбы, а из-за Хелен Кан. Он никогда не встречался с ней, но один или два раза они разговаривали по телефону. Спрашивать о тексте непосредственно автора рассказа похвально, упрекнуть за это переводчика нельзя. Однако Хелен не собиралась обмениваться мнениями по поводу отдельных фраз, которые можно было неправильно истолковать, или неясных мест, или метафорических описаний. Ему потребовалось большое терпение, чтобы вежливо разъяснить ей значение таких простых слов, как «сокаге»¹ или «мурикурёк»², которые легко отыскать в любом толковом словаре. И дело не ограничивалось лишь этим. Пусть она хорошо знает английский язык — но ведь она не понимает даже значения слова «чонсиндэ»! Не зная этого, она явно не соответствует той работе, за которую взялась как переводчик.

В рассказе Ли Чангу не говорилось ни слова о том, что делали женщины в чонсиндэ, но его темой была мрачная и безнадежная атмосфера терпящей нужду деревни в конце японского колониального правления. Его будущую мать в самом цветущем возрасте — ей

¹ Деревянные доски, идущие от балок, на которые кладут плетеные перекрытия из камыша или деревянных планок.

² Работа, компенсирующая чужой долг или ущерб.

было всего восемнадцать лет — по воле крайне бедных родителей практически продали тридцатилетнему вдовцу с кучей детей от первой жены. Выйдя замуж, она родила еще троих. В начале Корейской войны, когда ей едва исполнилось двадцать три года, она стала вдовой. Родители, которые столь жестоко поступили с дочерью, продолжали кричать на нее: они считали, будто у них есть на это право. То тяжелое замужество, по их мнению, было единственным, что тогда помешало забрать ее в чонсиндэ.

Ли Чангу родился после Освобождения, у него не было даже смутных воспоминаний о колониальных временах, но он был ребенком несправедливой жертвы того времени. Этот рассказ был о невыносимой обиде матери, в описание жизни которой Ли Чангу вложил всю душу, стараясь передать ее переживания. Ли Чангу совершенно не хотел поверхностного прочтения своего текста. А Хелен Кан относилась к рассказу дерзко, и это раздражало его. Ее совсем не угнетало, что она, неплохо владея английским языком, многого в рассказе не понимает до конца. Но еще больше Ли Чангу было стыдно за свою снисходительность. Что было тому причиной? Ожидание, что его рассказ получит мировую известность, если Хелен Кан сможет выйти за границы своего литературного языка, сложившегося на основе переведенных ею одной-двух книг? Или же дело было в чувстве неполноценности, которое он, словно по привычке, испытывал перед человеком, хорошо владеющим английским? Как бы там ни было, Ли Чангу сильно расстроился, услышав имя Хелен Кан.

Возможно, причина того, что его уровень английского не дотягивал даже до познаний нынешних старшекласников, крылась в том, что в начале семидесятых годов, когда закрывались школы, он обучался на факультете корейской литературы и довольно много времени отдавал студенческим демонстрациям против власти. Однако чувство неполноценности из-за слабого владения английским языком Ли Чангу начал испы-

тывать, лишь когда стал писателем. Когда он получил признание как автор, были созданы две независимые международные литературные организации, и получить шанс поучаствовать в зарубежных литературных семинарах стало не так сложно. Отправляясь за границу по культурному обмену, а не в туристическую поездку к родным, он поначалу даже чувствовал себя великим писателем. Каждый раз, когда в семье жены — не только большой и процветающей, но и дружной — происходило какое-нибудь значимое событие, он как старший зять получал приглашение. И он то и дело летал к ним, пропуская два приглашения из трех. Ли Чангу настолько привык к аэропорту Кимпхо, что уже не различал, какая это была поездка: деловая командировка или же визит к родственникам. Жена больше радовалась, когда ему приходилось выезжать по важным, как ей казалось, культурным делам, нежели по присланным из родительского дома авиабилетам; несмотря на то, что деньги приходилось выкраивать из скудного семейного бюджета, она все равно побуждала его ехать. Однако, посетив несколько раз зарубежные конференции, он понял: они кажутся важными лишь его семье и коллегам, а для него самого эти поездки ничего не значат. Но, несмотря на это, у него не было желания высказывать свое мнение перед иностранными писателями или же завладевать их вниманием посредством оригинальных выступлений. С самого детства Ли Чангу был настолько стеснительным и необщительным, что даже в страшном сне не мог себе представить, как дружески общается с кем-нибудь на ломаном английском. Он наблюдал за коллегами, отличающимися от него и внешним видом, и языком, и пытался почувствовать, как тот жанр литературы, в котором он творил, развивается за границей. Это был самый простой способ общения с внешним миром, не связанный ни с его творчеством, ни с тщательно скрываемым чувством неполноценности. Однако, несмотря на знакомство с новыми духовными веяниями во время таких поездок, Ли Чангу каждый раз возвращался будто

из ссылки. Не только потому, что из-за незнания международного языка он не мог участвовать в дискуссиях или выступать с докладами. Ли Чангу охватывало странное чувство, похожее на тоску. Возможно, оно происходило от ощущения, что он — несмотря на то, что в одном месте собралось множество людей, — словно человек-невидимка, не принадлежит к этому обществу. Однажды он слышал, как свободно владеющий английским языком известный литератор из Кореи, попросив иностранца перевести, красиво и уверенно заговорил на корейском языке. Когда Ли Чангу слушал, как тот возбужденным голосом утверждал, что в течение ближайшего десятилетия корейцы должны получить Нобелевскую премию по литературе, все его тело покрылось гусиной кожей: от волнения он не находил себе места. Но это было исключительно его личное ощущение, другие участники, включая иностранцев, кажется, спокойно выказывали уважение к доводам выступающего; волновался только он один.

Из всех фильмов, когда-либо просмотренных Ли Чангу, был один, который он не мог забыть из-за одной фразы. Там говорилось о том, почему евреи, живущие в европейском сообществе, так и не смогли в него влиться: «Вы можете дойти до ручья, но не сможете пить из него воду». Эта фраза на языке людей белой расы в точности передавала чувства, которые Ли Чангу испытывал с момента своего рождения. Она производила на него такое впечатление, возможно, еще и потому, что не имела отношения к основной теме фильма. Тот фильм можно было забыть сразу же после просмотра, ибо он не стоил внимания: Ли Чангу даже не мог вспомнить, кто был главным героем, каков был сюжет и был ли он вообще; интересный это фильм или не очень. Возможно, он запомнил эту реплику, прозвучавшую в том бессвязном фильме, из-за антенны с двумя телескопическими усиками, которую держал герой и которая была настолько маленькой, что ее и антенной-то трудно было назвать. Ли Чангу хорошо знал: он не может изменить свое поведение, потому что

стесняется участвовать в делах, которые другим людям приносили удовольствие. Но ему было приятно, когда люди, увидев его, осознавали, что это не кто-нибудь, а сам Ли Чангу! Он обладал высокой чувствительностью, — она была уникальным признаком сознания, позволявшим ему понимать свое отличие от других.

Отдавая себе отчет в том, что он не такой уж известный писатель, как считают некоторые поклонники его творчества, Ли Чангу все же принял приглашение Ким Хесук. В какой-то мере его решение было продиктовано желанием побороть чувство собственной неполноценности за счет участия в международной конференции. На самом деле в глубине души Ли Чангу был недоволен тем, что едет на конференцию молодых магистрантов, а не известных мастеров пера или ученых. Эта догадка возникла позже, но изначально он вспылил из-за своего недоверия к переводу Хелен Кан. Ли Чангу с раздражением вспомнил, что она не могла как следует вникнуть в суть его рассказа. По его мнению, переводчица не понимает главного: эмоциональная привлекательность рассказа скрывается между строками и не может просочиться за пределы корейского языка, — так, по крайней мере, он считал. Ли Чангу недоумевал: почему именно Хелен Кан вызвалась переводить такое сложное произведение, как его рассказ? Для этого ей не доставало проницательности и литературного мастерства. Для Ли Чангу было невыносимо ощущение, что она убивает его произведение, оскверняет своим неправильным переводом; ему казалось, что она взялась за эту работу лишь из-за своей слепой веры в свободное владение двумя языками, а не потому, что находилась под сильным впечатлением от прочитанного. В рассказе он хотел показать необыкновенную стойкость и жизненную силу матери, с помощью которой она с неимоверным трудом, словно протискиваясь сквозь игольное ушко, преодолела все жизненные трудности. Любовь и долг в его рассказе можно было рассматривать как силу человека, данную ему для преодоления пределов возможностей.

После того памятного телефонного разговора с Ким Хесук Ли Чангу тридцатого апреля получил письмо из университета С., составленное от имени Донны Уайт, директора исследовательского центра. Оно было датировано восемнадцатым апреля. К счастью, это было официальное письмо, и его знания английского на уровне старшеклассника хватило, чтобы понять содержание. Донна Уайт писала, что она является организатором конференции «Колониальный опыт и современность: Корея, Япония и Китай» в Институте гуманитарных наук в университете С., в которой от имени исследовательского отдела она приглашает принять участие Ли Чангу, и высылает программу и счет за участие. В письме также указывалось, что ему оплатят все дорожные расходы, проживание и выплатят гонорар — пятьсот долларов. «Хм, стоит ли тащиться в Америку, чтобы заработать пятьсот долларов?» — подумал Ли Чангу, прочитав этот пункт. Шмыгая носом, он предстал перед женой с письмом в руке, но когда речь зашла о пятистах долларов, он решил, что это весьма подходящий момент для того, чтобы порисоваться перед ней. Ли Чангу не знал, на каких условиях приглашены остальные участники конференции, да и гонорар не входил в его расчеты. Он, конечно, предполагал, что ему оплатят дорожные расходы и проживание, но эти деньги не влияли на его решение принять приглашение или же отклонить его. Ли Чангу подумал, что ему все же стоит поехать на эту конференцию. Конечно, пятьсот долларов — не такие уж большие деньги, но все равно приятное дополнение к поездке. Внутри конверта вместе с письмом находился документ, в котором следовало указать личные данные: имя, дату рождения, адрес проживания. Ему предстояло въехать в США по визе J-1, но чтобы получить ее в Корее, приглашающая сторона должна была направить в посольство США уже заполненные документы. Донна Уайт просила отправить их по факсу как можно быстрее. Кроме того, она написала, что, если он укажет маршрут поездки и номер кредитной карточки, это

будет очень удобно для предварительной регистрации в отеле и заказа транспортного средства.

Первое, что Ли Чангу должен был сделать перед отправкой документа, — сообщить директору школы о цели поездки и получить от него разрешение. Он в первый раз выезжал за границу во время учебного семестра. К счастью, Ли Чангу не был классным руководителем; ему казалось, что если кто-нибудь заменит его на занятиях, то он сможет отправиться в США, не создавая больших проблем ни школьникам, ни учебному процессу. Согласно содержанию письма-приглашения, можно будет спланировать обзорную экскурсию до или после двадцать шестого мая. Если конференция пройдет в восточном регионе страны, то есть смысл подумать об экскурсии, он в тех краях еще не бывал; но ехать в Калифорнию, куда он часто катался к родственникам жены, ему не хотелось. Посмотрев на супругу, Ли Чангу подумал: если он съездит в США на конференцию и не встретится там ни с кем из членов ее семьи, для нее это будет слишком тяжелым ударом. Но чтобы после конференции повидаться с тещей и тестем, переночевать у них и только потом вернуться обратно в Корею, ему понадобится виза минимум на шесть дней.

Когда он в общих чертах накидал расписание, ему позвонила Ким Хесук. Она сказала, что, узнав о том, что он приезжает в США, исследовательские группы по Восточной Азии не только университета С., но и университета L. и других учебных заведений захотели, чтобы он нашел время и принял участие в их заседаниях.

— Я слышала, вы получили приглашение из университета С.? Как же я рада за вас! Нам бы тоже хотелось пригласить известного писателя из Кореи, побеседовать с ним и устроить круглый стол по культурному обмену в западной части страны. К сожалению, бюджет нашего университета очень маленький, мы не могли пригласить вас отдельно. Однако услышав новость о том, что вы приезжаете сюда по приглашению университета С., я подумала: «Вот так удача!», поэтому и позвонила вам. Здесь немало ваших читателей. Мне хочется непременно

отвезти вас на собрание местных писателей! Прошу вас, не отказывайтесь! Если выделите время, я сочту за честь сопровождать вас. Учитывая ваше плотное расписание, мы проведем встречу в формате дружеской беседы, чтобы не утомлять вас, — не переживайте на этот счет. Среди наших членов есть журналист из корейской газеты, которая издается в Лос-Анджелесе. Он хочет отдельно поговорить с вами, — не отказывайтесь ни от встречи с местными писателями, ни от интервью с ним.

Ким Хесук говорила хоть и вежливо, но в довольно настойчивой, не терпящей возражения манере. Ли Чангу подумал: «Неужели меня действительно все так жаждают пригласить?» С одной стороны, он был растерян, а с другой — ему казалось, что он начал важничать, думая: «Неужели я стал таким знаменитым?» Когда он спрашивал себя: «Неужели я — это я? Может быть, они перепутали меня с кем-то?», у него приподнималось настроение, хотелось даже шутить с самим собой. А стоило ему подумать, что, мотаясь туда-сюда, он с трудом найдет время, чтобы пообедать с родителями жены, и, не оставаясь у них с ночевкой, вернется обратно в Корею, как его губах появилась едва заметная довольная улыбка. Он, конечно, понимал, что не сможет игнорировать родителей жены, но в душе ему не очень-то хотелось их навещать. К тому же Ким Хесук непременно хотела выделить один день для осмотра местных достопримечательностей. Ли Чангу, не решившись бессердечно отказать ей, пересмотрел свой ранее составленный график и продлил командировку до восьми дней. Но, прежде чем отправить свое расписание по факсу, он зашел к директору школы, чтобы получить разрешение на поездку. Директор до сих пор любил похвастать тем, что в течение трех лет участвовал в ежегодном литературном конкурсе и скучал по своему прозвищу Литературный Энтузиаст, но, видимо, он так и не сподобился прочитать рассказы Ли Чангу. Тем не менее он всегда притворялся, что интересуется его творчеством. Когда Ли Чангу вошел в кабинет директора, тот внезапно спросил:

— Учитель Ли, почему вы в последнее время не пишете рассказы? Если вы с таким трудом вышли на эту стезю, то должны постоянно публиковаться, — и тогда в один прекрасный день настанет и ваша очередь получить литературную премию.

Каждый раз, когда публиковали имя очередного лауреата, получившего большую или маленькую литературную премию, директор привычно огорчался, если среди победителей не называли Ли Чангу. Вот и на этот раз он посетовал на это. Сделав вид, что не расслышал слов директора, Ли Чангу вежливо сказал:

— Даже если я и не получаю премии, то все равно усердно пишу. В прошлом месяце я опубликовал повесть в литературном журнале.

— Учитель Ли, почему вы как писатель стали настолько бесчувственным и лишенным фантазии? Я бы на вашем месте не пожалел денег, купил бы несколько экземпляров журнала с рассказом и положил бы его в кабинете директора и в учительской. Я бы рекламировал журнал ученикам, чтобы они купили его. Хотя нет, я бы не стал так делать: мне нравятся бесплатные вещи. Ведь сегодня на дворе эпоха саморекламы. Я слышал, что существует множество литературных премий, но до сих пор ни одна из них не нашла учителя Ли Чангу. Но не потому, что вам не достает способностей, — просто вы, кажется, не знаете, как пиарить самого себя. Или вы ведете себя так высокомерно, потому что в литературных кругах вас презирают так же, как в школе?

— О чем вы говорите, директор? Как я могу вести себя высокомерно? Все как раз наоборот. У меня нет уверенности в себе, я боюсь, что кто-нибудь может прочитать мой рассказ.

— Так зачем же вы стали писателем и печтаетесь? Ведь если то, что вы сейчас сказали, — правда, ваша деятельность не имеет смысла.

Поняв, что продолжать разговор с директором школы бессмысленно, Ли Чангу притворился, что согласен с его словами, и, извинившись, перешел к сути дела. Он

рассказал о приглашении от Общества гуманитарных наук из американских университетов С. и Л. Несмотря на то, что сейчас середина семестра, его отсутствие никак не скажется на занятиях, поэтому Ли Чангу хотел бы отпроситься на некоторое время и попросил директора пойти ему навстречу.

— Нет, это правда? Так, значит, произведение учителя Ли Чангу стало известным даже в США? Когда же вы успели перевести его? Я забираю свои слова обратно о том, что вы не умеете пиариться! Раз уж так получилось — вы, вероятно, сможете получить Нобелевскую премию по литературе, верно? В эпоху глобализации такое честолюбие великолепно и достойно зависти. Молодец! Нет, вы просто молодец!

Ли Чангу наблюдал, как директор, сверкая глазами, которые, казалось, вот-вот выскочат из орбит, пришел в неопикуемый восторг, и не знал, что делать в такой ситуации. На мгновение ему показалось, что кто-то, услышав эти слова, заливался громким смехом за дверью. Он подумал, что поступил неправильно: надо было сначала рассказать директору о приглашении Ким Хесук.

— Господин директор, прошу вас, успокойтесь! До Нобелевской премии по литературе мне еще очень далеко! Я пришел не из-за нее. Вы помните Ким Хесук из двадцать третьего выпуска, занявшую почетное первое место среди выпускниц школы?

— О чем вы говорите, конечно, помню! Как я могу забыть Ким Хесук — лучшую выпускницу за всю историю школы!

Тон директора был хвастливым, как у главного героя комедии, которую в последнее время крутили по телевизору. С трудом сдерживая смех, Ли Чангу попытался кратко объяснить, что именно сейчас Ким Хесук делает в Америке и почему она пригласила его. Однако директор лишь сильнее разволновался, связав приглашение из известного американского университета с именем лучшей выпускницы школы.

— Ким Хесук? Конечно, конечно, помню — это та самая девушка, которая запросто поступила в знаменитый

Сеульский университет и прославила родную школу. Значит, теперь она продвигает корейскую литературу, представляя произведение своего учителя на мировой арене и приглашая его в качестве автора рассказа? Это прекрасно, — она сможет показать результаты вашего труда и одновременно прославить ваше произведение. Да, учитель Ли, вы — счастливый человек!

Взбудораженный директор снова предался пустословию. Видимо, посчитав, что этого мало, он преподносил случившееся так, словно повторяется история о том, как японцы получили Нобелевскую премию по литературе. Тогда встретились известный японский писатель и хороший переводчик, и благодаря этому прекрасному союзу японцы получили Нобелевскую премию по литературе³. Он утверждал, что нет такого закона, согласно которому Ким Хесук и Ли Чангу не смогут создать подобный же союз. Директор не в силах был выбросить из головы навязчивую идею о получении Нобелевской премии по литературе корейцами. На следующий день на планерке директор заявил, что у него есть объявление для всего коллектива, и снова завел разговор о Нобелевской премии. К счастью, благодаря похвале и рекламе Ким Хесук, знаменитой выпускницы, прославившей свою родную школу, время выступления директора закончилось еще до того, как он завел рассказ о глобализации корейской литературы посредством творчества Ли Чангу, — раздался звонок, возвещающий о начале уроков. Одним из достоинств директора было неукоснительно точное соблюдение времени занятий. Если бы у него отсутствовало приятное заблуждение касательно творчества Ли Чангу, то последнему было бы весьма непросто получить разрешение пропустить занятия в середине семестра больше чем на неделю.

³ Вероятно, имеется в виду Ясунари Кавабата — первый японский писатель, получивший Нобелевскую премию (1968). Будучи президентом японского ПЕН-клуба с 1948 по 1965 год, Кавабата способствовал многочисленным переводам с японского языка на языки Запада.

Несмотря на то, что все шло гладко, Ли Чангу смог отправить по факсу личные данные и маршрут поездки для получения визы J-1 лишь через два дня после получения письма от Донны Уайт — второго мая. Он попросил ее забронировать номер в отеле, а авиабилет решил купить сам, взяв квитанцию.

То ли оттого, что он думал об этом, то ли по какой-то другой причине, но ему в глаза бросилась статья в верхней части газеты. В ней говорилось о том, что в настоящее время из-за огромного количества заявок в американском посольстве заявители сильно страдают от доставленных неудобств. К статье прилагалась фотография бесконечно длинной очереди желающих получить визу. Даже после успешного прохождения собеседования в посольстве, писал журналист, требовалось больше месяца для получения визы. Сейчас пик активности иностранных студентов (время летних каникул) и туристов, которые собираются покинуть страну. Однако американское посольство, прекрасно зная, что ожидается такой большой наплыв желающих получить визу, не прилагает никаких усилий, чтобы ускорить процесс, и никак не реагирует на недовольство людей. Ли Чангу вспомнил унижение, которое он испытал, стоя в очереди за гостевой визой. Не желая, чтобы это повторилось, он позвонил в знакомое турагентство и спросил, сколько времени потребуется на получение визы J-1. Ему ответили, что если раньше на это уходило два или три дня, то сейчас — больше недели. У Ли Чангу имелась гостевая виза, которая была действительна еще два года.

Полагая, что, если не удастся быстро получить визу J-1, он сможет выехать по гостевой визе, Ли Чангу тем не менее начал беспокоиться: он вспомнил, что письмо от американской стороны получил спустя почти неделю. Ким Хесук часто звонила и прислала по факсу краткое описание переведенной на корейский язык статьи, с которой собиралась выступить на конференции. Она заставила его напрягаться, но Ли Чангу знал: она старается не только сделать все как следует, но и дать ему доста-

точное время для подготовки, — и потому не сердился на нее. Он опасался, что документы, скорее всего, придут с опозданием, и ему не хватит времени получить визу J-1. Ли Чангу также беспокоило то, что не успеет прочитать статью Ким Хесук. Ли Чангу надоела неопределенность, и он отправил представителю американской стороны — Донне Уайт — факс следующего содержания:

«Я верю, что после получения моего факса вы отправили документы по почте, но мне их до сих пор не доставили. Даже если я получу документы в течение недели, мне, учитывая нынешние сроки выдачи визы в американском посольстве в Корее, может не хватить времени для получения визы J-1. У меня есть действующая гостевая виза, непонятно, почему я должен ехать именно по визе J-1, процедура получения которой настолько сложна?»

На следующий день по факсу пришел ее ответ. В нем сообщалось, что университет может заплатить пятьсот долларов гонорара и оплатить всевозможные расходы только в том случае, если он придет по визе J-1. Также Донна объяснила, что таков принцип университета и до сих пор исключение не делалось ни для кого из приглашенных ученых. Она сказала, что высланные по почте необходимые документы вот-вот придут. Ли Чангу позвонил в туристическое агентство и, сказав, что, как только документы придут, он немедленно их предоставит, попросил подготовить заявление на получение визы J-1 и забронировать авиабилет на двадцать пятое мая. Однако до пятнадцатого мая документы так и не прибыли. Из туристического агентства звонили каждый день и с беспокойством спрашивали: почему Ли Чангу тянет с документами? Не выдержав, он снова отправил факс в университет С., а там сообщили, что если документы не отправят экспресс-почтой, у него может не хватить времени на получение визы J-1. Когда он рассказал об этой ситуации Ким Хесук, та возложила вину за задержку на

корейское почтовое отделение. Она успокоила его: мол, американское посольство вряд ли отнесется к известному корейскому интеллектуалу как к рядовому путешественнику. Он тоже подумал: возможно, так и будет, раз его пригласил один из самых известных университетов США. Донна Уайт сообщила по факсу, что послала еще один комплект документов экспресс-почтой. Ли Чангу никак не мог понять: почему документы для получения визы J-1 обязательно должны быть отправлены по обычной почте, когда их можно было отправить по факсу? К сожалению, экспресс-почта не доставила документы в тот же день. Три дня спустя посланный дополнительно комплект документов прибыл одновременно с первым, который был отправлен обычной почтой тремя днями ранее. Документы прибыли в пятницу девятнадцатого мая. Как бы Ли Чангу ни спешил, ему все равно пришлось ждать до понедельника: суббота и воскресенье были выходными днями в американском посольстве.

Ли Чангу, конечно, не ожидал, что его документы рассмотрят в особом порядке вне очереди, хотя в глубине души все же надеялся на это. После отправления документов экспресс-почтой в университете С., кажется, стали понимать, что получить визу вовремя корейскому писателю не удастся. Ким Хесук была так опечалена, что, разговаривая с ней по телефону, Ли Чангу прямо чувствовал, как она неловко и виновато переминается с ноги на ногу. Донна Уайт каждый день присылала факсы. Американская сторона очень беспокоилась и попросила его приехать хотя бы по гостевой визе. Но здравый смысл подсказывал Ли Чангу, что раз уж его присутствие на этой конференции обязательно, проблему с визой можно решить следующим образом. Если он поедет по гостевой визе, то дорожные расходы и гонорар ему выплатят позже, найдя соответствующие способы. Но даже если ему ничего не заплатят, он не сильно расстроится. Ли Чангу надеялся, что если американская сторона будет убедительно ходатайствовать, то посольство США в Корее будет вынуждено прислушаться и пойти навстречу, хотя все же

понимал, что такое вряд ли возможно. В конце концов, у него была гостевая виза — он мог забронировать авиабилет, даже если эту проклятую J-1 ему не дадут. Проблем с вылетом в назначенный день не возникнет.

Он торопился и чувствовал себя отвратительно из-за того, его доброе имя оказалось под угрозой. Из-за хвастовства директора школы не только среди коллег-учителей, но и среди учащихся не было человека, который не знал бы о том, что учитель Ли Чангу получил приглашение из известного американского университета С. на открытие научной конференции, посвященной его творчеству. Собратья по перу или приятели-субутильники, которых он в последнее время старательно избегал, узнав об этом благодаря слухам, просили, если он встретит в университетах С. и L. кого-нибудь из их знакомых, передать им приветы.

Прошло уже почти два месяца с тех пор, как он получил приглашение. За это время все буквально валилось у него из рук, им овладело беспокойство, приходилось мириться с бесполезностью собственных усилий, он чувствовал себя маленьким и ничтожным.

Ли Чангу так и не смог полностью преодолеть болезненную робость перед конференцией на английском языке. Когда он подумал, что, может быть, лучше все-таки не ехать, из американского университета С. пришел запрос: сколько еще времени понадобится для получения визы J-1? Ли Чангу тут же спросил об этом в турагентстве и ответил американской стороне, что, возможно, понадобится не меньше недели. Ему ответили, что перенесут начало научной конференции на две недели — на восьмое июня. В конце концов, устав от колебаний, ехать или нет, он зашел к директору школы и объяснил ему всю ситуацию. Директор выразил сожаление: мол, если бы Ли Чангу сказал ему об этом раньше, виза была бы получена в тот же день.

— Вы знаете, чем хорош труд учителя? В нашей стране нет мест, куда бы учитель не мог проникнуть. В юном возрасте все ровесники выглядят примерно одинаково,

но стоящие за ними покровители сильно отличаются. Как нет мальчика, который не мечтал бы о том, чтобы президент страны стал бы его покровителем, так и нет дочери босса преступного мира, не ожидающей получить в подарок только что сворованное кольцо с бриллиантом от своего отца. Преподавание можно рассматривать как работу, на которой много денег не заработаешь, как ничем не примечательную профессию, за которой никто не стоит. Однако это не так. Нет другой такой профессии, за которой бы стояли все слои общества, учитель Ли, вы просто не знаете об этом! Вы же знаете ученицу Юн Е? Она еще так хорошо владеет английским языком... Так вот, ее отец напрямую связан с американским посольством. Сейчас он член Национальной ассамблеи и возглавляет отдел по связи с послом США. Благодаря его связям я смог мгновенно получить визу для сына, когда ему отказали в посольстве. Я говорю вам правду. У него действительно сильные связи.

Выслушав директора, Ли Чангу с трудом сдержал возмущение из-за того, что ему придется налаживать знакомство с родителями вышеназванной ученицы. Но на этот раз у него, кажется, не оставалось ни выбора, ни времени. В назначенный день, когда обычно выдавались визы, сотрудник турагентства снова вернулся из посольства с пустыми руками. Посольство отказалось выдать визу на том основании, что в отправленных из университета С. Документах было указано, что научная конференция начнется двадцать шестого мая, а поскольку этот срок уже прошел, в посольстве не могли понять причину подачи заявления. Действительно, это выглядело нелепо. К решению посольства нельзя было придаться, отчего вся ситуация подачи документов с просроченной датой выглядела еще более абсурдной. Здесь не было чьей-либо вины, просто из-за того, что просрочили время, в посольстве не могли выдать визу. Даже когда Ли Чангу объяснил, что дату начала научной конференции перенесли на две недели, сотрудник посольства не смог решить проблему на месте: у него не имелось соответствующих пол-

номочий. Ли Чангу так устал от всей этой бюрократии, что у него не осталось сил возмущаться. Он сообщил Ким Хесук о неожиданно возникшей проблеме по телефону, а Донне Уайт — по факсу. Он знал, что обе сделали все возможное. Он не сильно огорчился из-за того, что не сможет участвовать в конференции, — у него пропало всякое желание ехать США.

Когда он наконец успокоился, позвонила Донна Уайт. Она сказала, что, даже если исправить все документы и отослать их экспресс-почтой, они все равно не успеют. Поэтому университет С. по телефону или по факсу сообщит в американское посольство, что начало научной конференции перенесено с двадцать шестого мая на восьмое июня, и попросит найти выход из этой ситуации. Ли Чангу ничего не оставалось, кроме как снова влезть в дело, о котором он хотел уже окончательно забыть. Оставалось не так много времени, к тому же Ли Чангу был слишком расстроен, чтобы снова идти в посольство. Вместо этого он зашел к директору школы и рассказал ему все от начала и до конца. Он сделал это, надеясь, что директор поможет ему получить визу, в которой ему только что отказали. Быстрее, чем мог ожидать Ли Чангу, директор школы попросил о помощи отца ученицы Юн Е и сказал, что получил от него определенный ответ: не стоит беспокоиться. Туристическое агентство намекнуло ему, что если американскому послу в Корее позвонят прямо из США, все решится намного легче и быстрее. Из двух дополнительных недель одна была потрачена без толку: до начала научной конференции оставалась неделя, а до вылета в США — меньше пяти дней. Ли Чангу, не выдержав, снова попросил директора школы о помощи; несколько раз он звонил в американский университет С., чтобы там подтвердили, что действительно отправили факс в американское посольство. Когда он позвонил в туристическое агентство, там сказали, что, по их данным, в американском посольстве пока еще не получили такой факс. Тогда он снова позвонил Ким Хесук и рассерженно спросил, что вообще происходит.

В последнее время, когда ему хотелось выругаться или посетовать на судьбу, лучше всего для этого подходила именно она. От Донны Уайт пришло сообщение, что она повторно отправила факс на имя посла, где просила его выдать г-ну Ли Чангу визу J-1.

Снова наступили ужасные времена, когда Ли Чангу не мог думать ни о чем, кроме визы J-1. Однажды ночью ему приснилось, что он выронил паспорт на дороге, которая в мгновение ока превратилась в полотно весьма хитрого и коварного конвейера, который куда-то повлек паспорт с такой скоростью, что он не мог его догнать. Когда Ли Чангу проснулся, дрожа от страха при мысли, что умрет, если потеряет паспорт, он снова почувствовал себя жалким и ничтожным.

А днем пришла хорошая новость от директора школы.

— Виза готова. Учитель Ли, вас просят утром лично явиться в посольство. Там вам надо будет найти сотрудника по имени Роберт. Он в свое время мне здорово помог, хорошо его знаю. Не беспокойтесь: он добрый и симпатичный, хорошо говорит на нашем языке. Вы должны направиться не туда, где получают визы, а к главному входу, находящемуся позади посольства, на проспекте Сечжон. Вы поняли меня? Найдите там мистера Роберта.

Даже если бы директор школы не напомнил, Ли Чангу все равно бы не забыл это имя, которое звучало как «робот». В здании Kogea Telecom, находившемся рядом со зданием американского посольства, неизвестно по какой причине шла демонстрация, — всюду была выставлена строгая охрана. Ли Чангу внезапно почувствовал угрызение совести оттого, что совсем не знает, вокруг чего сегодня вращается мир. В этот момент все, из-за чего он так переживал, показалось ему совершенно незначительным. Он специально дождался, когда разбрасываемые с крыши листовки упадут на землю, поднял одну из них и, не читая, свернул и положил в карман. Затем подошел к охраннику американского посольства и сказал, что у него назначена встреча с мистером Робертом. Его пропустили, попросив предъявить удостоверение личности. Входная вращающаяся дверь в вестибюле,

которую приходилось толкать самому, была настолько толстой и тяжелой, что поневоле казалось — он входит в какой-то бункер. Такую дверь Ли Чангу видел впервые в жизни: она подавляла его, рядом с ней он казался себе ничтожно маленьким. Когда он сообщил дежурному, по какому делу пришел, тот куда-то позвонил. Через некоторое время спустился Роберт и, взяв у него паспорт, долго вертел в его руках, внимательно изучая. Ли Чангу было неприятно, что его документ рассматривают столько времени. Желая как можно быстрее разрядить неловкую ситуацию и получить паспорт обратно, он, не зная, с чего начать разговор, произнес: «Спасибо». Однако то был не сон, в котором паспорт стремительно уплывал в никуда на ленте коварного конвейера. Пододвинув к нему бланк заявления на получение визы J-1, Роберт сказал: «Если вы заполните его прямо здесь, я постараюсь как можно быстрее выдать вам визу».

Ли Чангу взял бланк заявления, но от гнева и унижения его пальцы так сильно дрожали, что он не смог ничего написать. Глаза его в тот миг почти ничего не видели, и он смог прочесть только крупную надпись на самом верху бланка: «Пожалуйста, заполните в нижней половине бланка пустые графы печатными буквами на английском языке».

— Я уже предъявлял вам эти документы, — сказал Ли Чангу, едва сдерживая гнев. — Почему же вы опять требуете писать это? Завтра День памяти погибших на войне, посольство будет отдыхать, а мне надо вылететь не позднее седьмого июня. Я долго готовился к поездке, веря, что получу визу сегодня утром. Даже если я поеду в аэропорт завтра утром, зайдя по пути в посольство, то все равно не успею к началу конференции.

Пока он говорил, Роберт медленно листал страницы паспорта, а затем с жалостью уставился на него невинными голубыми глазами и спросил:

— Если вы так спешите, то почему хотите поехать по визе J-1? У вас же есть действующие визы B-1 и B-2. Я вас не понимаю!

Вероятно, оттого, что Роберт говорил ему эти слова, тряся раскрытым паспортом, Ли Чангу почувствовал себя так, словно над ним насмеваются. Ему захотелось как можно быстрее забрать свой паспорт. Он протянул руку и сказал:

— Пожалуйста, верните мне паспорт! И больше не беспокойтесь о том, с какой визой я поеду.

Роберт, словно только этого и ждал, с готовностью вернул паспорт и, пожелав приятной поездки, протянул руку для рукопожатия. Ли Чангу, взяв паспорт и пожав в ответ Роберту руку, облегченно выдохнул.

Когда он вернулся в школу и обо всем рассказал директору, тот возмутился: такого не может быть! И добавил, что узнает все от отца Юн Е и попросит его принять соответствующие меры. Ли Чангу с большим трудом удалось уговорить его не делать этого.

— Это невозможно, учитель Ли! Я уверен, что там, в посольстве, вы, скорее всего, вели себя грубо. А вы в курсе, что это значит? — громко спросил директор, сделав акцент на слове «там». — Это когда не можешь определиться, как держаться: властно или раболепно, — и ведешь себя неприлично.

Директор школы, вероятно, не мог успокоиться, не взвалив всю вину на Ли Чангу за то, что проблема не решилась. Тем не менее Ли Чангу был очень благодарен директору — ведь тот так старался ради него! Другие же проявили себя иначе. Ли Чангу изливал душу знакомым профессорам и друзьям, которые часто выезжали за границу по культурному обмену, и рассказывал им о расстроившем его случае. Конечно, он делал это не для того, чтобы получить какую-то помощь, — просто ему хотелось, чтобы они вместе с ним поругали американское посольство. Однако большая часть собеседников, в отличие от директора школы, попыталась использовать эти рассказы исключительно для того, чтобы выставить самих себя в выгодном свете. Они говорили, что, когда кого-то оскорбляли во время интервью, с ними, наоборот, обращались вежливо и они благополучно проходили

собеседование; говорили, что в посольстве им, неизвестно по какой причине, давали визы сроком на пять лет. С притворным сочувствием они старались выставить на показ свою привилегированность. В такие минуты они напоминали людей, которые разбирались между собой, кто из них выше или ниже по происхождению. Но даже среди таких, как они, Ли Чангу чувствовал себя самым ничтожным и низким. Ему не хотелось снова думать об этой проклятой визе J-1.

Ли Чангу успокоил чуть не плачущую от огорчения Ким Хесук. Он всю ночь читал присланный ею доклад и вопросы и, хорошо все обдумав, записал свои мысли в виде краткого обзора. Отправляя записи по факсу, он попросил Ким Хесук, чтобы та, если он не сможет участвовать, не падала духом и успешно провела конференцию. «Даже дождевой червь извивается, когда на него наступают»⁴, — подумал он и решил, что пережитый им неприятный опыт не является исключительно его виной и это дело нельзя спустить на тормозах.

Через несколько дней, успокоившись, он отправил на кафедру Восточной Азии, которая его пригласила, факс следующего содержания:

«Мне кажется, что из-за специфики работы вашей исследовательской группы вы и впредь будете приглашать докладчиков. Я хотел бы, чтобы вы знали о неприятном случае, произошедшем со мной, поэтому и решил написать это письмо».

Затем он от начала до конца рассказал обо всех своих невзгодах.

«Я по-настоящему возмущен следующими вещами. Во-первых, не было быстрого ответа из американского посольства на мое заявление. После девятидневного молчания посольство вернуло обратно мое заявление на получение визы. Причиной отказа назвали истечение

⁴ Корейская пословица.

срока даты начала конференции, указанной в первом приглашении; попросили документ о переносе даты начала конференции. День вылета у меня был назначен на послезавтра, но я не был уверен, что мне дадут визу на следующий день, даже если я предоставлю в посольство соответствующий документ. Во-вторых, невозможно было узнать, не потребуют ли через десять дней еще какой-нибудь нелепый документ. В визовом отделе американского посольства в Корее не существует определенного срока рассмотрения заявлений. Нельзя узнать, сколько может длиться рассмотрение заявления: один день, неделю или месяц, — а это значит, что невозможно составить план поездки в США. Занятой человек, спланировав поездку, бывает вынужден отменить ее, а затем пройти всю процедуру сначала. Но даже после всего этого: можете ли вы представить себе ситуацию, когда человек за день до вылета все еще не знает, стоит ли ему покупать авиабилет?! Такая абсурдная ситуация возникла в визовом отделе американского посольства в Корее. Но даже после такой вопиющей несправедливости нам некому выразить протест. Американское посольство в Корее не принимает жалобы от корейцев. Поэтому я пишу письмо вам. Я хотел бы, чтобы вы официально обратились в американское посольство в Корее в качестве заинтересованной стороны, пригласившей меня, и выразили протест: такое обращение с приглашенными корейскими учеными вряд ли соответствует национальным интересам США! Кроме того, я попросил бы вас заново пересмотреть правила вашего университета, которые требуют от приглашенного обязательное получение визы J-1. Не будь этого правила, я мог бы без всяких проблем принять участие в конференции в назначенный день, указанный в первом приглашении».

Вскоре пришел ответ из Восточноазиатской исследовательской группы. Наряду со словами, что все участники научной конференции очень сожалеют о том, что Ли Чангу не смог в ней участвовать, сообщалось, что она прошла успешно, там изучали и обсуждали его произве-

дение. Наряду с формальными благодарностями за то, насколько его разъяснения доставили всем удовольствие и помогли понять основную тему рассказа, в письме содержались следующие фразы:

«Мы сожалеем, что по непонятным нам причинам наш план пригласить вас на конференцию был сорван, и возмущены тем, что вы пострадали от действий правительства США. К тому же этот случай показал, что в Корее колониализм не закончился, а существует до сих пор».

Последние слова заставили гореть не только его сердце, но и — впервые за долгое время — его лицо. К письму была приложена копия текста протеста, отправленного по его просьбе в американское посольство в Корее. Среди тех, кто подписал этот протест, были ученые из зарубежных университетов, проводившие семинары по колониальному опыту и современности восточноазиатского колониализма.

Протестное письмо содержало в себе всю переписку, начиная с первого контакта до даты начала конференции. Вся проведенная за это время переписка была описана более детально, чем помнил он. Конец письма был следующим:

«Мы возмущены грубостью и неуважением правительства США к корейским мастерам культуры. Вдобавок к необъяснимым причинам задержки в выдаче визы J-1 г-ну Ли Чангу были заданы сомнительные вопросы насчет того, нет ли у него другого мотива для подачи заявления на получение визы J-1. Сотрудник, который занял такую позицию, судя по всему, предположил, что г-н Ли Чангу собирается работать в Соединенных Штатах, поскольку данная виза дает разрешение на работу. Какое же невежественное отношение проявило американское посольство к мастеру корейской культуры, обращаясь с ним как с рядовым жителем Кореи! Мы даже в страшном сне не можем себе представить, чтобы, к примеру,

г-жа Надин Гордимер⁵ из Южной Африки пострадала из-за подобной проблемы. Мы, молодые ученые-исследователи калифорнийского университета С., постоянно осуществляем научные и культурные обмены со странами Азии. А такие бестактные поступки уничтожают академический энтузиазм и международные отношения. Этот инцидент унизил выдающегося писателя Кореи и заставил студентов университета С. и участников семинара почувствовать стыд за великую страну. Роль Восточной Азии на мировой арене с каждым днем усиливается, но из-за таких недальновидных действий по отношению к уважаемым писателям мы теряем хорошую возможность влиять на ее культуру. Такое неуважительное обращение с г-ном Ли Чангу крайне невыгодно для США. Этот эпизод станет предметом публичных дебатов и материалом для помощи корейским интеллектуалам. В качестве первого шага к предотвращению подобных случаев в будущем мы надеемся, что г-ну Ли Чангу дадут разъяснение, а американское посольство в Корее должно принести ему официальное извинение. Кроме того, оно должно возместить ему расходы на составление двух заявлений на получение визы J-1 и комиссию за отказ от авиабилета. Мы, нижеподписавшиеся, ждем разрешения данной ситуации».

Прочитав письмо вслух и испытывая при этом стыд и гнев, Ли Чангу неожиданно со злостью выпалил:

— Эти люди, пожалуй, думают о нас хуже, чем о Южной Африке!

Жена глянула на него таким взглядом, что у Ли Чангу тут же упало настроение, и сухо и коротко сказала:

— Ты что-то имеешь против Южной Африки?

Он смутился еще больше и сказал, бравлируя:

— Пока этот американский посол официально передо мной не извинится, ноги моей больше не будет на американской земле!

⁵ Южноафриканская англоязычная писательница.

МОЙ ВРАГ

— *Зачем вы его уносите?*

— *Вы же сказали, что он заражен вирусом. Я боюсь, что он заразит и этот ноутбук...*

— *Бабушка, вы действительно умеете пользоваться этим компьютером? —*
недоверчиво спросил он, приняв строгий вид.

Мой компьютер снова стал вести себя странно. На этот раз у него проявилось старческое слабоумие. Меньше года прошло с тех пор, как он незаметно «проглотил» мою рукопись из тридцати страниц формата А4. Пользуясь случаем, я хотела поменять старый компьютер на базе процессора «Интел 386» на новый с процессором «Интел 586», но стоило лишь подумать о том, что в доме будет сразу два компьютера, как мне становилось дурно. Когда приобретаешь новую вещь, старую надо выбросить или подарить тем, кому она нужна, но мне казалось, что я не смогу так поступить. Причиной тому были проглоченные компьютером злосчастные тридцать страниц текста. Да, текст занимал примерно тридцать страниц формата А4, что составляло примерно четверть длинного рассказа, который я собиралась написать. Проблема заключалась

не только в объеме. Неважно, длинным или коротким был рассказ, самое трудное для меня — написать первую четверть, время создания которой тянулось утомительно долго. Удивительно, но после первой четверти намного легче добираться до середины рассказа, а вторую половину можно закончить быстро, словно катишься с вершины горы, куда взобрался огромным трудом.

И такую важную четверть рассказа этот проклятый компьютер самым наглым образом «проглотил»! Когда я вызвала сотрудника компании, занимающейся комплектацией компьютеров, тот, осмотрев его, ушел. Он обвинил меня в невежестве и указал на грубую ошибку: мол, я не сделала резервное копирование данных. Тогда я попыталась найти людей, которых называют компьютерщиками, но и они смогли восстановить всего лишь десять строк из написанного текста. Сначала я была им бесконечно благодарна даже за это, поскольку надеялась, что таким образом постепенно сумею восстановить и весь остальной текст. Но никто из приглашенных специалистов не смог восстановить ничего, кроме тех десяти строк. Благодаря этому событию я поняла: нельзя полностью доверять этой чудесной машине. Долгое время компьютер был моим верным спутником, но теперь подозрительное отношение к нему вызывало усталость. Иногда я скучала по тем временам, когда писала рассказы от руки, но хорошо понимала: я уже не смогу вернуться к тем прекрасным дням.

Я сделала все возможное, но когда поняла, что компьютер не вернет мою рукопись, мне захотелось вызвать не компьютерщика, а специалиста по пыткам. Я думала, что, если мой компьютер настолько глух к хорошему обращению, пытка — самый подходящий способ, чтобы вытащить из него нагло проглоченный текст рассказа. Вспомнив, как однажды оживила неработающее радио, сильно ударив по нему ногой, я сначала нещадно била по проклятому компьютеру рукой, а потом, наоборот, легонько постукивала его то тут, то там, приговаривая: «Эй, кусок врага!» Я даже ругала его и, словно намереваясь разбить, пробо-

вала угрожать ему палкой; много раз выключала и снова включала, но тщетно: на экране отображалось только имя документа, а сам текст так и не появился. Когда я, устав от этой борьбы, пролежала несколько дней с обмотанной из-за постоянной боли головой, из моей памяти полностью исчезли даже остатки воспоминаний об утерянном произведении. В конце концов я поняла, что рассказ, который, как мне казалось, мог стать шедевром всей моей жизни, канул в небытие. Тем не менее я не могла выбросить своего «врага», как бы ни ненавидела его, как бы ни притесняла, — на нем так удобно создавать новые документы. За исключением того, что компьютер слопал мой труд, над которым я пролила немало пота, других претензий к нему не имелось. Для написания любого рассказа необходимы пылкость, совесть и такой человек, как я, — один из немногих старых писателей, которые могут говорить о чем угодно без удивления.

Вероятно, я обращалась с компьютером слишком по-человечески. На этот раз единственное объяснение, которое я могла дать своему «врагу», — он болен старческим слабоумием. Я обращалась с ним как с человеком, вот он и заболел. Бывало, хорошо отображая по несколько строк, он внезапно начинал печатать гласные и согласные буквы отдельно, а падчим¹ вообще улетал в неправильное место. К примеру, я печатала слог «ка», однако на экране высвечивалась только буква «К», а буква «А» — нет. Я думала, что неправильно напечатала, и несколько раз пыталась напечатать данный слог, но результат всегда был одинаковым. Присмотревшись, я поняла, что печатала правильно, просто буква «А» улетала в другое место и до неузнаваемости искажала следующий слог. Я напечатала

¹ Подстрочные согласные графемы в слоге. Корейский слог складывается «квадратиком», который в ряде случаев замыкается согласной графемой (*падчим* по-корейски). Отлаженный компьютер сразу расставляет корейские буквы правильно — «квадратиком». «Слабоумный» компьютер героини рассказа, очевидно, ставил буквы как в европейской строке, одну за другой, а не одну под другой.

«강»², но увидела, как падчим «○» улетел и прилепился к следующему слогу. Я не могла точно определить, где возникает опечатка, как и куда улетают гласная или падчим. Это как сплюнуть на ладонь и потом хлопнуть: не знаешь, куда брызнет слюна. Так и с моим компьютером. Я снова позвонила в компьютерную фирму. Называющие себя компьютерщиками специалисты не могли понять, о чем я говорю. Они утверждали, что не видели и не слышали о подобной неисправности в компьютере. Возможно, выражение «старческое слабоумие» пришло на ум не мне, а кому-то из них. Старческое слабоумие у людей считается одной из самых тяжелых болезней, однако и компьютерное слабоумие заставляет сходить человека с ума! Теперь я страшно уставала от своего компьютера. К счастью, как раз в это время нашелся человек, который, увидев, как я мучаюсь из-за недописанного рассказа, пожалел меня и одолжил свой ноутбук.

Когда я попробовала поработать на его ноутбуке, мне не понравилось — на моем старом компьютере печатать было намного удобнее. Если меня спросят, почему я так привязана к этому проклятому древнему компьютеру, который и даром никому не нужен, то я отвечу: для меня он был подобен раковине, скрывающей жемчуг, — мой бессмертный шедевр. Мне оставалось лишь хранить его в надежде, что когда-нибудь я смогу восстановить текст рассказа. Отчаявшись, я решила сообщить о своей проблеме на фирму, где покупала этот компьютер. Приехавший посмотреть его молодой инженер, судя по его недоуменному взгляду, видимо, не понял моего объяснения насчет «старческого слабоумия» у машины. Я решила продемонстрировать специалисту проблему и напечатать какой-нибудь текст. Действительно, не сыщешь более хитрого компьютера на свете! Странная ошибка,

² «강» — река. Здесь приводится пример проблемы, с которой столкнулась героиня: последняя буква в трехбуквенном слоге, которая должна замыкать «квадрат», улетела к следующему слогу и полностью исказила смысл слов.

возникавшая через каждые две-три строчки, на сей раз не появилась даже после того, как я напечатала целую страницу. Я вся вспотела, чувствуя стыд и неловкость перед молодым человеком. Странно, но почему-то именно в этот момент я стала печатать так медленно и неуклюже, что со стороны, наверно, невозможно было понять, по чьей вине возникала ошибка — моей или компьютера. Глядя на то, как я печатаю, молодой инженер не выдержал:

— Кто работал на этом компьютере?

— Это мой компьютер. С самого начала он мой.

— То есть вы хотите сказать, что с такой способностью печатать вы чатитесь? — спросил он с нескрываемым любопытством, а на его лице промелькнуло не то недовольство, не то презрение.

К счастью, он, кажется, совершенно не догадывался, что я писательница, зарабатывающая себе на хлеб написанием рассказов. Мне казалось, что я довольно известный автор, но, судя по его реакции, это было не так.

— Я не знаю, что значит «чатиться».

— Тогда, может быть, вы любите играть в компьютерные игры?

Инженер постепенно становился все более высокомерным и наглым. Затем он начал ловко стучать по клавиатуре и через какое-то время уверенным голосом сообщил, что компьютер заражен вирусом. Я торопливо унесла лежавший возле него ноутбук в другую комнату.

— Зачем вы унесли его? — с улыбкой спросил он.

— Вы же сказали, что компьютер заражен вирусом. Я боюсь, что он заразит и этот ноутбук...

Молодой человек на мгновение, кажется, потерял дар речи.

— Бабушка, вы действительно умеете работать с компьютерами? — спросил он, перестав улыбаться.

Я поняла, что опростоволосилась, и улыбнулась. Несмотря на то, что я была несведущей в отношении принципов работы компьютера, я все же знала: компьютерный вирус не передается по воздуху или через прикосновение. Однако, едва заслышав слово «вирус», я думала лишь об

одном: нельзя, чтобы испортился чужой ноутбук, — поэтому машинально совершила такую досадную ошибку.

— Значит, это из-за вируса так сильно изменился текст? — с удивлением спросила я, искренне не понимая, почему другие специалисты не смогли его выявить.

— Я сейчас удалю вирус. Чуть позже, когда вы будете писать, узнаете об этом, — грубовато ответил молодой человек, вталкивая принесенную с собой дискету в дисковод.

Чем больше я думала о том, почему в таком возрасте, вместо того чтобы писать от руки, я должна терпеть унижения, используя огромный по сравнению с ноутбуком компьютер, тем сильнее злилась. Молодой человек сообщил, что удалил вирус, и снова спросил, действительно ли я работаю на этом компьютере. Он интересовался этим уже в третий или четвертый раз, и я подумала: придется открыть ему, что я писательница.

— Молодой человек, для вас работа — это ремонт компьютеров, а для меня — писать рассказы.

Юноша понимающе кивнул, но на его лице отчетливо читалась жалость.

— Бабушка, почему вы, живя в такой огромной квартире, так истязаете себя? Скажите: ну сколько вы сможете заработать в день с таким-то умением печатать? Моя мать намного моложе вас, и то она властно приказала детям, чтобы те давали ей деньги на карманные расходы. Сейчас она путешествует и наслаждается жизнью.

— Да, пожалуй, вы правы, — ответила я, невольно соглашаясь с его словами и действительно не зная, что ему ответить.

Это было продолжением моей ошибки.

— Так много людей, которые с трудом печатают, но почему-то именно к компьютеру бабушки прицепился вирус, удивительно! — тихо бормотал молодой человек, видимо, так и не поверив в то, что я писательница. Он протянул мне счет за ремонт компьютера на сумму семь тысяч вон³.

Я тоже была удивлена.

³ Небольшая сумма.

СОДЕРЖАНИЕ

Высохший цветок	7
Воображаемая бабочка	47
Невыносимая тайна	95
Когда кончается длинный и неинтересный фильм	123
Очень одинокий человек	146
Ее дом	180
Колючка среди цветов	206
Женщина, которая играла с мячом	237
Виза J-1	265
Мой враг	297

Пак Вансо
ОЧЕНЬ ОДИНОКИЙ ЧЕЛОВЕК

Рассказы

Перевод с корейского
Г. Н. Ли

Ответственный редактор
С. В. Смоляков

Редакторы
Е. Мирошникова
Е. Хаетская

Корректоры
А. Вдовичева
Н. Казимирчик

Художник
П. П. Лосев

Оригинал-макет
М. А. Василенко

Издательский Дом «Гиперион»,
195269, Санкт-Петербург, пр. Просвещения, 69-263.

Тел./факс +7 (953) 167-0028

E-mail: hyp55@yandex.ru

www.hyperion.spb.ru

Интернет-магазин: www.hyperion-book.ru

Сдано в набор 12.06.2018. Подписано в печать 25.03.2019.

Усл.-печ. л. 15,96. Формат 84×108 ¹/₃₂.

Тираж 1000 экз. Заказ № 3000.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт: www.chpd.ru. E-mail: sales@chpd.ru

тел. 8 (499) 270-73-59

